

С.Г. КАРА-МУРЗА
О.В. КУРОПАТКИНА

**НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО
В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

МОСКВА 2014

**С.Г. Кара-Мурза
О.В. Куропаткина**

Нациестроительство в современной России

Москва
алгоритм
Научный эксперт
2014

УДК 323.1:94(470+571)

ББК 63.500

К 21

Кара-Мурза С.Г. , Куропаткина О.В.

К 21   Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.

ISBN 978-5-91290-217-8

Монография посвящена разъяснению понятий «этнос», «этничность», «нация», «национализм», а также историческому опыту нациестроительства в России и проблемам «собирания» нации на современном этапе.

Для специалистов в области политики, государственного управления, гуманитарных знаний, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 323.1:94(470+571)

ББК 63.500

ISBN 978-5-91290-217-8

© Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В., 2014

© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2014

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Этнос, нация, национализм	15
1.1. Народ.....	15
1.2. Этнос и этничность	33
1.3. Нация и национализм.....	60
1.4. Механизмы нациестроительства	78
1.4.1. Внешние факторы.....	79
1.4.2. Внутренние факторы.....	118
Глава 2. Нациестроительство в истории России	142
2.1. Нациестроительство в Российской империи и СССР	142
2.2. Противоречия и трудности процесса сборки советского народа	166
Глава 3. Нация в современной России.....	186
3.1. Социально-экономическое состояние.....	188
3.2. Социокультурные процессы	234
3.3. Состояние межэтнического общежития.....	320
Глава 4. Современные установки государства по вопросам нациестроительства и главные препятствия к новому собиранию нации в России	368
4.1. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: главные установки	368
4.2. Аномия — фундаментальное препятствие нациестроительству	375
4.3. Информационное обеспечение нациестроительства в России	379
Заключение	383
Библиография	393

Введение

Разрушение СССР с необходимостью означало и разрушение советского народа как системы. Механизм соединения людей в народ поддается рациональному анализу и изучению научными методами. Значит могут быть созданы и эффективные технологии таких воздействий, которые приводят к поломкам этого механизма, его отказам или даже переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

В последние десятилетия это и произошло. Период «перестройки» охарактеризовался *демонтажом советского народа*. Защитные системы советского государства и общества не нашли адекватного ответа на этот исторический вызов. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации СССР, при полной недееспособности государства и народа. После 1991 г. эта программа была продолжена с некоторой потерей темпа вследствие нарастания стихийного, неорганизованного сопротивления народа.

Данная операция велась в двух плоскостях: как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа*, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Это позволило расчленить СССР и все его системы, а затем приватизировать национальное достояние разделенных народов, сменить политическую систему и общественный строй.

Народы России, собравшиеся вокруг русского ядра, в XIX в. уже складывались в большую полиэтническую гражданскую нацию. Но этот процесс дважды был пресечен — в начале и в конце XX века. В 1917 г. на этот исторический вызов ответили, пройдя через две революции и Гражданскую войну. Кризис конца XX в. загнал Россию в новую историческую ловушку, выбраться из которой можно только вновь «собрать» ее народ (нацию) как субъект истории, обладающий политической волей.

Перед постсоветской Россией стоит труднейшая задача *нациестроительства*. Seriously поставить эту задачу государство смогло только спустя 20 лет после катастрофы ликвидации СССР. Условия для выполнения данной задачи — как внутренние, так и международные — чрезвычайно сложны.

Демонтаж советского народа проводился с таким избытком мощности, что разрушил или повредил все типы связей, соединяющие население России в нацию. Этот процесс продолжался все 1990-е гг. и — по инерции — после 2000 года. Население России в данный момент представляет собой «полуразобранную» общность, не обладающую свойствами нации (народа). Никакой программы блокирования этого процесса и восстановления поврежденных частей не выработано ни в государстве, ни в обществе. Соппротивление носит молекулярный неорганизованный характер, и шансы на его успех невелики. Блокирование данного деструктивного процесса — необходимое условие нациестроительства. Но для этого требуются политическая воля, программа и организация.

По народу России прошли трещины и разломы. Люди съежились, сплотились семьями и маленькими группами, отдаляются друг от друга подобно тому, как разбегаются атомы газа в пустоте. Народ, который в недавнем прошлом был цельным и единым, становится похожим на кучу песка. Сначала его раскололи на большие блоки — но так умело, что мелкие трещины прошли и по всем его частям. Главные разломы произошли в двух плоскостях — *социальной* и *национальной*. Это те плоскости, в которых уложены главные связи, соединяющие людей в народы. Для России обе эти плоскости всегда были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску — и наоборот.

Обратим внимание на ту сторону проблемы, от которой уходят политики. Суть ее такова: по достижении критического порога в разделении богатых и бедных (в расслоении *социальном*) это разделение смыкается с разделением *этническим*. Расслоение социальное становится и расслоением на разные народы. И тогда образуется пропасть, навести мосты через которую становится уже очень трудно.

Речь идет о том, что одним народом (нацией) ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа

образ жизни. Иными словами, социальное расслоение народа не может быть слишком глубоким. Когда оно достигает «красной черты», разделенные социально общности начинают расходиться по разным дорогам и приобретают черты разных народов.

Такое наложение и сращивание этнических и социальных признаков — общее явление. *Этнизация* социальных групп — важная сторона общественных процессов. Сходство материального уровня жизни ведет к сродству культуры, моральных норм, отношения к людям и государству. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни, отделяет ее от тела народа, превращает членов этой группы в отщепенцев или изгоев.

Рассмотрим кратко типы разломов, которые сразу разрывают множество связей между людьми и в совокупности ведут к дезинтеграции общества и нации.

— Первый раскол — между *бедными* и *богатыми*.

Это — самое массовое разделение. Известен категоричный вывод социологов: «пространство социальной стратификации как бы свертывается практически к одному показателю — имущественному (капитал, собственность, доход)». Это, конечно, преувеличение, поскольку принципиальное разделение проходит по многим признакам, не менее важным, чем имущественное.

— Второй раскол — *мировоззренческий*.

Это массовое разделение проходит по всем группам. Оно даже пересекает пропасти между богатыми и бедными, между русскими и нерусскими, между поколениями.

Социологи пишут о таком пересечении линий раздела:

«Россиян в большей степени беспокоит не размер кошелька или банковского счета “соседа”, а то, что нынешнее расслоение на богатых и бедных неестественно, неорганично, проистекает из источников, которые “разрывают” общество и задают сомнительные, антисоциальные ориентиры. “Природа” этого расслоения входит в противоречие с консенсусной ценностью большинства россиян (свыше 75% ее разделяющих) о том, что “человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом”»¹.

¹ Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // СОЦИС. 2004. № 3.

— Третий раскол — *этнокультурный*.

Этнонационализм как идеология начал свое наступление уже в СССР (подспудно — с 1960-х гг., явно — в эпоху перестройки). А в 1990-е гг. реформаторам удалось произвести важное изменение во всей конструкции межнационального общежития России — сдвинуть массовое сознание нерусских народов от *руссоцентричного* к *этноцентричному*. В некоторых регионах была проведена мобилизация этничности на базе русофобии, т. е. агрессивного этнонационализма.

— Четвертый раскол — между *поколениями*.

В последние годы перестройки и в 1990-е гг. культурная травма, нанесенная и старшим поколениям, и подросткам, вызвала резкие конфликты между поколениями, разрушая традиционные отношения и установившуюся в советское время систему норм взаимной ответственности и уважения. В дальнейшем, в процессе роста дезинтеграции общества, этот раскол лишь углублялся, становился «системным» — происходило расхождение социальных и ценностных установок, структур потребностей и пр.

Российское общество переживает процесс дезинтеграции — происходит разрыв связей между общностями и, в то же время, разрыв связей между членами каждой общности. То есть идет разрыхление и сокращение в размерах (иными словами — деградация) самих общностей. А. Тойнби писал, что «больное общество» (в состоянии дезинтеграции) ведет войну «против самого себя». Образуются социальные трещины — и «вертикальные» (например, между региональными общностями), и «горизонтальные» (внутри общностей, классов и социальных групп). Это и происходит в России.

Все это говорит о том, какую чрезвычайную задачу представляет нациестроительство в современной России. В 2012 г. по поручению В.В. Путина была начата разработка «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года», проект которой был опубликован в сентябре того же года. Группу разработчиков возглавляли бывший министр РФ по делам национальностей и федеративным отношениям В.А. Михайлов (1995–2000 гг., с перерывом) и бывший заместитель Председателя Правительства России по национальным вопросам, вопросам развития Федерации и местного самоуправления (1997 г.) и ми-

нистр по национальным вопросам в правительстве Е.М. Примакова (1998 г.) Р.Г. Абдулатипов. 19 декабря 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Стратегия) была утверждена Указом Президента РФ № 1666. Ее обсуждение состоялось 19 февраля 2013 г. на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

Эта Стратегия — документ нового поколения, гораздо более внятный и разумный, нежели приходилось читать на эту тему раньше. Однако жанр документа не позволил ответить на те вызовы, которые предъявляет реальность. Уже 15 ноября 2012 г. в интервью два руководителя рабочей группы высказали трудно совместимые суждения. Так, В.А. Михайлов говорил, что цель Стратегии — «закрепление общенационального единства и национального согласия», а Р.Г. Абдулатипов сказал: «Страна находится в катастрофическом состоянии по национальному вопросу в целом ряде регионов. Один выстрел из газового или травматического пистолета может поставить два народа на грань войны!». Это, очевидно, разные вещи.

Еще более резкое противоречие содержится в заявлении В.А. Михайлова, которое корреспондент Би-би-си передал так: «Михайлов рассказал, что новая стратегия включает оба понятия нации — и традиционное для западных стран понятие политической нации, и устоявшееся в Советском Союзе и России понятие этнической нации. «Мы впервые вводим понятие “российская гражданская нация”, но не уходим от этнического определения», — сказал Михайлов, добавив, что он с коллегами пытается совместить в проекте стратегии и современные подходы, и лучшее из опыта как Советского Союза, так и Российской империи»².

Как можно совместить альтернативные понятия, каждое из которых предполагает совершенно разные способы «сборки» нации? И зачем это нужно? И Российская империя, и СССР загнули свою национальную политику этим смешением понятий в ловушку, которая казалась не слишком опасной на этапе рас-

² В России появится российская гражданская нация. URL: <http://www.bbc.co.uk/russian/15.11/>.

цвета и очевидных успехов государства, но была сразу использована сепаратистами в момент кризиса.

Какие этнические нации существуют в России? Ядро многонациональной системы составляет русский народ, который по своему масштабу и разнообразию укладов и культуры соответствует категории *нация* — но это, безусловно, *гражданская нация* (державная, имперская, государствообразующая). Зачем присваивать ей ярлык этнической нации, чтобы она замкнулась в этноцентризме под лозунгом «Россия для русских»? А остальные этнические общности России вполне отвечают понятию «народ» или «народность». И дилемма перед ними одна: соединиться с русским ядром в полиэтническую гражданскую нацию или отдалиться от этого ядра, заслонившись этнонационализмом.

Здесь мы не будем подробно разбирать основные положения Стратегии. Отметим только несколько принципиальных моментов. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что ставя стратегическую задачу сборки российской нации авторы документа ни одним словом не упомянули о *национализме*. Видимо, до сих пор действует табу на применение этого научного термина, введенного более ста лет назад русскими православными философами по конъюнктурным соображениям — как отрицание буржуазного национализма, который смешивали с расизмом. Но в современной этнологии практически общепринято, что «национализм создает нацию, а не нация — национализм».

Значит, для нациестроительства в России необходим русский национализм как основание гражданского российского национализма. Эта проблема изучена в отношении СССР, где для сборки советского народа перед войной (в 1930-е гг.) была осуществлена большая и успешная программа по формированию русского советского национализма. Ранее, в 1920-е гг., подобную программу разрабатывал Сунь Ятсен в своем труде «Три народных принципа» — для сборки современной китайской нации. Более того, он убедительно показал, что интернационализм как идеология межнационального сотрудничества только и может сложиться при наличии национализма как элемента мировоззренческой матрицы.

Большой бедой для России стало слабое знание (а во многих случаях и невежество) в вопросах этничности, национальности, национализма. Вот сейчас российское общество, выбирая доктрину нациестроительства, поставлено перед выбором: какой русский национализм предпочтительно обрести. Но большинство политиков и граждан этого вопроса не понимают — они не знают, какие бывают национализмы. О разных социализмах что-то слышали, а национализм для них — просто что-то нехорошее. Более того, неясно даже, какую концепцию этничности разработчики Стратегии положили в основание своей доктрины нациестроительства. Ведь в этнологии сосуществуют и борются две альтернативные концепции, и соответственно им выстраивается национальная политика. В дискуссиях по поводу Стратегии этот пробел совершенно необходимо устранить.

Другой фундаментальный изъян Стратегии состоит в том, что она обходит главный вопрос: какую же модель будущей российской нации выбрала российская власть? Каков проект жизнеустройства в этой нации русского народа и 193-х других национальностей? Ведь невозможно вести нациестроительство, не имея никакого проекта! Уже в Российской империи сложилась особая, весьма сложная модель межнационального общежития; она в главных чертах была принята и развита в СССР. Граждане России имеют о ней представление. Но ведь другие нации построены по иным проектам. США сплавили в «этническом тигле» полиэтнический поток иммигрантов с особым статусом африканцев и индейцев; испанцы включили разные королевства и герцогства на различных договорных началах — с непрерывными спорами, компромиссами и конфликтами; Бисмарк собрал феодальные государства в федерацию «земель», оставив Австрию вне Германии, и т. д.

Как будет выглядеть Россия после 2025 года? Допустим, это в Кремле еще не решено. Но какие варианты обдумываются? Неопределенность и умолчание лишь усиливают дезинтеграцию общества.

На заседании Совета по межнациональным отношениям РФ 19 февраля 2013 г. один из ведущих разработчиков Стратегии В.А. Михайлов перечислил «главные идейно-теоретические опоры и новации укрепления российской нации», которые на-

званы в документе. В частности, он сказал: «Здесь идея, что Россия — государство-цивилизация. Эта идея была прописана в середине XIX века Данилевским как культурно-исторический тип»³.

Россия — государство-цивилизация! Это исключительно важное заявление. Ведь главной, *системообразующей* угрозой для России в этой ее ипостаси является утрата системного качества, распад соединяющих цивилизацию связей. При этом происходит распад обобщенного носителя цивилизационных свойств — *культурно-исторического типа*. Это — коллективный субъект национальной истории, представление нации как системы ее мировоззренческих (шире — духовных) качеств, знаний и умений. Распад этой системы предопределяет слабость, уязвимость страны, общества, государства перед лицом всех других угроз.

Условием сохранения Россией статуса цивилизации является общепринятое и регулярно подтверждаемое осознание России как цивилизации самим населением России. Принадлежность народа к той или иной цивилизации — так же, как и принадлежность отдельной личности к тому или иному народу — выражается множеством объективных признаков. Однако вторым необходимым фактором является *самоосознание* народа (и отдельной личности).

Самоотречение для цивилизации убийственно. Если уверенность российского общества в том, что оно — носитель смыслов цивилизации, будет вытеснена из массового сознания, Россия начнет быстро терять атрибуты цивилизации. Как с этим обстоит дело в постсоветской России?

В конце 1980-х гг. в России началась и продолжается поныне реформа, которая поставила целью «возвращение в наш общий европейский дом», т. е. переделку жизнеустройства России по западным образцам. Это — попытка устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», большая программа имитации западных общественных институтов, типа хозяйства и социальных отношений. Она заведомо обречена на провал уже потому, что Запад появления у него такого «родственника» не желает и никогда не желал — потому и произошел раскол с Византией.

³ В Москве прошло заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. URL: <http://www.fnkaa.ru/news/read.994.htm/>.

Так что даже если бы отказ российских народов, и прежде всего русских, от самих себя был бы заведомым благом, оно нереализуемо просто из-за того железного занавеса, которым отгорожен от нас Запад (воспринимающий Россию в качестве Востока), — гораздо более железного, чем сталинский⁴.

Российская имперская нация, а потом советский народ (нация) складывались в условиях, когда для них пробным камнем был Запад как «*этнизирующий иной*» (т. е. как иная цивилизация, относительно которой люди осознают свою культурную идентичность). Реформа не сломала эта устои. В декабре 2006 г. был проведен большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство — 70% опрошенных — выбрали ответ «Россия принадлежит особой («евразийской» или «православно-славянской») цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились с ответом 15%⁵. Противоречие между политикой российской власти и представлениями большинства населения и должна была разрешить Стратегия, но в ней об этом не сказано ни слова.

Более того, это умолчание ведет к еще более глубокому внутреннему противоречию, заложенному в Стратегии. Так, в ст. 11 Стратегии говорится: «Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости...». Носителем этого цивилизационного кода является, согласно «главным идейно-теоретическим опорам» Стратегии, *культурно-исторический тип*. Какова же политика «современ-

⁴ Философ XX века К. Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» пишет: «Западный мир с самого начала — со времен греков — конституировался в рамках внутренней полярности Запада и Востока. Со времен Геродота противоречие между западным и восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах. ... И таким шифром, проходящим сквозь всю историю Запада, является противопоставление: Азия — Европа» — см. *Ясперс К. Истоки истории и ее цель*. Соч. М.: Республика, 1994.

⁵ *Седов Л.* Запад внутри нас // Независимая газета. 2006. 22 декабря.

ного Российского государства» в отношении того культурно-исторического типа, который это государство унаследовало от СССР?

Во время перестройки и реформы объектом атаки было культурное ядро советского общества. Удар был нанесен столь сильный, что была повреждена культура России в целом — как система, во всех ее элементах и связях. Более того, были запущены механизмы разрушения культуры, которые вошли в режим самовоспроизводства. Этот процесс стал угрозой, чреватой перерастанием в национальную катастрофу. На какой же «единый культурный (цивилизационный) код» собирается опереться государство в своей программе нациестроительства?

Трудный XX в. Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (негативный, но выразительный термин — *homo sovieticus*) и сформированным на основе традиционного русского культурного — с его достоинствами и недостатками. В критических для страны ситуациях благодаря «советскому человеку» СССР удалось компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада. Этот культурно-исторический тип сник в 1970–1980-е гг. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России («постсоветский человек»), не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы чтобы «держат» страну, а тем более — сплотить «разобранные» народы в нацию.

«Советский человек» — общность, которая составляет большинство населения, независимо от идеологических (даже анти-советских) установок отдельных ее частей. Тем не менее, взвешенный взгляд на этот культурно-исторический тип встретить трудно. Труд и идеалы советского человека часто подаются как однозначно плохие, что обеспечивает разрушение любых идеалов в массовом сознании населения. Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось нынешней элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации абсолютного зла.

В этой обстановке обратить нацию под лозунгами «рынка и демократии» представляется невозможным. Можно лишь с помощью паллиативных мер «продержаться» до вымирания всей общности советских людей, но к этому времени возникнут новые противоречия — уже с постсоветскими поколениями. Да и международная обстановка вряд ли даст политическому режиму России такой запас времени.

Надо ожидать, что скоро появится целый поток публикаций и конференций, посвященных доктрине нациестроительства в России. В данной книге собраны основные понятия и факты, относящиеся к этой теме.

Глава 1. Этнос, нация, национализм

1.1. Народ

Социальным «субстратом», *человеческим наполнением* страны является не *население*, не совокупность индивидов, а *народ*. Он может быть организован и структурирован по-разному — и как классовое гражданское общество (подобно современному западному обществу), и как сословное общество дореволюционной России, и как кастовое общество Индии, и как «почти неклассовое и несословное» советское общество. В большинстве случаев механизмы разделения и объединения структурных элементов всех этих общественных систем являются более слабыми, чем разделение и соединение *этническими* границами и связями.

В СССР представление об обществе и скрепляющих его связях базировалось на классовом подходе, который внедрялся в сознание системой образования и СМИ. Это было так привычно, что никого не удивлял очень странный, в действительности, факт: из школьной и вузовской программ мы получали связанное (хотя и упрощенное) представление о том, как образовались главные социальные общности классового общества — буржуазия и пролетариат. Но никогда не заходила речь о том, как возник *русский народ*. Когда он возник, где, под воздействием каких событий и условий? Мы учили историю Древней Руси — вятичи, древляне, варяги, печенег... Князь Игорь ходил походом на половцев, Владимир крестил киевлян в Днепре. О русском народе пока что речи не было, существовали славянские *племена*. Потом незаметно в обиход вошли слова *русские* и *народ*. А между этими, видимо, очень разными эпохами — провал. Получается, что народ возник словно по знаку свыше или вследствие какого-то природного катаклизма.

Инерция этого представления велика, поэтому надо кратко остановиться на отношении между понятиями *класса* и *народа*, между социальными и этническими общностями.

Для начала необходимо определенно отвергнуть принятое в историческом материализме положение, согласно которому

народы возникают и скрепляются общественными связями *естественно*. Другое дело — *классы*. Для их возникновения нужны не только объективные основания в виде отношений собственности, но и сознательная деятельность небольших групп людей, которые вырабатывают *идеологию*. Эти люди — обычно из другого класса (как буржуа Маркс и Энгельс или дворянин Ленин) — вносят эту идеологию в «сырой материал» для строительства нового класса и «будят» его. Тогда класс обретает самосознание, выходит из инкубационного состояния и претерпевает трансформацию из «класса в себе» в «класс для себя» — класс, способный к политическому действию.

Что же мы понимаем под словом *народ*? В обзоре по этой теме сказано: «Какое-либо юридическое определение “народа” отсутствует, как отсутствует какое-либо общепринятое социологическое или политическое определение. Более того, ООН очень тщательно и преднамеренно избегала попытки дать определение “народа” даже при всем том, что она дала некоторым из них право на самоопределение»¹.

Это вполне объяснимо: любое юридическое определение понятия *народ* может иметь столь далеко идущие политические последствия, что юристы и политики предпочитают оставлять себе широкие возможности для разных толкований термина. Более того, даже придание термину *народ* максимально неопределенного смысла не спасает политиков от неразрешимых противоречий, так что в правовые документы приходится вносить дополнительную неопределенность с помощью несовместимых друг с другом утверждений.

Так, Янг пишет: «Наличие фундаментальных противоречий во всех попытках кодифицировать ограничение сферы действия принципа самоопределения наглядно иллюстрируется расхождениями, которые имеются между статьями 1 и 6 торжественной Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 г.: “Статья 1: Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободны определять свой политический

¹ *Нагенгагст Н.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 188.

статус и свободны осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие. Статья 6: Любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства или территориальной целостности страны, является несовместимой с целями и принципами Устава Объединенных Наций»».

Таким образом, смысл слова *народ* уточняется при помощи контекста. Часто под этим словом понимается население страны (территории) — вся совокупность тех, кто *народился* на этой части земли. При буквальном переводе слово *народ* эквивалентно слову *нация* — производное от латинского слова *рождаться*.

В некоторых контекстах слово *народ* сближается по смыслу с понятиями *подданные* или *граждане*. Здесь ослаблен *этнический* смысл связей, соединяющих людей в народ — например, *российский* народ составлен из большого числа разных этносов, а в народ Франции включено большое число *этнических* арабов. В других случаях, напротив, под народом понимается *этнос* или, во всяком случае, этническая сторона дела подразумевается. В этом случае говорят *русский* народ.

Но это самое первое приближение к пониманию. Дальше начинаются расхождения в толковании термина, для многих неожиданные, о которых мы никогда не думали. Прежде всего представления о *народе* (народности, национальности, нации) резко различаются в «западном» и «незападных» обществах. Об этом предупреждает Л.Н. Гумилев: «Азиатские понятия термина “народ” и европейское его понимание различны. В самой Азии этническое единство воспринимается по-разному, и если даже мы отбросим Левант и Индию с Индокитаем, ... то все же останутся три различных понимания: китайское, иранское и кочевническое...

В Китае, для того чтобы считаться китайцем, человек должен был воспринять основы китайской нравственности, образования и правил поведения; происхождение в расчет не принималось, язык тоже, поскольку и в древности китайцы говорили на разных языках. Поэтому ясно, что Китай неминуемо расширился, поглощая мелкие народы и племена.

В Иране, наоборот, персом нужно было родиться, но, сверх того, обязательно следовало почитать Агурамазду и ненавидеть

Аримана. Без этого нельзя было стать «арийцем». Средневековые (сасанидские) персы не мыслили даже возможности кого-либо включить в свои ряды, т. к. они называли себя «благородные» (номдорон), а прочих к их числу не относили. В результате численность народа падала неуклонно.

Чтобы считаться хунном надо было стать членом рода либо с помощью брака, либо повелением шаньюя, тогда человек становился своим. Наследники хуннов, тюркюты, стали инкорпорировать целые племена. На базе восприятия возникли смешанные племенные союзы — например, казахи, якуты и др. У монголов, вообще весьма близких к тюркам и хуннам, получила преобладание орда, т. е. группа людей, объединенных дисциплиной и руководством. Тут не требовалось ни происхождения, ни языка, ни вероисповедания, а только храбрость и готовность подчиняться»².

Это предупреждение очень важно для нас, поскольку мы, получив образование европейского типа, постоянно прикладываем западные понятия к нашей, во многом принципиально иной реальности³. Именно в представлениях о человеке, народе и обществе пролегает важная граница для различения западного и незападных обществ. П.Б. Уваров пишет: «Именно в русле этнографических и антропологических исследовательских программ возникает сравнительно удачное наименование для обществ незападного типа — традиционные общества»⁴.

В царской и советской России существовало устойчивое понятие народа. Оно вытекало из понятий *Родина-мать* и *Отечество*. Народ — надличностная и «вечная» общность всех тех, что считал себя детьми Родины-матери и Отца-государства (власть персонифицировалась в лице «царя-батюшки» или другого «отца народов», в том числе коллективного «царя» — Советов). Как в христианстве «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (и к тому же «Мы — дети Божии... а если дети, то и наследники»), так и на земле все, «водимые духом Отечества», суть его

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 63–64.

³ Как писал в «Народной монархии» И.Л. Солоневич, «русская гуманитарная наука оказалась аптекой, где все наклейки были перепутаны».

⁴ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. С. 17.

дети и наследники. Все они и есть народ. Небольшая кучка отщепенцев, отвергающих «дух Отечества», из народа выпадает, а те, кто отвергает этот дух активно, становятся «врагами народа». Дело власти — за ними следить, их увещевать, а то и наказывать.

Таков был русский миф о народе, многое взявший из православия и из космологии крестьянской общины. Мы никогда не соотносили его с иными представлениями. А ведь уже даже на ближнем от нас феодальном Западе национальность строилась на совсем других толкованиях. Например, в Польше и Венгрии вплоть до XIX в. сохранялась *аристократическая* концепция нации. Так, «венгерскую нацию» составляли все благородные жители Венгрии — даже те, кто венграми не был и по-венгерски не говорил — но из нации исключались все крепостные и даже свободные крестьяне, говорившие на диалектах венгерского языка⁵.

Аристократическое понимание народа на Западе было отвергнуто в ходе великих буржуазных революций, из которых и вышло *гражданское общество*. Было сказано, что приверженцы Старого порядка — всего лишь *подданные* государства («монарха»). В народ (демос) превращаются лишь те, кто стали гражданами и совершили революцию, обезглавив монарха. Именно этот, новый народ и получает *власть*, а также становится наследником *собственности*. И этот народ должен вести непрерывную войну против всех тех, кто не вошел в его состав (например, крестьян-монархистов).

Другими словами, в понятиях политической философии Запада индивиды соединяются в народ через *гражданское общество*. Те, кто вне его, — не народ. С точки зрения западных исследователей России, в ней даже в середине XIX в. не существовало народа, т. к. не было гражданского общества. Путешественник маркиз де Кюстин писал в своей известной книге о России (1839): «Повторяю вам постоянно — здесь следовало бы **все разрушить** для того, чтобы **создать народ**» [выделено авт.].

Подчеркнем, что и в момент Французской революции, и в марксизме середины XIX в., и сегодня западная политическая

---

⁵ Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 137.

философия включает в народ лишь *часть* (причем иногда очень небольшую часть) населения страны. Именно этой части принадлежат особые права, наличием которых она и отделяется от остального населения более или менее жестким барьером.

Почему российское толкование слова *народ* кажется столь отличным от современных западных толкований? Только потому, что в состав народа в России включалось подавляющее большинство населения — *трудящиеся*. Вплоть до революции 85% населения России составляли *крестьяне*, которые и признавались главным ядром народа. Рабочие еще не превратились в класс (*пролетариат*) и в общественном сознании причислялись к *трудовому люду* («Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»).

Потомственное дворянство включало в себя всего лишь чуть более 1% населения, и оно тем более не причислялось к народу, что находилось в симбиозе с крестьянством как управляющее и противопоставляющее себя крестьянству сословие.

К социальным группам, которые в обыденном сознании в России не включались в народ, принадлежали и государственные чиновники (бюрократия). Российская бюрократия, порожденная реформами Петра, постепенно отдалялась и отторгалась от народа как угнетающая надстройка, к тому же постепенно проникавшаяся социальным расизмом.

Из народа в дореволюционной России была исключена также возникшая в процессе модернизации совершенно особая (и в социальном, и в мировоззренческом плане) группа — *интеллигенция*. Причины этого обоюдного разделения (при всем *народопоклонстве* русской разночинной интеллигенции) — очень большая и важная тема, одна из главных в русской философии начала XX в. (достаточно назвать сборник «Вехи» 1909 г.).

А. Блок написал в статье «Народ и интеллигенция»: «Народ и интеллигенция — это два разных стана, между которыми есть некая черта. И как тонка эта черта между станами, враждебными тайно. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны»⁶.

⁶ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 5. С. 323–324.

С иной, противоположной Блоку позиции писал М.О. Гершензон, идеолог либеральной интеллигенции, которая после революции 1905–1907 гг. все больше и больше сдвигалась к противопоставлению себя народу как иной, враждебной расе: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁷.

После революции и Гражданской войны основная масса чиновничества и интеллигенции СССР рекрутировалась уже из тех, кто прежде принадлежал к «трудящимся». Более того, в массе своей партийно-государственный аппарат был заполнен бывшими командирами Красной армии, прошедшими школу Гражданской войны. Их костяк составляли выходцы из крестьян и средних слоев малых городов Центральной России. Население этих областей было главным источником людских ресурсов при наборе в армию Первой мировой войны, а потом и главным источником для Красной армии. Здесь исторически сформировались «специфический социокультурный элемент и самостоятельный культурно-антропологический тип человека в рамках русского этноса, который нельзя считать ни интеллигенцией, ни пролетариатом. Они были настроены очень сильно против дворян и выступили против Белого движения осенью 1919 года»⁸. Этот тип называли «красные сотни» — со времен восстания Разина.

Дети рабочих и крестьян заполнили рабфаки и вузы и быстро сформировали массу *трудовой интеллигенции*. Таким образом, сословное деление было преодолено, и две важные социальные группы вернулись в народ. Дворяне и буржуазия как класс исчезли, дети их в массе своей влились в трудовую интеллигенцию и также стали частью народа (вплоть до нового раскола, который стал назреть с 1960-х гг.). Контингент *изгоев* резко сократился в объеме и утратил определенность своей социальной структуры (точнее, в большинстве своем он был представлен как раз

---

⁷ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 101.

⁸ Соболев В.Е. Сталин построил третью Россию // Российский Кто есть Кто. 2004. № 6.

частью бюрократии и интеллигенции). Эта часть, исключенная из народа, составляла общность *врагов народа*. Процесс лишения прав этой общности и репрессий ее значительной части в какой-то момент приобрел трагические формы, что стало одним из следствий преобразования советского общества в 1930–1940-е гг. в общество *тоталитарное*, организованное для преодоления *чрезвычайного периода*.

Важен тот факт, что к 1960–1970-м гг. *народом* в СССР являлось, по общему мнению, практически *все* население.

Что же такое *класс*, который в обыденном сознании противостоит природному *народу*? Само понятие класса возникло очень недавно, в буржуазной Англии XIX века. Проникая в иные культуры, понятие класса употреблялось как метафора, как идеологическое заклинание, призванное оказать магическое действие на публику. Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «В мифе о пролетариате по-новому восставился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелко-буржуазным, реакционным классом»⁹. Таким образом, *пролетариатом* в России был не столько класс, сколько именно народ, за исключением очень небольшой, неопределенной группы «*буржуев*».

Эта «национализация» классовых понятий русской культурой — явление хорошо изученное. А.С. Панарин так пишет об этой стороне советской революции: «Язык стал по-своему перерабатывать — окультурировать и натурализовать на народной почве агрессивные классовые лексемы. Одно из чудес, которые он тогда совершил, это сближение инородного слова “пролетариат” с родным словом “народ”, в результате чего возникло натурализованное понятие “трудовой народ”. С пролетариатом могло идентифицировать себя лишь меньшинство, с трудовым народом — большинство, притом что последнее понятие вбирало

⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Соч. М.: Наука, 1990. С. 88–89.

в себя марксистские классовые смыслы, одновременно смягчая их и сближая с национальной действительностью»¹⁰.

В массовом сознании русских в начале XX в. пролетариат отождествлялся с народом. А что же представляла из себя буржуазия? Была ли она для русских крестьян действительно классом? М.М. Пришвин пишет в дневнике (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, т. е. комплекс “эгоистических побуждений”, но кого считать за буржуазию? Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений»¹¹. И здесь внешне классовому понятию придается совершенно «неклассовый» смысл, несущий нравственную оценку людям, которые в трудное время ущемляют интересы «общества».

Даже когда возникал конфликт, который хоть отдаленно можно было притянуть к категории классового (как конфликт помещика с крестьянами), он принимал *этническую* окраску как конфликт разных народов. Крестьяне сравнивали помещиков с французами 1812 года¹².

Но и на Западе в нестабильные переходные периоды, когда общественные структуры подвижны, класс, по словам антрополога Янга, становится *подобен* этничности и должен рассматриваться как явление условное и зависящее от обстоятельств. Проблема соотношения социальных и этнических общностей, класса и этноса, класса и расы сейчас привлекает все больше внимания социологов и этнологов США¹³.

Говоря о соотношении этноса и класса важно вспомнить факт, на который настойчиво обращают внимание антропологи. Становление рыночной экономики и классового общества в Европе происходило вслед за колонизацией «диких» народов. Об этом анализе Маркса К. Леви-Стросс писал: «Из него вытекает, во-первых, что колонизация предшествует капитализму

---

¹⁰ Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм–ЭКСМО, 2006. С. 137.

¹¹ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. М.: Московский рабочий, 1991.

¹² Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907: В 2 т. М.: Ин-т российской истории РАН, 1994. Т. 2. С. 272.

¹³ Элез А.Й. «Этничность»: средства массовой информации и этнология // Этничность, толерантность и СМИ: Сб. статей. М.: РАН, 2006. С. 62–63.

исторически и логически и, далее, что капиталистический порядок заключается в обращении с народами Запада так же, как прежде Запад обращался с местным населением колоний. Для Маркса отношение между капиталистом и пролетарием есть не что иное как частный случай отношений между колонизатором и колонизируемым»¹⁴.

Необходимым культурным условием для разделения европейского общества на классы капиталистов и пролетариев был расизм. Отцы политэкономии А. Смит и Д. Рикардо говорили именно о «расе рабочих», а премьер-министр Англии Дизраэли — о «расе богатых» и «расе бедных». Первая функция рынка заключалась в том, чтобы через зарплату регулировать численность расы бедных.

Для нашей темы важен тот факт, что вначале расизм развивался в отношении народов колонизируемых стран (особенно в связи с работорговлей) как продукт этнических контактов, сопряженных с массовым насилием. Уже затем, в несколько измененной форме, расизм был распространен на отношения классов в новом обществе самого Запада. Пролетарии и буржуа на этапе становления современного капитализма являлись двумя разными этносами, что отмечал еще Ленин.

Отношение между капиталистом и пролетарием было не чем иным, как частным случаем межэтнических отношений — отношений между колонизатором и колонизируемым. Историки указывают на важный факт: в первой трети XIX в. характер деградации английских трудящихся, особенно в малых городах, был совершенно аналогичен тому, что претерпели африканские племена в ходе колонизации: пьянство и проституция, расточительство, потеря самоуважения и способности к предвидению (даже в покупках), апатия. Выдающийся негритянский социолог из США Ч. Томпсон, изучавший связь между расовыми и социальными отношениями, писал, что в Англии драконовскую эксплуатацию детей оправдывали абсолютно теми же рациональными аргументами, которыми оправдывали обращение с рабами-африканцами.

¹⁴ Levi-Strauss C. Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds, 1990. P. 296.

Особенно усложняется разделение «класс–этнос» во время переходных периодов в многонациональных странах (как, например, в настоящее время в постсоветских странах). Такие ситуации наблюдались, например, в Южной Африке и США, где классовый анализ без учета этнического (даже расового) был непригоден.

Янг пишет, что понятия расы и класса смешиваются и во многих случаях перетекают одно в другое. Раса — одна из форм проявления этничности, но часто она совпадает с системой трудовой эксплуатации (африканские рабы, контрактные рабочие из Азии, принудительно закрепощенные американские индейцы). И до сих пор в ЮАР и США раса и класс перекрываются в очень большой степени. Одни склонны видеть в эксплуатации расовую проблему, другие — классовую; но для понимания реальности важны обе стороны дела¹⁵.

Взаимные переходы социальных и этнических оснований консолидации сообществ наглядно наблюдаются сегодня в процессе интенсивного внедрения в «национальные» государства Западной Европы мигрантов из незападных стран. Даже во Франции, которая гордится своей доктриной и своим опытом объединения множества народностей в единую нацию французов, интеграция мигрантов последних десятилетий не удалась — происходила их *геттоизация*. Французская нация, ее социальный строй и государство *не справились* с задачей интеграции мигрантов в общество.

В. Малахов пишет: «Препятствия на пути к социальной интеграции побуждают мигрантов формировать собственные этнические сообщества, в рамках которых удерживаются язык и определенные культурные образцы. Подобные сообщества существуют сегодня практически во всех европейских странах... Особенно важно при этом, что такие группы характеризуются общностью социально-экономической позиции. Это придает каждой группе четкую маркировку (ее члены опознаются, скажем, как мелкие торговцы, чистильщики обуви, хозяева прачечных, держатели ресторанов, распространители газет и т. д.).

---

¹⁵ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 120.

Именно в таком качестве эти группы предстают для остальных членов общества»¹⁶.

В России в начале XX в. также делались предупреждения об ограниченности возможностей классового подхода для понимания общественных процессов, однако сознание активных политических сил не успело перестроиться. Социальный конфликт в России именно «рассек нацию на части» — вплоть до Гражданской войны. Рабочие и крестьяне воевали со своими «предпринимателями-соплеменниками» и помещиками буквально как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство могут превращаться друг в друга.

В реальной политической практике революционеры обращались, конечно, именно к *народному*, а не *классовому* чувству именно потому, что народное чувство ближе и понятнее людям. Так, Ленин писал в листовке «Первое мая» (1905): «Товарищи рабочие! Мы не позволим больше так надругаться над русским народом. Мы встанем на защиту свободы, мы дадим отпор всем, кто хочет отвлечь народный гнев от нашего настоящего врага. Мы поднимем восстание с оружием в руках, чтобы свергнуть царское правительство и завоевать свободу всему народу... Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания, — давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана... Пусть вооружится весь народ, пусть дадут ружье каждому рабочему, чтобы сам народ, а не кучка грабителей, решал свою судьбу»¹⁷.

Позже А. Грамши, разрабатывая доктрину революции уже для индустриального общества, предупреждал об абсолютной необходимости воплощения классового движения в национальное, этническое. Он писал в работе «Современный государь», что для понимания социальных явлений необходимо глубоко осмыслить понятие «национального», во всей его «оригинальности и неповторимости». В этом Грамши едва ли не первым теоретически преодолел универалистские догмы Просвещения,

¹⁶ Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ: Сб. статей / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 48–60.

¹⁷ Ленин В.И. Первое мая. // ПСС: В 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 10. С. 83.

согласно которым этничность — не более чем слабый пережиток в сознании людей. Грамши предупреждал, что «обвинения в национализме бессмысленны», ибо национальное есть неустрашимый срез социального процесса. Он создавал новую теорию государства и революции (концепцию культурной гегемонии), в которой «потребности национального характера» были бы полноправно соединены с потребностями социальными, и предупреждал, что «руководящий класс будет таковым только в том случае, если он сумеет дать точное истолкование этой комбинации». Да, Грамши признавал, «что существует определенная тенденция совершенно замалчивать или лишь слегка затрагивать» проблему этого соединения — что мы и наблюдали в последние десятилетия в своей стране.

Перед коммунистическим движением Грамши ставил задачу принципиальной важности, о чем мы никогда не говорили. Можно сказать, задачу *преодоления интернационализма*. Он писал о роли пролетариата: «Класс интернационального характера — поскольку он ведет за собой социальные слои, имеющие узконациональный характер (интеллигенция), а часто и еще более ограниченный характер — партикуляристские, муниципалистские слои (крестьяне), — постольку этот класс должен в известном смысле «национализироваться» и притом далеко не в узком смысле, ибо, прежде чем будет создана экономика, развивающаяся согласно единому мировому плану, ему предстоит пройти через множество фаз, на которых могут возникнуть различные региональные комбинации отдельных национальных групп»¹⁸.

Грамши указывает на тот факт, что существуют «социальные слои, имеющие узконациональный характер» (крестьяне, интеллигенция). Следовательно, при построении солидарного общества этническое переплетается с социальным, хотя и менее наглядно, чем это было в этническом разделении негров-рабов и белых плантаторов в США. Попытка навязать крестьянам, тем более в многонациональном государстве, «пролетарский интернационализм», да к тому же представляя национализм реакционным чувством, приведет общество к тяжелым конфликтам.

¹⁸ Грамши А. Современный государь. Соч. // Тюремные тетради. М.: Мысль, 1959. Т. 3.

Надо только подчеркнуть, что интеллигенция, носящая «узконациональный характер» и склонная к национализму как идеологии, в то же время является *космополитическим народом*, она экстерриториальна. Об этой стороне дела Грамши не говорил, но в политической практике послевоенного периода это проявилось со всей очевидностью.

Идея о том, что интеллигенция представляет собой особый народ, не знающий границ и «своей» государственности, получила второе дыхание в «перестроечной» среде в СССР и странах Восточной Европы. Но идея эта идет от времен Научной революции и просвещенного масонства XVIII в., когда в ходу была метафора «*республика ученых*» как влиятельного экстерриториального международного сообщества, образующего особое невидимое государство — со своими законами, епископами и судами. Их власть была организована как «*невидимые коллегии*», по аналогии с коллегиями советников как органов государственной власти немецких княжеств.

Во время перестройки, когда интеллектуалы-демократы искали опору в «республике ученых» (западных), стали раздаваться голоса, буквально придающие интеллигенции статус особой *национальности*. В России (накануне ликвидации СССР) известный политолог Г. Павловский так рассуждает о «его народе», интеллигенции: «Русская интеллигенция вся — инакомыслящая: инженеры, поэты, жидаы. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность «республиканских великоруссов» едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека... Что касается моего народа — русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, — ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны — блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная — ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа»¹⁹.

¹⁹ Павловский Г. Война так война // Век XX и мир. 1991. № 6.

Таким образом, сращивание этнических и социальных характеристик — общее явление, особенно в традиционных обществах. *Этнизация* социальных групп (и наоборот) — важная сторона социальной динамики, которая может быть целенаправленно использована и в политических целях.

Обособление, приобретающее характер этнического, происходит и в лоне одного и того же народа при его социальном разделении. Выше уже говорилось, что в период упадка феодализма сословия дворян и крестьян начинают относиться друг к другу как к *иным* народам. Этого не было в раннем феодализме, когда оба сословия жили в лоне одной культуры и еще не наметился разрыв *образов жизни*.

Но в послепетровский период произошло не только укрепление системы крепостного права, но и *вестернизация* дворянского сословия. Сословные различия стали принимать многие черты этнических. А.С. Грибоедов писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами»²⁰.

Этнизация социальных групп происходит и сверху, и снизу. Историк, исследователь трудов М. Вебера А. Кустарев пишет: «Беднота способна быть этнически партикулярной [т. е. отличаться от других этнически — *авт.*] и так бывает, на самом деле, очень часто. Менее очевидно, но более интересно то, что длительное совместное проживание в условиях бедности порождает тенденцию к самоидентификации, весьма близкой к этнической (вспомним еще раз замечание Вебера об относительности различий между социальной и этнической общностью). Изоляция вследствие бедности — один из механизмов зарождения партикулярности, которая в любой момент может быть объявлена *этнической*»²¹.

---

²⁰ Цит. по: Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М.: Художественная литература, 1977. С. 382.

²¹ Кустарев А. Национал-государство, его наследники и наследие. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/evolution/heritage/>.

Разделение по доходам (а значит, и по образу жизни) — не единственное основание для этнизации социальных групп. В России уже много веков возникли и существуют особые социальные и культурные общности — *казаки*. Основную массу их составляли бежавшие от крепостного права русские крестьяне. Но в целом этнический состав казаков был очень пестрым, казаческая военно-крестьянская община была своеобразным «плавильным тиглем», и казаки по многим признакам представляли этнические общности.

Вот красноречивый пример. В 1723 г. была проведена перепись Уральского казачьего войска. В него входили казаки с Дона, Кавказа и из Запорожья, астраханские, ногайские и крымские татары, башкиры, калмыки, мордва, поляки, туркмены, черкесы, чуваша, шведы и др. В войске было установлено *двуязычие* (на равных правах использовались русский и башкирский языки). В 1798 г. башкир официально перевели в *военно-казачье сословие*, было образовано 11 башкирских кантонов (и два кантона уральских казаков). Эта система существовала до 1865 г., потом была ликвидирована вместе с военно-сословными привилегиями башкир²².

А. Кустарев пишет: «В принципе любая компактная группа может найти основания для того, чтобы объявить себя “этнической”. Например, южнорусские казаки считают себя этнической группой, и никакие ухищрения теоретизирующих этнографов не дадут достаточных оснований утверждать, что это не так». Действительно, приобретение статуса народа, дающего совершенно иные права и возможности в национальном государстве при утвержденном *праве наций на самоопределение*, является вопросом политическим, т. е. решается исходя из баланса сил, а не «результатов экспертного заключения лингвистов и этнологов».

Реально сейчас, когда развален Советский Союз и в переходном состоянии находится национальное государство Российской Федерации, в среде бывших казаков возникло движение, требующее признать казаков *народом* (более того, «репрессиро-

²² Грушкин Д. Национальные движения в Республике Башкортостан: тенденции и перспективы // Бунтующая этничность: Сб. статей. М.: РАН, 1999.

ванным народом»)²³. И требование это вовсе не абсурдно, хотя и создает проблемы для большого народа в целом.

Этот вывод Вебер формулирует в очень жесткой форме — *любая коллективная общность людей может приобрести черты этнической*. А. Кустарев напоминает: «Любая социальная группа, как настаивал уже Макс Вебер, в пределе — этническая группа. Все, в конечном счете, зависит от того, насколько она (или, как часто уточняют, ее «элита») сознает и культивирует свою партикулярность, какое придает ей значение и в какой мере учитывает свою партикулярность в отношениях с другими (чужими) группами. Естественно, что в этнополитическом дискурсе появляется понятие *micronation*»²⁴. Хрестоматийный пример — католики и протестанты в Ирландии. С XVII в. они живут в добровольной сегрегации друг от друга: не ходят в общие школы, не заключают браков, имеют разную страновую ориентацию (протестанты — за британское подданство, католики — за национально-освободительное движение). Таким образом, они превратились в особые этноконфессиональные группы, не имеющие общего национального сознания²⁵.

Самой наглядной иллюстрацией того разрушительного потенциала, которым обладает процесс «размножения» *микронаций* для большой нации, стал порочный круг, в который попали США, введя в политическую практику принцип *мультикультурализма* (мультикультурализм в качестве официальной государственной политики первой приняла Канада в 1988 г.). Он означает, что любая общность, обладающая культурными особенностями и признаками этничности, имеет *право* на культурную автономию от целого, от «большой» культуры. В прошлом возможность меньшинств следовать своим особым традициям, которые противоречат общим устоям, становилась предметом *договоренностей* (часто негласных), а не предметом *права*.

²³ Киблицкий А.А. Политическая самоидентификация донского казачества: технологический аспект: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д., 2007. С. 23.

²⁴ Кустарев А. Национал-государство, его наследники и наследие. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/evolution/heritage/>.

²⁵ Маркина О.В. Национальный аспект североирландской проблемы 1921–1968 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Владимир, 2002. С. 11–14.

Мультикультурализм, возведенный в ранг государственной политики США, стимулировал *этнизацию* всяких вообще меньшинств (включая, например, гомосексуалистов). Теперь они, получив, как особая *микронация*, право на самоопределение, становятся и политической силой. Общие культурные устои низводятся на уровень частных.

Разрушительный потенциал мультикультуризма для больших наций и народов огромен. Вот важный прецедент в области права: в 1996 г. в штате Висконсин (США) суд оправдал иммигранта из Юго-Восточной Азии, обвиненного в растлении двух 11-летних девочек, на основании того, что «сексуальные контакты с молодыми девушками являются традиционной чертой азиатской культуры». В порядке порицания суд приговорил растлителя к бесплатному двухмесячному изучению английского языка — чтобы стимулировать его контакты с англоязычной протестантской культурой²⁶.

Либеральный философ Дж. Грей пишет: «Требование сторонников мультикультурализма предоставить культурным меньшинствам, как бы они ни определялись, права и привилегии, отвергающие культуру большинства, по сути дела упраздняет саму идею общей культуры. Эта тенденция, следовательно, усиливает рационалистическую иллюзию Просвещения и радикального либерализма, воплощенную в большинстве современных североамериканских практик, а именно иллюзию, что преданность общим устоям может существовать благодаря признанию абстрактных принципов без опоры на общую культуру. Сама идея общей культуры начала рассматриваться как символ угнетения»²⁷.

Это — иное проявление того процесса, с которым не справилась советская государственность. В СССР шел процесс этнизации административно-государственных единиц и, соответственно, процесс огосударствления этносов. Окрепнув, элиты этих региональных общностей стали разрывать единое государство. В США, где в этническом тигле уже, казалось бы, сплавилось множество этнических общностей иммигрантов, политика мульт-

²⁶ *Иноземцев В.Л.* Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // СОЦИС. 2003. № 6.

²⁷ *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003. С. 59.

тикультурализма привела к возрождению забытых «корней». Население США все более разбредается по *микронациям* — в разнородные расовые, языковые, этнические и религиозные общины.

В целом отношение и взаимопроникновение разных социальных, культурных и этнических общностей становится все более и более актуальной темой. Нынешняя глобализация разрушает или ослабляет национальное государство. Это активизирует разные, часто идущие в противоположных направлениях процессы этногенеза.

Тесное переплетение социального и этнического происходит и в условиях того бедствия, которое переживает сегодня Россия. По данным социологов, большинство граждан видит в противостоянии богатых и бедных, порожденном реформой, не столько классовое противоречие, сколько *раскол народа*, «растаскивание» общества²⁸.

1.2. Этнос и этничность

Греческое слово «этнос» в древности означало любую совокупность одинаковых живых существ (такую как стадо, стая и пр.). Позже оно стало использоваться и для обозначения «иных» — людей, говорящих на непонятных языках (в смысле, близком к слову «варвары»). В дальнейшем слово «этнический» употребляется, когда речь идет о неевреях и нехристианах. В церковном языке оно означало язычество и языческие суеверия. В западноевропейское богословие слово «этнический» в этом смысле вошло в 1375 г. Позже оно проникло в светский язык и стало использоваться для обозначения культур, непохожих на европейские.

В конце XIX в. *этническими* называли любые сообщества людей, непохожих на «цивилизованных». Любую самобытную культуру называли *этнической* (как иронизируют этнологи, «своя культура этнической быть не могла»).

Наши представления о человеке и его общностях, в том числе этнических, сложились в рамках программы Просвещения.

---

²⁸ Петухов В.В. Новые поля социальной напряженности // СОЦИС. 2004. № 3.

С конца XIX в. мышление российской, а затем и советской интеллигенции находилось под сильным влиянием исторического материализма (марксизма) — одной из главных обществоведческих концепций Просвещения. Но в отношении явления этничности концепции Просвещения оказались несостоятельными.

Русская культура, воспринявшая основные нормы рациональности Просвещения, в какой-то мере наложила свой отпечаток на представление об этничности, принятое в советском обществоведении. Но в каком направлении? Приняв универсализм Просвещения, его идею о прогрессе цивилизации в направлении к единому человечеству, соединенному общечеловеческими ценностями, русская культура дополнила и усилила этот универсализм православной идеей *всечеловечности*. Для идеологии и национальной политики это дополнение было очень важно — и советская государственность, и ранее Российская империя исключали ассимиляцию народов как политическую технологию. Представление о принципах межнационального общежития основывалось на разных вариантах образа *семьи народов* (*братство народов, симфония народов*). Однако российские и советские обществоведы описывали реальность в парадигме Просвещения.

Но XX в. означал крах универсалистской концепции Просвещения. Цепь национальных революций, слившихся в большую мировую революцию, была вызвана нежеланием народов влиться в глобальную систему капитализма под эгидой Запада на правах его периферии. Первая мировая война расколола цитадель Просвещения — сам Запад. Затем важная его часть открыто и радикально отвергла универсализм Просвещения, при этом соблазн фашизма охватил культурный слой Запада в гораздо большей степени, нежели это проявилось в политической сфере. Сразу после Второй мировой войны была разрушена колониальная система Запада — при этом этническое самосознание вырвалось с такой силой, которая не укладывалась в рамки рациональности Просвещения. Прошло еще немного времени — и потерпела катастрофу система межнационального общежития, созданная в Российской империи и затем в СССР. И в ответ на все это — неолиберализм, откат к истокам, слепой фундаментализм Просвещения в его наиболее механистической версии.

Публикации последнего времени на тему политики самоосознания начинаются обычно с того, что отмечается, насколько удивительно ошибочной и банальной оказалась евро-американская теория национального государства в ее объяснениях этого феномена. «Взрывная живучесть этнического и национального сознания опрокинула все самонадеянные исторические предсказания, делавшиеся слева, справа и из центра, об отрицании культурного плюрализма в конце XX века. Нам говорили, что всем “исконным” культурным привязанностям придется окончательно исчезнуть под влиянием «современности», возмущения национального государства и глобализации индустриального капитализма»²⁹.

Почему представления Запада об этничности так оторвались от реальности? Протестантская Реформация, а затем научная революция (возрождение атомизма), соединившись в одну большую революцию, произвели в Западной Европе культурную мутацию — возникло совершенно новое представление человека о себе самом. Человек стал *рациональным индивидом*, свободным *атомом*. Данное представление было закреплено Просвещением как непререкаемая догма. И эта догма, подкрепленная словом великих писателей и ученых, школьными учебниками и газетами, вошла в массовое сознание европейцев. Таким образом, само явление этничности как одного из наиболее мощных видов человеческой солидарности целиком выпало из сферы внимания европейской культуры. Этничность стала рассматриваться как экстравагантная и архаичная особенность «диких», почти мифических народов, живущих где-то в сельве или тайге.

По разным причинам и Запад, и постсоветские страны переживают сейчас период нарушения этнического равновесия вследствие интенсивных потоков миграции. То невежество в вопросах этничности, которое было порождено универсалистской социальной философией Просвещения (в версии и либерализма, и марксизма), сегодня очень дорого обходится и мигрантам, и местному оседлому населению, и государству.

---

²⁹ Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 35.

Например, очень многим кажется, что этнические общности образуются *естественным образом*. Это представление ошибочно. Этноты создаются и «демонтируются» в ходе целенаправленной деятельности самих людей, эти общности представляют собой системы, в которых кровно-родственные группы соединены большим числом различных связей, выработанных культурой. Народы, как и племена, *проектируются и конструируются, строятся и демонтируются*.

Когда мы рассматриваем общественные процессы через призму национальных отношений, сразу сталкиваемся с понятием *этнос*, а также с производными от него понятиями — *этничность, этнизация, этноцентризм, этническое меньшинство, этнический конфликт, этническое насилие* и даже *этноцид*.

Племя, народность, народ, национальность, нация — для всех них *этнос* является общим, «родовым» понятием. Общим внешним признаком того, что стоит за словом «этнос», служит тот факт, что им обозначаются общности, имеющие *самоназвание* (неважно даже, сама ли общность его для себя изобрела, или ей навязали его извне). Нет народа без *имени* (при этом другие народы могут называть один и тот же народ по-разному, не обращая внимания на его самоназвание — пусть, например, немцы называют себя «дойч», в то время как испанцы называют их «алеман»; мы-то знаем, что они *немцы*). Логично считать, что раз у общности есть самоназвание, значит у нее есть и *самосознание*. И если, скажем, правнук русского эмигранта во Франции говорит, что он русский, то он сможет объяснить, что он под этим понимает и что его связывает с русским народом.

Понятия *народ, демос, нация, национальность, раса, национализм, расизм* и т. п. предельно нагружены идеологически. На людей, глубоко погруженных в конфликт интересов, связанных с этничностью, бесполезно воздействовать логикой, теориями и аналогиями. Значительная часть нашей интеллигенции пока еще способна рассуждать хладнокровно, подходя к предмету с соблюдением норм рациональности. Поэтому следует использовать оставшееся относительно спокойное время для ликвидации нашей общей безграмотности.

Придерживаясь различных и даже взаимоисключающих представлений о происхождении этничности, большинство уче-

ных, однако, признает, что общность людей, сложившаяся как этнос, есть присущая человеческой истории форма жизни, подобно тому как животному миру присуща форма *биологического вида*. Из этого следует, что даже если этническую общность понимать как общность *культурных* признаков, развитие человеческой культуры происходило не путем ее равномерной беспорядочной «диффузии» по территории Земли, а в виде культурных *сгустков*, создателями и носителями которых и были сплоченные общности — этносы. Между ними имело место непрерывное общение, происходил обмен культурными элементами, но при этом сохранялась система — культурная целостность, — отличная от иных целостностей. В развитии культуры человечество шло не цепью и не толпой, а организованными «отрядами» — этносами.

Чтобы семьи соединялись в роды, кланы и общины, требовалось сформулировать жесткие культурные нормы и выработать механизмы надзора за их соблюдением. Это — явления культуры, а не природы. Запрет инцеста привел к обмену женщинами (дочерьми и сестрами) между кровнородственными группами. Возникли ранние формы фиксированных брачных связей, нормы родства и свойства, иерархия поколений. Так сложились родовые и родоплеменные общности.

Чтобы племя развивалось, создавая основу для возникновения *народа*, требуется уже государственная власть — с ее жрецами, религиозными культами, границами и войском³⁰.

Древние греки (эллины) сформировались путем объединения родственных этнических групп и ассимиляции малых общностей (Геродот писал, что эллины численно возросли потому, что «включили в себя множество племен»). Процесс создания межплеменных союзов отражен в письменной форме еще древними историками.

В этногенезе очень велика роль земли — почвы, территории, пространства, ландшафта. Помимо самой земли на этногенез влияет также символический фактор — граница. Она определяет пространство родной земли и часто становится этнической границей. Внутри нее живет *наш* народ.

³⁰ Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. М.: Высшая школа, 1994.

Важно также, как соотносится *наша* земля с землями *других* народов и наций. Сами понятия *народ* и *нация* привязаны к географическому понятию *страны*. Для этнического сплочения людей важен и образ «малой родины», *местности*. В своей национальной идентификации люди придают большое значение и образу пространства, большего чем страна, — *континенту*. За определение географических признаков ведется ожесточенная идеологическая борьба.

В связи с границами, особенно в зонах межкультурного контакта, часто возникают фобии — страх перед иными народами, якобы представляющими угрозу целостности «своего» пространства. К числу таких укорененных страхов относится и *русофобия*, *присущая* Западной Европе, — иррациональное представление русских как «варваров на пороге». Отношение этнического сознания к пространству — важный предмет этнологии.

Глобализация меняет привычную связь этноса с «его» территорией и резко усиливает этногенез.

Способом упорядочения реальности в этнических представлениях изначально был миф, и эта его роль сохраняется в современных национальных идеологиях. Уже само выделение общности, разделение на «своих» и «чужих» происходит в логике мифа, которой присущи бинарные оппозиции. Тем более важно мифологическое восприятие этнических общностей в критические моменты, когда различия «должного» и «сущего» стираются. Тогда миф становится основой для интерпретации происходящих событий.

Важная часть онтогенеза этничности представляет собой ментальность, отражающая человеческие отношения, которые складываются из мировоззрения и типа сознания, хозяйственных отношений и чувства пространства. Зародившись в возникающей этнической общности, они затем служат средством ее сплочения, создают ее своеобразные маркеры и разграничивают с *иными*.

Ментальность также формирует общую историю, передающуюся из поколения в поколение.

Для сохранения народа важны инерция и пережитки («традиция»). Они же являются и условием подвижности народа. Это тот фонд, который позволяет следующему поколению сэконо-

мить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов.

Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию (рутину), создает угрозу для существования этноса. Отсюда общее правило уничтожения народов: хочешь стереть с лица земли народ — найди способ системного подрыва его традиций. Особенно опасны подвижность и радикальное нарушение рутины в межэтнических отношениях.

Следующий важный фактор этничности — это религия.

Особой, ключевой частью центральной мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ, является религиозное мировоззрение. Если на ранних стадиях этногенеза (возникновение племени) мировоззрение складывалось в основном в рамках мифологического сознания, то собирание больших этнических общностей со сложной социальной структурой и государственностью (народов) происходило уже под воздействием религий.

Один из важнейших факторов формирования этноса и его развития — *язык*. Это одно из главных средств соединения «своих» и отграничения от «чужих», это и один из главных этнических маркеров. Язык не только служит средством коммуникации внутри этнической общности, он формирует ее «языковое сознание», задает общий набор понятий, общий арсенал мышления. Каждый язык есть особый способ мировоззрения и интерпретации опыта. В его структуре кроется целый набор неосознаваемых представлений о мире и жизни. Человек видит и слышит лишь то, к чему его делает чувствительным *грамматическая система* его языка. Сотворение языка и письменности становится частью этнического предания, мифические или реальные создатели причисляются к лику святых как прародители народа.

Проблема языка нередко превращается в инструмент национализма и ведет к *этнолингвистической* напряженности или даже конфликтам в многонациональных странах. Притеснение родного языка, который воспринимается как воплощение культуры народа, накаляет страсти и становится средством мобилизации политизированной этничности.

Государство есть и продукт, и создатель народа. Уже для создания племенных союзов требуется государственная власть (хотя бы в виде князей и дружин). Строго очерченная этническая

целостность (народ) возникает лишь на зрелой стадии политического развития и формируется там, где есть государство и идеология, защищающая его авторитет и неприкосновенность, где имеются территория и границы, которые приобретают характер этнических.

Так, государство организует информационное пространство этнической общности, создает регулярные централизованные потоки информации и «сгустки» информационной активности, охраняет границу информационного пространства своего народа. Государство организует и содержит институты, которые непосредственно воспроизводят народ (например, армию и школу). Только государство может обеспечить достаточно длительную политическую стабильность, необходимую для созревания большой этнической общности. Государство мобилизует общность на преодоление угроз и этнизирует ее через образ враждебных иных.

Там, где понятие национальности уже вошло в обыденное сознание и стало привычным, люди считают, что этническое самоосознание людей — вещь *естественная* и существовала всегда и везде. По мнению социальных психологов (например, Т. Шибутани), в настоящее время этнические категории составляют важную основу для стратификации, так как люди считают их естественными подразделениями человечества³¹. В действительности это подразделение людей не является естественным и даже появилось не слишком давно.

Границы племен были условны, самосознание их членов выражено слабо. До тех пор, пока не появились антропологи и туристы, «племена» часто не имели даже названия. В Африке названия им присваивали колониальные администрации, произвольно причислявшие к тому или иному «этнониму» различные группы населения. В частности, термин «йоруба», будучи колониальным изобретением XIX в., долгое время оставался «не более чем китайской грамотой» для тех, кого им называли³².

³¹ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: проблемы становления. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Avk_EtnKonf.php.

³² Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 39. Согласно энциклопедическому

Совсем недавно категория национальности была неизвестна и просто недоступна для понимания жителями даже некоторых областей Европы. Во время первой переписи 1921 г. в восточных районах Польши, вышедшей из состава Российской империи, крестьяне на вопрос о национальности часто отвечали: «тутейшие» (местные). На вопрос о родном языке они отвечали: «говорим по-просту» (т. е. говорим как простые люди, не как паны). В быту они делили себя на людей «с польской верой» (католиков) и людей «с русской верой» (православных). Сегодня этих крестьян однозначно зачислили бы в белорусы (в соответствии с их разговорным языком), но сами они свое отличие от господ (поляков-католиков) мыслили как *социальное и религиозное*, а не этническое или национальное³³.

В 1945 г. при переписи в Югославии оказалось невозможно определить этническую принадлежность большой группы населения в Юлийской Краине (юго-западнее Триеста). Местные жители одинаково хорошо владели двумя языками — итальянским и славянским (было трудно определить точно, что это за диалект). Они были католиками, а сведения о своем этническом происхождении считали «несущественными». Часть этих людей потом все же признали себя либо хорватами, либо словенцами. Однако произошло это под административным давлением, а не по внутреннему убеждению.

Во времена Б. Тито термин «мусульманин» стал употребляться как название национальности. Например, в паспорте в графе «национальность» у многих жителей Боснии и Герцеговины было записано «мусульманин», а в графе «вероисповедание» — «атеист».

Большую роль в распространении и внедрении современных понятий этнической (национальной) принадлежности сыграли переписи населения, которые начали проводиться в Европе с середины XIX века. В них этничность, как правило, *приписывалась* по признаку языка или религии. Так, в Греции, начиная с 1856 г., этничность приписывалась по признаку религии, а по-

---

словарю, йоруба — народ в Нигерии, численностью 15 млн человек (1978); язык — йоруба.

³³ Кудрин А.В. Этничность: есть ли предмет спора? URL: http://www.socioline.ru/_shows/secret.php?todo=text&txt/.

том по двум признакам — языку и религии. Люди стали официально получать «национальность». Таким образом, это очень недавнее изобретение.

Директор Института антропологии и этнографии РАН В.А. Тишков писал в 1990 г.: «В нашей стране вплоть до первых десятилетий XX в., а отчасти и по сегодняшний день, этническое самосознание было и остается на массовом уровне довольно зыбким. Даже, например, у крупных народов Средней Азии и Казахстана, которые квалифицируются по нашей иерархии этнических образований как «социалистические нации», еще в 1920-е гг. преобладали в самосознании и самоназвании локальные или родоплеменные названия... Даже во время двух последних переписей (1979 г. и 1989 г.) некоторые группы в составе узбеков называли себя «тюрк», в связи с чем в Фергане, например, под одним названием оказались два совершенно разных народа — этнографическая группа узбеков и турки-месхетинцы... Многие народы или даже родоплеменные группы, в представлениях и лексиконе которых не было не только самого понятия «нация», но даже иногда и ее названия (азербайджанцы, например, назывались до этого «тюрками»), не только действительно совершили разительные перемены в своем развитии, но и быстро овладели самой идеей нации, включив в нее значительные мифотворческие, сконструированные начала»³⁴.

В Новое время, когда наука в европейских странах начала активно формировать общественное сознание, возникновение слова, обозначающего *явление*, становилось пусковым событием для того, чтобы этим явлением занялась наука. Истоки теорий национальной идентичности можно найти еще в классической немецкой философии (например, у Шеллинга, который задался вопросом о причинах разделения единого человечества на народы, т. е. об *этногенезе*). В XIX в. возникли научные общества (например, Лондонское этнологическое общество), начали выпускать специальные труды³⁵. Классическими стали работы Л.Г. Моргана «Лига ирокезов» (1852), Дж.С. Милля «Национальность» (1862) и Э. Ренана «Что такое нация» (1882). Однако те на-

³⁴ Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 12.

³⁵ Термин «этнология» был введен физиком Ж. Ампером в 30-е гг. XIX в.

учные представления, которые служат инструментом для современного исследователя, вырабатывались уже в XX веке³⁶.

Круг этих представлений очень широк. В их создании прямо участвовало *языкознание* (важный момент этнической идентификации — выработка своего *имени*, этнонима, придание языку роли «этнической границы»). Другим важным способом национальной идентификации является выработка и усвоение *мифов*. Изучением их структуры и принципов создания занимаются многие разделы антропологии и культурологии (*культурная антропология*). Коллективным бессознательным, на уровень которого погружается этническое самоосознание, занялись психологи и психоаналитики (*этнопсихология*). Социальным взаимодействием людей в этническом сообществе и с другими этносами занимаются социологи. Все более важной частью экономической науки становится *этноэкономика* — исследование взаимосвязи между этническими факторами и типом хозяйственных укладов. В последние десятилетия этнические проблемы стали одним из главных предметов *политических наук*. Фактически, осмысление этничности стало необходимым разделом *всех наук о человеке и обществе*.

Некоторые ученые начали даже считать, что этничность — лишь обобщенное имя, которое не имеет смысла вне более конкретных и жестких частных понятий; надо всегда иметь в виду тот контекст, в котором оно употребляется, и не требовать жесткой однозначной дефиниции. В текстах многих ученых даже напоминает: «Этничность (*ethnicity*) — термин, не имеющий в современном обществоведении общепринятого определения».

Это утверждение надо понимать так, что сложное явление этничности принимает определенный смысл лишь в определенном контексте, который при строгих рассуждениях требуется специально оговаривать. Для пояснения этой ситуации даже используют известную притчу о слоне, когда семеро слепых дали семь разных определений предъявленному явлению. Каждый из

³⁶ В России с начала XX в. исследования в области этнологии велись в Русском антропологическом обществе, известными авторами были Н.М. Могиланский и М.С. Широкогоров. Можно назвать книги последнего — «Место этнографии среди наук и классификация этносов» (Владивосток, 1922) и «Этнос; исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (Шанхай, 1923).

слепых ощупал какую-то одну часть животного и составил образ, дающий представление о какой-то одной стороне объекта.

В этом нет ничего необычного. Подобных явлений множество. Им, как и этничности, в *принципе* нельзя дать так называемого «замкнутого» определения. Их определение складывается из содержательных примеров, и чем больше таких примеров, тем полнее и полезнее становится определение.

Само явление этничности возникает (или выявляется) лишь тогда, когда люди идентифицируют себя как *принадлежащие* к какому-то конкретному этносу и отличают себя от *иных* этносов. В некоторых условиях у людей и не возникает такой потребности. Часто национальная идентификация «включается» политическими событиями, а через какое-то время другие события ее тормозят или даже «отключают». На наших глазах менялись условия, и в некоторых общностях процесс их идентификации ослабевал или усиливался — одни и те же люди то называли себя русскими, то вдруг оказывались прирожденными евреями или находили и выпячивали свои немецкие корни. Сравнительно недавно в судьбе русских большую роль играли сильные соседние народы — половцы и печенег. Потом по каким-то причинам, которые до нас не дошли, их потребность в идентификации себя как половцев и печенегов угасла, и они совершенно незаметно для себя и для соседей растворились в других народах.

Процесс идентификации — частная проблема этничности, но и он имеет довольно сложную структуру. В ней выделяют *когнитивный* компонент (знания о признаках, особенностях и собственного этноса, и важных для него «иных») и *аффективный* компонент — чувство принадлежности к своему народу, отношение к этой принадлежности. Один русский горячо любит русский народ, другой (как, скажем, Смердяков) является русофобом и страдает от своей принадлежности к нему. Это аффективная сторона их этнической идентификации. Когнитивный компонент имеет рациональную природу, а аффективный — эмоциональную.

Ренан показывает (1882 г.), как по-разному влияла на этническую идентификацию политика разных монархов в зависимости от выбранной ими национальной доктрины. Франция была населена множеством племен кельтской, иберийской и герман-

ской групп — бургундцами, ломбардцами, норманами, визиготами, аланами и т. д. Семь веков королевская власть настойчиво способствовала их соединению в один большой народ, и уже в XVIII в. практически никто из французов не идентифицировал себя с каким-то из этих исходных этносов.

Совершенно по-другому вели себя султаны Турции, и даже в XIX в. турки, славяне, греки, армяне, арабы и курды были в Турции столь же разделенными общностями, как и в начале становления империи. Более того, Ренан обращает внимание на европейские Венгрию и Богемию, где венгры и славяне или немцы и чехи 800 лет сосуществовали, «как масло и вода в пробирке».

Процесс идентификации подразделяется на фазы, этапы. В первой фазе происходит классификация человеческих групп на «мы» и «они». По мнению антропологов, зачатки деления «свой» — «чужой» относятся к ранним, базовым структурам культуры. Однако с самого же начала существовала и тенденция к преодолению замкнутости группы. Как заметил К. Леви-Стросс, уже в первобытной культуре тотемистические классификации указывают на стремление разорвать замкнутость групп и развить понятие, по смыслу приближающееся к понятию «человечества без границ».

Во второй фазе процесса идентификации идет работа по «формированию образов» — этническим общностям приписываются определенные культурные и другие характеристики. Целостный образ того или иного этноса — сложная система. Некоторые наглядные элементы этой системы входят в обиход как этнические *маркеры*, стереотипные, привычные черты образа.

Для «узнавания» своего этноса нужно его соотнесение с другим, т. е. необходимо наличие в зоне видимости других этносов, непохожих на свой. «Непохожесть», возможность распознавания обеспечивают так называемые *этнические маркеры*. Они определяют социальное поведение людей, обусловленное отношениями «этноносителей». Различение людей по этническим признакам, с которыми сцеплены главные *этнические ценности*, устанавливает *этнические границы*. Говорится, что этнос существует благодаря этнической идентичности членов группы, основой которой являются этнические границы.

Этническими маркёрами могут быть внешние антропологические характеристики или наследственные физиологические особенности организма (например, недостаток в крови фермента, окисляющего спирт, из-за чего человек быстро пьянеет). Еще более сложными маркёрами могут служить этнические психозы, присущие лишь определенным общностям (например, шизофрения у европейцев).

Как замечают этнологи, маркёр может не иметь никакой «культурной ценности», он всего лишь позволяет быстро и просто различить «своих» и «чужих». Маркёр, как правило, это «цепляющая мелочь», которая, однако, достаточно надежно маркирует границу «своего» и «чужого». Такое маркирование может возникать искусственно, без реальных оснований: например, племена хуту и тутси в Руанде не имели расовых, культурных, территориальных и религиозных разногласий до тех пор, пока между ними не был искусственно посеян идеологический конфликт (борьба скотоводов-воинов против земледельцев), получивший этническую окраску³⁷.

В советском обществоведении было принято определение, сформулированное в 1970-е гг. академиком Ю. Бромлеем: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»³⁸.

По сравнению с другими большими социальными общностями (классами, «стратами», сословиями) этнос является самой устойчивой группой. Это происходит потому, что передача культурных традиций в свою очередь скрепляет этнос. Этот процесс не позволяет ему рассыпаться на индивидов, он сплачивает их в более мелкие общности и порождает множественные связи между ними, так что образуются даже профессиональные категории, выполняющие функцию сохранения и передачи традиций

³⁷ Кривушин И.В. Руандийский геноцид // *Rac Africana: континент и диаспора в поисках себя: Сб. статей / Под ред. А.Б. Давидсона. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 242.*

³⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 58.

и одновременно этнической идентичности (например, духовенство, учительство).

Но все, о чем мы говорили выше, относится лишь к формальному обозначению видимых сторон явления этничности. Главное же — в понимании *сущности* явления. Как оно возникает? Какому миру принадлежит — миру природы или миру культуры? Именно в таком понимании этничности возникли две несовместимые концепции, которые развиваются по двум непересекающимся траекториям. Обе они корректируются и наполняются все новым и новым фактическим материалом. Оба сообщества ученых, принимающих ту или иную концепцию, находятся в диалоге, следят за работами друг друга и выступают друг для друга оппонентами. Здесь мы их кратко обозначим, а затем изложим каждую концепцию в отдельности.

Надо учесть, что в наших рассуждениях об обществе, в том числе об этнических общностях, мы пользуемся понятиями, заимствованными из арсенала *западной*, европейской философской мысли. Лишь небольшое число эрудированных специалистов знает, в каких понятиях трактовалось явление этничности в незападных культурах, тем более до заимствования ими языка и логики европейской науки. Очень трудно понять, как мыслили о племенах и народах китайцы, индусы, американские индейцы или австралийские аборигены.

Язык обществоведения, которым мы пользуемся, был создан в Европе в рамках проекта Просвещения. В нем отразились определенная картина мира и определенная антропология — представление о человеке. В частности, антропологии нарождавшегося западного буржуазного общества была присуща жесткая *натурализация* (биологизация) человеческого общества. Как говорят, «социал-дарвинизм» возник гораздо раньше самого дарвинизма. В представлениях о человеческих общностях с самого начала был силен компонент *социобиологии*, в разных ее вариантах.

Так возникло и представление об этничности, которое господствовало в западной науке до недавнего времени. Оно получило название *примордиализм* (от лат. *primordial* — изначальный). Согласно этому учению, этничность рассматривается как *объективная данность*, *изначальная* характеристика человека. Иными словами, этничность есть нечто, с чем человек рождается

и чего не может выбирать. Этничность в этом представлении является *органичным* образованием — *вещью*, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться. Что касается культурных характеристик личности, то этнические черты, согласно концепции примордиализма, оказываются базовыми элементами личности.

С точки зрения социобиологии этнос есть сообщество особей, основанное на биологических закономерностях, преобразованных в социальные. Биологический примордиализм был характерен для романтической немецкой философии с ее мифом «крови и почвы», от нее он был унаследован и основоположниками учения марксизма. Как считает В. Малахов, среди серьезных ученых примордиалистов такого рода «в настоящее время очень немного», и столь примитивный примордиализм «давно уже стал пугалом для критики»³⁹.

Способом научного познания, которым пользуется примордиализм, является методологический *эссенциализм* (от лат. *essentia* — сущность) — метод, имеющий своей целью открытие истинной «природы вещей». В своем крайнем проявлении приверженцы примордиализма доходят до буквального овеществления этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Смысл сущностного подхода состоит в том, что этничность понимается как вещь, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма материальная эссенция (скрытая сущность)⁴⁰. Условно говорят, что она находится в крови, но это, однако, не следует понимать буквально.

Представители *эволюционно-исторического* направления в примордиализме рассматривают этнос скорее как общность, в которой взаимная привязанность достигается воздействием социальных условий, а не ходом биологического развития, но закрепляется жестко. Один из основателей этого направления, Э. Смит, определяет этнос как «общность людей, имеющих имя,

³⁹ Малахов В. Скромное обаяние расизма // Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров — ДИК, 2001.

⁴⁰ В альтернативных примордиализму современных концепциях под этничностью понимают не вещь, а *отношения*. Отношения как между «своими», так и к «чужим». Отношения эти являются частью культуры и выражаются во множестве символов, знаков, норм и навыков.

разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающую чувством солидарности».

Надо подчеркнуть, что обыденное сознание людей проникнуто примордиализмом. Действительно, человек рождается в семье, где его окружают люди определенной этнической группы. Уже младенцем он включается в этническое пространство: его окружают предметы, присущие культуре данного этноса (одежда, предметы украшения, утварь и т. д.); люди вокруг него говорят на языке, который становится для него родным, когда он сам еще не научился говорить. Это человеческое и культурное окружение становится для ребенка «защитным коконом» (как говорят, онтологической системой безопасности). Ребенок, еще не умея говорить, преодолевает страх перед неопределенностью благодаря этой защите, у него возникает чувство доверия к «своим». Его принадлежность к своему этносу воспринимается как изначальная, как *примордиально* данная.

В условиях кризиса и нестабильности общества и государства этничность становится самым эффективным и быстрым способом политической мобилизации. Обращение к «крови», к солидарности «родства» легко воспринимается сознанием, сильно действует на чувства и будит коллективную память. Поэтому политик, вынужденный решать срочные задачи, почти всегда говорит на языке *примордиализма*. Иначе он не найдет общего языка с «простым человеком», который является *прирожденным примордиалистом* — потому что застаёт социальную реальность в ее уже готовой этнической форме. Политик, даже зная что это обыденное понимание этничности неверно, не имеет в момент кризиса времени и возможности вести теоретические дискуссии и пытаться перестроить язык понятий, на котором мыслят противоборствующие группы. Он приспособливается к этому языку. Здесь возникают благоприятные условия и для политической демагогии.

Начиная с 1950-х гг., в ходе распада системы колониальной зависимости и сопровождавшего этот процесс роста этнического самосознания, стал складываться иной подход к представлению этничности, названный *конструктивизмом*. Конструктивизм отвергает идею врожденного, биологического характера

этничности. Ученые этого направления исследовали этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях. Этничность в таком представлении понималась как принадлежность человека к *культурной группе*. Разные ее проявления — результат творческой деятельности различных социальных агентов (государства, иных типов власти, церкви, политических и культурных элит, окружающих «простых» людей).

В рамках конструктивизма этничность можно рассматривать как процесс, в ходе которого выбираются из материала культуры этнические *маркеры*, *формируются* этнические границы, *изобретаются* этнические мифы и традиция, формулируются *интересы*, создается (*воображается*) обобщенный портрет этнического сообщества, вырабатываются и внедряются в сознание *фобии* и образы этнического врага и т. д. Такая этничность не наследуется генетически, ей *научаются*. Человек обретает этническую идентичность в процессе социализации — в семье, школе, на улице.

Недавней почти экспериментальной работой по конструированию нового этнорелигиозного сообщества стало создание народа *фалаша* — эфиопских евреев (или Израиля «второго сорта»). Их бегство в Израиль имело черты политического и духовного ритуала и привлекло к себе внимание антропологов. К. Янг высоко оценивает работу антрополога Дж. Квирина, который «дает интересную и хорошо документированную интерпретацию длительного и сложного процесса их самоосознания как «израильтян второго сорта». В самом Израиле отношение к вопросу неоднозначное, поскольку при этом ставится под сомнение применение «закона о возвращении» и оправданность сенсационных воздушных перебросок, с помощью которых большинство из них были перемещены на историческую родину евреев. Автор мастерски демонстрирует сложность и случайность процессов формирования группы в долгосрочной перспективе⁴¹.

Если мы обратимся к опыту ближней нам Европы, то здесь в XIX в. мы видим целенаправленное создание народов, у кото-

⁴¹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 90.

рых до этого даже названия не было. К. Нагенгаст пишет: «Многие “национальности” Восточной и Центральной Европы, в основании которых лежат предполагаемый общий язык, реальные или мифические предки и история, были в буквальном смысле созданы элитами, причем некоторые представители этих элит даже не могли говорить на языках изобретенных таким образом национальностей»⁴². Например, известный чешский филолог Ян Коллар по национальности был словаком, но отстаивал идею единого чехословацкого языка и работал над созданием современного литературного чешского языка, хотя сам до конца жизни писал по-немецки.

Возникает особый тип духовных лидеров, которые занимались «сборкой» народов (в Чехии, а потом и у южных славян их называли «будители»). В лабораториях вырабатываются литературные языки и пишется история и мифология. Э. Кисс отмечает: «Будители достигли совершенно разных политических результатов, что особенно наглядно проявилось в случаях с численно небольшими группами, не обладавшими на протяжении своей истории политической независимостью. Так, в 1809 г. некий филолог изобрел наименование “словенцы” и стал творцом словенского национального самосознания. Движение, началу которого он содействовал, привело в конечном счете к тому, что Словения приобрела республиканский статус в рамках Югославии, а в прошлом году стала независимым государством. Вместе с тем членам других диалектных групп, например сорбам [лужичанам], так и не удалось выработать единого коллективного самосознания, и их политическое и культурное присутствие в современной Европе никак поэтому не ощущается»⁴³.

За вторую половину XX в. проблема создания народа стала предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Быстрому продвижению в этой области помог опыт *фашизма*, который с конца 1920-х гг. за десять лет создал из рассудительных немцев совершенно новый само-

⁴² Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука. 1994. С. 81.

⁴³ Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 148–149.

отверженный и фанатичный народ. Этот народ фашистской Германии обладал качествами, каких не было у того «материала», из которого он был создан.

Идеологи фашизма поставили сознательную цель «пересборки» немцев как жестко скрепленного народа — с одновременным отъединением их от других народов и даже противопоставлением большинству других народов. Фашисты по-новому применили одно из главных средств соединения людей в народы — *язык*. Они создали тип слова, сила которого заключалась не в информационном содержании, а в *суггесторном* воздействии, во внушении через воздействие на подсознание. Возник особый класс слов-символов, заклинаний. Гитлер писал: «Силой, которая привела в движение большие исторические потоки в политической или религиозной области, было с незапамятных времен только волшебное могущество произнесенного слова. Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова»⁴⁴. Муссолини также высказал сходную мысль: «Слова имеют огромную колдовскую силу».

Языковую программу фашизма иногда называют «семантическим терроризмом», который привел к разработке «антиязыка». В нем применялась особая, «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального»⁴⁵.

Фашизм новаторски применил технологии *спектакля* и *зрительных образов* для сплочения немцев как *зрителей*. Перешагнув через рационализм Нового времени, фашизм «вернулся» к древнему искусству соединять людей в экстазе через огромное шаманское действо — но уже со всей мощью современной технологии. При соединении слов со зрительными образами возник язык, с помощью которого большой и рассудительный народ был превращен на время в огромную толпу визионеров, как это было в раннем Средневековье.

⁴⁴ Цит. по: *Московичи С.* Век толп. Наука о массах. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mosk/12.php/.

⁴⁵ *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Идеологи фашизма активно перестраивали *мировоззренческую матрицу* немцев. Они сумели внедрить в массовое сознание *холизм* — ощущение целостности Природы и связности всех ее частей («одна земля, один народ, один фюрер» — выражение холизма). Философы говорят: «фашизм отверг Ньютона и обратился к Гете». Этот великий поэт и ученый развивал особое, тупиковое направление натурализма, в котором преодолевалось разделение субъекта и объекта, человек «возвращался в Природу». Эта философия, созданная в лаборатории, служила политическим целям. «Возврат к истокам» и представление общества и его частей как *организма* (а не *машины*) оправдывали частные стороны политики фашизма как удивительного сочетания крайнего консерватизма с радикализмом.

У Ницше была взята идея *вечного возвращения*, и представление времени в фашизме опять стало *нелинейным*. Идеология фашизма — постоянное возвращение к истокам, к природе (отсюда сельская мистика и экологизм фашизма), к ариям, к Риму, это построение «тысячелетнего Рейха». Было искусственно создано мессианское ощущение времени, внедренное в мозг рационального, уже перетертого механицизмом немца. Была сфабрикована целая система *мифов*: *антропологический* миф о человеке как «хищном животном» (белокурой бестии), миф избранного народа (*арийской расы*), миф *крови и почвы*.

Немцам было навязано романтическое антибуржуазное самосознание как народа *земледельцев*. Один из идеологов фашизма писал: «Ни герцоги, ни церковь, ни даже города не создали германца как такового. Немцы произошли от крестьян, а герцоги, церковь и города только наложили на них определенный отпечаток. Германское крестьянство... представляло собой основу, определившую направление и характер дальнейшего развития. Мы, национал-социалисты, восстановившие старую истину, что кровь является формообразующим элементом культуры народа, абсолютно четко представляем себе суть вопроса»⁴⁶.

Поучительным был и опыт «демонтажа» этого нового народа после поражения фашистской Германии во Второй мировой

⁴⁶ Дарре В. Историю создавало германское крестьянство // Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма: Сб. статей. М., 2003. С. 183.

войне. Таким образом, всего за тридцать лет дважды была произведена «пересборка» большого европейского народа с великой культурой и огромной историей (к тому же этот большой эксперимент этнической и социальной инженерии дополнен важным опытом параллельного строительства из части немцев особого народа ГДР, который вот уже почти 25 лет после ликвидации этого государства с трудом ассимилируется с основной частью нации).

Необходимость познания этничности с помощью *научной* методологии обострилась в ходе «второй волны глобализации» — *империализма*, когда интенсивное вторжение западного капитализма дестабилизировало традиционные общества и вызвало множество конфликтов, структуру и динамику которых нельзя было понять с помощью здравого смысла. Как считают современные этнологи, «примордиализм возник при изучении этнических конфликтов, эмоциональный заряд и иррациональная ярость которых не находили удовлетворительного объяснения в европейской социологии и представлялись чем-то инстинктивным, «природным», предписанным генетическими структурами народов, многие тысячелетия пребывавших в до-историческом состоянии»⁴⁷.

Исследователи, работающие в рамках конструктивизма, подчеркивают, что создатели техники этнизации населения в каждом конкретном случае опираются на стихийный примордиализм простого человека, на его потребность ощущать себя членом «извечной» общности, обладающей священными символами. Да и сами эти конструкторы-практики в большинстве случаев, вероятно, мыслят в понятиях примордиализма и уверены, что они открывают изначальную истину, снимая с нее слои деформации и коррозии. Даже если эта очищенная ими истина через какое-то время сама оказывается подделкой, это не обесценивает их труда — ведь данная находка успела укрепить конструкцию этнического сознания и теперь ее можно убрать.

Здесь кроется одна из главных сложностей освоения проблематики этничности в широких кругах интеллигенции и даже

⁴⁷ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994.

в среде специалистов. Ведь в этнических взаимоотношениях, особенно в момент глубокого кризиса, обострившего эти отношения, все мы являемся действующими лицами и исполнителями. Человек, рационально принявший идеи конструктивизма как верные и научно обоснованные, должен оперировать в среде, где подавляющее большинство мыслит и действует в рамках примордиализма. К окружающим тебя людям надо обращаться на том языке, на котором они говорят и который они понимают, и когда ты видишь проблему в свете иных, несовместимых понятий, возникает раскол, который может погубить не только дело, но и «действующее лицо».

Ценностью конструктивизма явилось то, что отказ от представления этничности как изначальной данности побудил исследователей взглянуть на процессы этногенеза во всем их многообразии и заняться, прежде всего, составлением реальной и конкретной «карты» этих процессов на широком пространстве и на продолжительном временном интервале. Это позволило со временем приступить к классификации, к выявлению закономерностей — к прохождению этих необходимых этапов в развитии строгой науки. При этом расширились познавательные возможности того огромного фактического материала, который был накоплен в примордиализме.

Другое важное отличие конструктивизма от примордиализма как методов исследования конкретных ситуаций заключается, по мнению ряда авторов, в общей направленности, в тех принципиальных установках, которые «толкают» ход рассуждений к тому или иному исходу (при прочих равных условиях).

Если же взглянуть на конкретные случаи этнических конфликтов с применением насилия, то видна как раз целенаправленная деятельность по «конструированию» этих конфликтов, которая опирается на те «наличествующие социальные реалии», которые были созданы в такой же целенаправленной деятельности на предыдущих этапах. История 1980–1990-х гг. и в Югославии, и в СССР дает для реконструкции причинно-следственных связей богатый материал. В.А. Шнирельман утверждает на основании исследований событий, происходящих на Кавказе: «Этнические конфликты вызываются отнюдь не различными культурными ценностями *per se*. Напротив, идеологические

и политические лидеры порой даже заинтересованы в мобилизации разных культурных ценностей для достижения своих собственных целей. Для этого они и отбирают то, что, на их взгляд, лучше соответствует их целям, и нередко превращают личный или локальный конфликт в этнический или религиозный... Исламские ценности не играли никакой роли в современных спорах между христианами-осетинами и их соседями-мусульманами об аланских предках... Этот конфликт, который с точки зрения концепции Сэмуэля Хантингтона мог бы быть интерпретирован как борьба между христианской и исламской цивилизациями, фактически был весьма далек от обращения к каким-либо религиозным ценностям»⁴⁸.

Методология конструктивизма, отвергая идею об изначальной заданности и большой устойчивости этнического сознания, гораздо более чем примордиализм, нацелена на изучение и предвидение тех быстрых изменений, которые могут произойти в межэтнических отношениях при дестабилизации социальной и культурной обстановки⁴⁹. Господство представлений примордиализма в советском обществоведении привело к тому, что после 1985 г. партийная номенклатура не прислушивалась даже к тем предупреждениям об угрозах, создаваемых перестройкой, которые делались исходя из здравого смысла и житейского опыта.

Вот проблема, имеющая общее значение для всех обществ «переходного типа» — введение института многопартийных выборов в тех странах, где общежитие разных этносов и народов было отлажено в условиях однопартийной системы. В таких «однопартийных» политических системах правящая партия образуется по совсем другим правилам, нежели в конкурентном гражданском обществе западного типа, где существует политический «рынок» с партиями, выражающими интересы разных социальных групп и классов.

⁴⁸ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2005.

⁴⁹ Примечательно, что основная масса эмпирического материала об этническом насилии собрана как раз в исследованиях, проведенных в русле примордиализма, ибо именно в насилии, на первый взгляд, выражается иррациональное, заданное «свыше» ядро этнической «самости». Конструктивизм предлагает этому эмпирическому материалу иную интерпретацию.

Радикальный перенос в такое общество западного ритуала многопартийных выборов повсюду приводил к резкой политизации этнического сознания и этнизации политики. Результатом становился межэтнический конфликт, так что на выборы шли не партии, представляющие социальные интересы, а этнические элиты, мобилизующие своих соплеменников на борьбу с другими этническими «партиями».

Важно подчеркнуть, что апелляция к этническим ценностям «почвы и крови» в государствах переходного типа вовсе не является извращением принципов демократии. Согласно современным антропологическим исследованиям, это и есть *действительная* суть западной демократии, скорректированная реальностью этих государств (это иногда называют «парадоксом Уайнера», смысл которого состоит в том, что именно демократические процедуры, а не их искажение, и порождают этническое насилие). Таковой и была технология западной демократии, в чистом виде представленная Французской революцией. От нее ушел сам Запад, но под его давлением данную технологию вынуждены применять зависимые от него страны.

Из этого следует, что в демократическом государстве, во-первых, постулируется роль *народа* как центрального субъекта политики и, во-вторых, главной формой, в которой народ представлен на политической арене, становится *толпа*. Это — очень специфический миф народа, которого не было в традиционных сословных обществах (и тем более не могло быть в советском обществе). Та часть постсоветских обществ, которая еще связана культурной пуповиной с традиционной Россией, не только не владеет технологией толпы, но и чужда ей. Напротив, часть общества, настроенная против советской системы, уже в конце 1980-х гг. освоила методы политического действия толпы и легко узурпировала статус народа.

В целом сдвиг к рациональности постмодерна повсеместно провоцирует этнизацию обществ. В развивающихся странах это выражается в новом всплеске трайбализма, родо-племенного сознания и организации. Не менее сложные проблемы обещает неожиданный возврат, казалось бы, ушедшего в прошлое этнического сознания в странах Запада, которые быстро стали многонациональными. На эту способность постмодерна провоциро-

вать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают антропологи. Дж. Комарофф задается вопросом: не используется ли эта способность как средство утопить борьбу за разрешение социальных противоречий в хаосе *межэтнических* столкновений?

Здесь надо сделать важное предупреждение методологического характера. Признание конструктивизма научной концепцией этничности, основанной на более верных, нежели примордиализм, предположениях и постулатах, вовсе не означает, что надо принимать и поддерживать и те политические программы, которые опираются на использование этой концепции. Научное знание нейтрально по отношению к добру и злу, это всего-навсего лишь *инструмент*. Те, кто владеет методологией конструктивизма, оказываются *сильнее* тех, кто исходит из постулатов менее эффективной методологии. Но они могут применить эту силу и во вред интересам конкретной социальной или этнической общности. Знание и его использование — вещи совершенно разные. Особенно это относится к тем проблемам, в которых знание и идеология очень сильно переплетены.

Обладание силой более верного знания в целом полезно и потому, что предохраняет от *неосознанных* угроз. Тот факт, что принятый в советское время способ понимания и *рассуждений* об этничности выводился из примордиализма, разоружил наше общество и сделал его беззащитным против взрыва этничности в 1980–1990-е гг., является фундаментальным независимо от политической или идеологической позиции. Если бы интеллигенция и власть рассуждали на языке конструктивизма, было бы легче предвидеть последствия многих фатальных решений и разоблачить махинации разрушительных теневых и преступных действий.

Но подавляющее большинство населения, да и интеллигенции, продолжают мыслить в терминах примордиализма. Люди действуют не в соответствии с правильными концепциями ученых, а исходя из своих «неправильных» представлений. И наука должна изучать именно этот «неправильный» реальный объект.

Поэтому практические исследователи вынуждены комбинировать методы и эмпирические данные *обоих* подходов. В принципе, тому же самому должны научиться и политики и,

в общем, все граждане, желающие действовать рационально. Это — исключительно сложная методологическая проблема.

Однако некоторые видные этнологи-конструктивисты с такой «гибридизацией» категорически не согласны. Дж. Комарофф, например, отрицает даже тщательно скрытый примордиализм. Подводя итог сравнительному анализу познавательной силы примордиализма, конструктивизма и инструментализма⁵⁰, он формулирует те вопросы, на которые ни один из этих подходов пока что не дает надежных ответов. Для нас полезны и сам этот перечень, и констатация того факта, что готовых ответов на них наука пока что не дает. Вот что писал Комарофф в 1993 г.: «В настоящий момент задачей, требующей к себе внимания, является разработка других, более убедительных теоретических альтернатив, а также поиск ответов на ряд сложных вопросов об этничности и национализме, остающихся донныне нерешенными. Каким именно образом происходит укоренение коллективных привязанностей и чувств в той истории, которую люди считают своей? Почему в одних обстоятельствах апелляции к национализму вызывают лишь апатию, если не антипатию, в то время как в других граждане проявляют готовность жертвовать жизнью и здоровьем, иногда даже во имя стран, где они подвергаются очевидному угнетению? В каких случаях и почему лидеры государств и общественных движений обращаются к национальной государственности и подвергающемуся угрозе суверенитету как к объединяющему и готовящему к войне лозунгу? И почему подданные откликаются, особенно если, как часто бывает, в их собственных жизненных интересах не делать этого? В каких случаях и почему национально-государственная принадлежность (nationality) оказывается важнее других форм самосознания, особенно основанных на социальном классе, поле, расе? Почему некоторые формы национализма оказываются более враждебно настроенными и, фактически, воинственными, чем другие?

---

⁵⁰ Эта концепция рассматривает этничность как инструмент, при помощи которого люди добиваются тех или иных целей и, в отличие от примордиализма и конструктивизма, он не ориентирован на поиск определения этноса и этничности. Любая деятельность и активность этнических групп рассматривается как целенаправленная деятельность этнических элит в борьбе за власть и привилегии. В обыденной жизни этничность пребывает в латентном состоянии, но в случае необходимости мобилизуется.

И какова роль политических/социальных элит в их разжигании, а войны и военных лидеров — в их историческом развитии? Существует ли какая-либо разница, или связь, между направленными вовнутрь чувствами и настроениями, обеспечивающими единство нации, и направленными вовне эмоциями, нагнетающими враждебность по отношению к другим?»⁵¹.

1.3. Нация и национализм

В Новое и новейшее время для жизни и самосознания народов (особенно больших стран) важное значение приобрело понятие *нация*. В представлениях, свойственных формационному подходу, нация есть высшая стадия развития этнических общностей, отвечающая условиям индустриального общества.

В последние четыре века нация и принадлежность к ней (национальность) были важным признаком социальной классификации. Сам исходный смысл слова «нация» (т. е. «быть урожденным») придает этому признаку качество естественного, которое оказывает сильное воздействие на сознание и потому очень ценится в идеологии.

Понятие нации стало ключевым как в отношениях населения со своим государством, так и в международных отношениях между государствами. Это понятие лежит в основе и международного права Нового времени, и политической практики (в таких понятиях, как национальный суверенитет, право наций на самоопределение, Организация Объединенных Наций — осью является понятие нации).

Вторая сторона возникновения наций — формирование национального государства. Этот новый тип государственности стал главной формой политической организации народов Запада — самой устойчивой и очень многосторонней по своим функциям. Национальное государство уже в ходе создания своих наций показало исключительную эффективность в деле сплочения населения страны в общество. Можно сказать, что национальное государство выработало качественно новую матрицу сборки

⁵¹ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 65.

народа, введя новое измерение для идентичности и самоосознания людей — гражданственность.

К. Янг пишет: «В возникновении национального государства не было ничего естественного или predeterminedного исторической судьбой. Это сравнительно новое явление в европейской истории — национальные государства стали складываться в момент Французской революции, и в их формировании большую роль сыграли интеллектуальные течения эпохи Просвещения. По мере того как складывалось современное гражданское общество, само понятие нации (национальности) стало сливаться с понятием гражданства и принадлежности к государству... Нации, подобно государствам, обусловлены обстоятельствами, а не всеобщей необходимостью, однако при этом считается, что они предназначены друг для друга и что одно без другого неполно и является трагедией»⁵².

Понятие нации многозначно. При его употреблении и в политике, и в обыденном разговоре всегда надо иметь в виду, какой смысл придается этому слову, в какой контекст оно встраивается. Это слово очень нагружено идеологически, поэтому демагоги всех мастей, «захватив» аудиторию, затем начинают в своих целях изменять смысл понятия, иногда очень ловко, почти неуловимо. Когда заходит разговор о нациях, полезно привести в готовность все личные средства защиты против манипуляции сознанием.

Два главных, принципиальных смысла нации таковы:

— нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

— нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность.

Систематизированные представления о нации стали складываться три века назад. Концепция нации была выдвинута в начале XVIII в. в книге Д. Вико «Основания новой науки об общей природе наций». Его идеи были развиты затем в программе Просвещения Вольтером, Кондорсе, Гердером. Считалось, что западные «отсталые» народы переживают тот же этап, который

---

⁵² Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 92–93.

когда-то пережили народы Западной Европы. Иные концепции, исходящие из идеи многообразия путей развития культур и цивилизаций, развивали Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер, А. Тойнби и П. Сорокин.

Ранние представления о нации были, как мы сказали бы сегодня, проникнуты примордиализмом. Сегодня представление о нациях менее романтическое. Вот краткая формулировка в стиле конструктивизма: «Пользующиеся терминами “нация” и “национализм” обнаруживают склонность считать их значения само собой разумеющимися, исконными, освященными практикой и неоспоримыми. Сложившееся положение говорит очень многое об их легитимизирующей силе и ведущей роли в современном мире. Однако практически все из наиболее проникательных специалистов-теоретиков в данной области сходятся во мнении, что эти термины принадлежат к тому слою современных понятий, которые служат делу идеологического оправдания и политической легитимизации определенных представлений о территориальном, политическом и культурном единстве.

Будучи необходимыми для процессов внутренней интеграции новых европейских государств, подобного рода понятия были порождены эпохой Возрождения, временами колониальной экспансии, религиозных войн и либерального буржуазного капитализма. Другими словами, именно потребность современного государства в интегрированности населения положила начало идеологии национализма, которая в свою очередь создала нацию. Как отмечал Эрик Хобсбаум, не нация создала государство, а государство породило нацию»⁵³.

В западной культуре принадлежность к какой-то нации стало считаться чем-то естественным и необходимым. Б. Андерсон, который развивает конструктивистскую концепцию нации, предложил радикальное определение: «Нация — это воображаемая политическая общность, причем воображаемая как необходимо ограниченная и суверенная». Имеется в виду, что любая общность, не основанная на непосредственных межличностных

⁵³ *Нагенгаст К.* Права человека и защита меньшинств: этничность, гражданство, национализм и государство // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 177.

контактах, есть общность воображаемая. Но человек вообще живет в воображаемом мире, его воображение создает реальность. Поэтому нация есть реальная общность. Ведь несмотря на неравенство и противоречия внутри нее, принадлежность к нации порождает реальное «горизонтальное товарищество»⁵⁴.

Вариантом гражданской концепции нации является территориальная концепция. Здесь нация — это «население, имеющее общее имя, владеющее исторической территорией, общими мифами и исторической памятью, обладающее общей экономикой, культурой и представляющее общие права и обязанности для своих членов»⁵⁵.

Понятно, что сделать память, мифы, культуру общими для всего населения территории, т. е. создать гражданскую нацию, можно лишь в том случае если будут ослаблены различия разных групп, составляющих это население. И прежде всего — ослаблена этничность этих групп. Еще Ж.Ж. Руссо подчеркивал, что индивиды, образующие нацию, должны иметь сходные обычаи и манеры, общие социальные идеалы. Таким образом, строительство нации не может быть «бесконфликтным» — «иных» надо в определенной степени преобразовывать в «своих».

Классическими моделями собирания нации являются французская и немецкая. В. Коротеева в своем очерке «Существуют ли общепризнанные истины о национализме?» пишет: «Уже более двухсот лет известны “французское” и “немецкое” представления о нации. Первое исходит из идеи нации как свободного сообщества людей, основанного на политическом выборе. Оно берет начало со времен Великой французской революции, когда старому режиму противостояло третье сословие, называвшее себя нацией. Второе восходит к Иоганну Г. Гердеру и немецким романтикам XIX века. По их представлению, нация выражает “народный дух”, опирается на культуру и общее происхождение»⁵⁶.

Во Франции пришлось «сплавлять» не только множество небольших народов, но и два больших этнических блока — се-

---

⁵⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс / Кучково поле, 2001.

⁵⁵ Smith A. National Identity. L., 1991. P. 148.

⁵⁶ Коротеева В.В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. № 2 (3).

верофранцузского и южнофранцузского (провансальцев). Последние сопротивлялись более трехсот лет, после чего, по выражению Энгельса, «железный кулак Конвента впервые сделал жителей Южной Франции французами». А Наполеон заменил все исторические этнические названия департаментов на формальные географические — по названиям протекающих по их территории рек.

Тем не менее, вопреки нашим обыденным представлениям, Франция в культурном и языковом отношении была очень неоднородной в течение всего XIX в. Как свидетельствует доклад французского Министерства просвещения 1863 г., по крайней мере четверть населения континентальной Франции не знала в то время французского языка. Он не был родным языком примерно для половины из 4 млн французских школьников (министерство, дабы продемонстрировать свои успехи, явно занижало число нефранкоговорящих). Практически весь юг и значительная часть северо-востока и северо-запада страны говорили на диалектах или наречиях, настолько отличавшихся от французского, что парижским путешественникам не у кого было узнать дорогу. Крестьяне Бретани или Прованса отнюдь не были патриотами Франции, и вопрос о том, станут ли они французами, оставался открытым в течение большей части XIX века⁵⁷.

Германские народы собирались в современную нацию немцев уже объединенным государством при Бисмарке, под эгидой милитаризованной Пруссии. А до этого, в конце XVIII в., еще вполне могло случиться, что в Европе возникли бы три родственных политических нации — австрийская, прусская и баварская.

Но утверждения о неизбежности подавления этничности малых народов отражают историю формирования именно западных наций. Другой, более сложный тип нациестроительства, который был присущ и России, предполагает построение общей территории и общего культурного ядра при сохранении этничности разных групп населения.

Становление наций в Европе происходило под воздействием идей Просвещения, центральными из которых было пред-

⁵⁷ Миллер А.И. Формирование наций у восточных славян в XIX в. // Русский исторический журнал. 1999. № 4. С. 135.

ставление о человеке как свободном индивиде (либерализм) и о гражданском обществе как системе ассоциаций свободных индивидов. В этих рамках и шел поиск путей примирения между целым (нацией) и сохранившимися, хотя и ослабленными, этническими общностями (меньшинствами). Понятно, что такой подход никак не мог разрешить конфликта, потому что для этнического сознания главной ценностью являются именно права общности, а не права индивидов. Напротив, этот подход, предлагающий этническому меньшинству атомизироваться и выступать на индивидуальной основе, неизбежно воспринимается как злонамеренный. Исходя из этого в некоторых странах (в Канаде, затем в США) была совершена попытка найти компромисс через принятие доктрины мультикультурализма. Опыт ее применения в последние 15–20 лет показал, что мультикультурализм не только не разрешил противоречий между нацией и меньшинствами, но скорее усугубил их, создав новые порочные круги.

Вернемся к начальному периоду формирования наций и тем урокам, которые смогли извлечь из этого опыта политики западных стран. Новое время, с прелюдией в виде Возрождения, стало эпохой становления Запада как новой, индустриальной цивилизации. В разных частях Западной Европы возникли схожие в главном условия для «пересборки» их народов в нации. Однако представления о характере создаваемых наций в разных культурах были различны. Считается, как сказано выше, что существуют две основные модели нации — французская «гражданская», представляющая нацию как «сообщество граждан» с одинаковыми правами, и немецкая «этнокультурная», связанная с Романтизмом и понимающая «народ» как «органическое единство духа», опирающаяся на общность языка и культуры.

В описании этих двух моделей просматриваются два современных подхода к этничности — конструктивизм (у французской модели) и примордиализм (у немецкой). Существенно, однако, что при обсуждении конкретной практики нациестроительства во Франции и Германии историки склоняются к тому, что во времена Бисмарка риторика «крови и почвы» являлась лишь идеологическим прикрытием той самой конструктивистской технологии, которая уже была испытана во Франции. Прагматический «проектировщик» нации апеллирует к примор-

диализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма⁵⁸.

Во второй половине XX в. в западной науке утверждает сформулированное Х. Коном понимание «национализма как первичного, формирующего фактора, а нации — как его производной, продукта национального сознания, национальной воли и национального духа».

Верным признается и замечание представителя примордиализма Энтони Смита относительно того, что «невозможно создать нацию из ничего». Иными словами, для ее создания должно иметься центральное ядро протонации в виде этнической общности, созревшей до уровня народа. Благоприятную почву для усвоения народом националистической идеологии готовит этничность, а потом уже начинают действовать конструктивистские технологии нациестроительства.

Создание наций позволило резко повысить эффективность государства. Поэтому и в незападных странах освоение технологии нациестроительства стало одной из важнейших составляющих модернизации. Так, Япония сумела целенаправленно создать сплоченную нацию с сильной национальной идеологией, не раскрываясь Западу, и вышла на международную арену как современное национальное государство.

Индийская нация сложилась в политической борьбе с английским колониальным владычеством. Для ее создания потребовалось теоретическое обоснование, которое было выработано, по словам К. Янга, группой индийских интеллигентов-националистов «благодаря истолкованию истории в духе нового прочтения прошлого с точки зрения современных представлений». Авторитетный текст, дающий такое истолкование, был написан в 1946 г. первым премьер-министром Индии Дж. Неру и назывался «Открытие Индии».

Но самые главные для нашей темы события происходили в Китае. Здесь небольшая группа интеллигентов-республикан-

⁵⁸ Как пишут, «немцы заменили правовую и рациональную концепцию гражданства на неопределенную и расплывчатую идею народа («Volk»), которая дает несравненно больше возможностей для развития воображения и экзальтации страстей». Еще более интенсивно примордиалистский миф «крови и почвы» использовали в 1920–1930-е гг. германские фашисты, производя «пересборку» немецкой нации по своему уникальному проекту.

цев выработала и стала осуществлять проект создания современной нации (хотя они применяли привычное китайцам слово *народ*). Старый народ, слабо скрепленный империей, был полностью «рассыпан» под ударами европейских держав, и в рассыпанном («как куча песка») виде китайцы оказались не только политически недееспособны, но даже нежизнеспособны.

К. Янг пишет об этом проекте: «Поколение Сунь Ятсена наделило Срединное Царство совершенно новым самосознанием китайского национализма, реинтерпретировав представления ханьского Китая о себе и о варварах — “других” — так, что, даже не обеспечив строительства устойчивого политического сообщества в ближайшей перспективе, это позволило избежать судьбы, уготованной Китаю алчными колонизаторами. По мнению последних, находившийся в конце XIX века в упадке Китай уже можно было “разрезать, как арбуз”... В Китае государство, история которого насчитывает уже три тысячелетия, создало мощную культурную идеологию: уникальным образом процесс конструирования китайского народа из различных по происхождению групп несет на себе отпечаток “Срединного Царства”. Глубоко знаменательный этноним “китайцы (хань)” символизирует этногенез: самая первая из продолжительных по времени, объединявших и строивших государство династий продолжает свое существование в этом широко распространенном определении. Республиканские наследники империи омолодили и переосмыслили этот этноним “китайцы (хань)” как национальность в полном угроз мире национальных государств, что заменило его предыдущее значение цивилизованности, противопоставлявшейся варварству “других” из-за Великой Стены»⁵⁹.

Это замечательно объяснил в своем исключительно важном сегодня для России труде «Три народных принципа» первый президент Китая Сунь Ятсен. В середине XIX в., когда в Китай начали проникать европейцы, это была самая крупная по масштабам экономика мира. Запад опутал ее банками и займами и стал «высасывать» ее ресурсы. Отношения Запада с Китаем представляли собой совершенно новый тип паразитизма, кото-

---

⁵⁹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 95, 122–123.

рый вел к полной, в буквальном смысле слова, гибели всей китайской экономики. Китай находился «между жизнью и смертью» (он «подобен жертве, трепещущей под ножом палача») и, по оценкам Сунь Ятсена, мог быть уничтожен с гибелью всего народа (400 млн).

«Три народных принципа», которые стали программой «пересборки» китайского народа, — национализм, народовластие и народное благоденствие⁶⁰. Сунь Ятсен считал национализм сложным явлением — из тех, что «легче сделать, чем осознать» (в противовес категории явлений, которые в Китае квалифицировались как «легче осознать, чем сделать»). Причиной плачевного положения Китая в начале XX в. Сунь Ятсен назвал именно утрату китайцами национализма, когда власть захватили манчжуры — народ численностью около ста тысяч. Два века «государственники» пытались сохранить «сокровище национализма», передав его низшим, неграмотным слоям народа и создав для этого огромное число тайных обществ.

Утратив национализм, Китай стал «кучей песка» — люди были крепко сплочены в семьи и кланы, но не было их соединения в «государственную семью». Проводя сравнение с Россией, Сунь Ятсен видел залог ее спасения и развития как раз в том, что несмотря на свою «вселенность», русские сохранили национализм благодаря опасным, но несмертельным угрозам. Последней из них к концу жизни Сунь Ятсена была интервенция Запада во время Гражданской войны.

У Сунь Ятсена национализм не только не противоречит интернационализму, но и служит ему необходимым условием: «национализм — это то сокровище, которое предопределяет существование человечества» (или: «национализм — это инструмент, который дает возможность существовать человечеству»). Если бы национализм угас повсеместно, то западные державы, по мнению Сунь Ятсена, полностью вытеснили бы и «переварили» все другие народы, как индейцев. И именно если Китай преодо-

⁶⁰ Надо заметить, что европейские слова *национализм* и *принцип* являются неадекватным переводом тех китайских слов, которые использовал Сунь Ятсен. Точно книга его называется «Три народизма». Первый «народизм», обозначенный в переводе как *национализм*, можно передать как *соединение китайцев в народ, подобный государственной семье*.

леет космополитизм и вновь обретет сокровище национализма, он «станет фундаментом интернационализма в Азии» — так же, как русские стали им в Европе.

Многие наблюдения Сунь Ятсена поразительно напоминают то, что мы видим сегодня в России. Первым условием возрождения национализма он называет объяснение всему народу истинного положения Китая. Препятствием здесь была интеллигенция, которая описывала это положение в европейских понятиях — привычных, но негодных. Сунь Ятсен много места уделяет доказательству, что положение Китая гораздо хуже, чем положение колонии. Не будучи колонией, Китай стал объектом эксплуатации всех западных держав. Колония — как бы собственность метрополии и никогда не «высасывается» ею до конца. Китай же, по расчетам Сунь Ятсена, при том уровне изъятия средств, что установился к 1924 г., мог быть полностью обессилен всего за десять лет.

Представления о нации неразрывно связаны с понятием национализма. Это — две стороны одного и того же явления. Национализм как идеология — сравнительно недавнее явление, он возник именно в связи со становлением нации. Между национализмом и принадлежностью к нации есть различие: национализм относится к осознанным чувствам, для которых нация является объектом активной привязанности, а принадлежность к нации есть часть повседневной практики, которая порождает глубокое и часто невыраженное ощущение, что ты «дома».

Предполагают, что как и вообще идеология, национализм возник во Франции конца XVIII века. Б. Андерсон считает, что условием для распространения национализма стало появление печати, в результате чего возникла возможность синхронизации мыслей и чувств большого числа людей. Это создало условия для появления общности людей, которые, не зная друг друга, тем не менее воспринимали происходящие события сходным образом.

Как и всякая идеология, национализм с самого начала выполнял политические задачи, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ее суверенитета. Эти задачи были актуальны, и национализм весьма мало был обращен в прошлое — он оставался практическим и рациональным. Иногда на-

ционализм считают идеологией индустриального общества, равноположенной либерализму и социализму. Если так, то надо учитывать тот факт, что реальные идеологические системы обычно имеют более сложную, гибридную структуру, так что националистическим может быть и социализм, и современный либерализм, и их космополитические разновидности.

Как и все понятия, связанные с проблематикой этничности, слово *национализм* имеет множество смыслов, так что воспринимать его надо с осторожностью, всегда учитывая контекст высказывания. Это понятие нередко толкуют как синоним патриотизма. Но патриотизм не сводится к национализму, он даже пересекается с ним лишь в малой степени. Патриотизм — необходимая часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой патриотизм не служит — он должен быть сцеплен с идеями, устремленными в будущее и «гарантирующими» реализацию патриотических ценностей. Как государственная идеология, патриотизм утверждает «вертикальную» солидарность — приверженность личности к стране. В нем нет акцента на многие ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность, даже столь широкую как нация. Напротив, национализм активизирует чувство «горизонтального товарищества», ощущения национального братства («всех французов» или «всех немцев»). Поэтому нередкие попытки противопоставить предосудительный национализм уважаемому патриотизму не могут иметь успеха — речь идет о явлениях, лежащих в разных плоскостях.

Почему же с момента становления наций и зарождения национализма в Западной Европе русская культура испытывала неприязнь к этой идеологии? Достоевский противопоставлял национализму «всечеловечность», с ним соглашались философы, особенно православные. Это противопоставление явилось установкой интеллигенции и вошло в массовое сознание. О. Немецкий пишет: «Русские были “интернационалистами по духу” и в советское время, и в имперское. У нас так и не сложилась серьезная националистическая традиция мысли, тогда как “русская всеотзывчивость” стала и подлинным стержнем нашей культуры, и главнейшей идеологемой самоосознания. Показателем нетрадиционности национализма для русских является тот

факт, что его постулаты практически не воспринимаются большей частью нашего общества, причем как на “простонародном” уровне, так и в среде интеллигенции. И дело тут совсем не только в воспитании в духе советской интернационалистической пропаганды, а в том, что сама эта пропаганда оказалась очень созвучна русской культуре, русскому восприятию себя и мира»⁶¹.

Но национализм настолько необходим для существования нации, что утверждение о его предосудительности и попытка заменить патриотизмом не имеют смысла. Можно осуждать лишь какие-то выверты национализма, как и любой другой формы сознания. В чем тут дело?

Первая причина в том, что наша интеллигенция восприняла у немецкой философии романтическое представление о нациях, согласно которому они даны нам «свыше». Вл. Соловьев видел в нации воплощение воли Провидения, предназначавшего каждой части человечества свою миссию (он писал: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»). Если так, то национализм есть вмешательство в дела Провидения и лишь искажает смысл предназначения. Да и нечего беспокоиться о связности народа — не в силах грешных людей разрушить то, что скреплено высшей волей. Это же представление советская интеллигенция восприняла от Маркса, который почерпнул его у той же немецкой философии.

Вторая причина в том, что практика национализма на Западе вызвала у русских отвращение. Как было сказано выше, создать нацию можно, лишь ослабляя различия частей этого населения, ослабляя их этничность — «иных» надо преобразовывать в «своих». И англичане, и Наполеон, и Бисмарк собирали нацию «железом и кровью». Россия же собирала и строила территорию и общее культурное ядро нации при сохранении этничности разных народов. Отвергая западные технологии нациестроительства, русское общество не принимало самого понятия «национализм» как идеологии, связанной с этими технологиями. Говорили — «народность».

Но когда речь идет об идеологии, термин «национализм» обычно употребляется в его стандартном европейском смысле — как возведенный в ранг государственной политики эгоизм

---

⁶¹ Неменский О. Уход с Равнины. URL: <http://www.apn.ru/>.

титulyной нации. В такой контекст утверждение, будто русский национализм не содержит шовинизма и отражает вселенскую отзывчивость нашего национального духа, не вписывается и почти теряет смысл. Очень часто национализм вырывается из системы конкретных идеологических связей и представляется как самостоятельная сущность. На деле национализм не «освобождается» от связки с другими идеологиями и мировоззренческими системами, а лишь трансформирует их (как и они его). Например, имперский национализм современных США сцеплен с доктриной глобального капитализма с его идеологическим фундаментом и одновременно — космополитической идеей «золотого миллиарда».

Говоря о развитии национализма в России, мы должны представить себе переходный процесс превращения русского народа и связанных с ним других народов России в нацию. Почему это становится исторической необходимостью, почему нельзя избежать «кавдинских ущелий» национализма? Ведь судя по всему, избежать «кавдинских ущелий» классического капитализма оказалось возможно (поражение советского социализма не меняет данного вывода).

Эту необходимость можно объяснить так. Если племя живет настоящим и прошлым, не проецируя свое бытие в отдаленное будущее, то народ соединяется на основе проекта будущего. Он живет в историческом времени, устремленном далеко вперед. Но позволяет ли этот проект быстро мобилизовать ресурсы, достаточные для преодоления актуальных угроз? Далеко не всегда. Нация и является той формой организации общности, которая создает такую возможность, — она соединяет все входящие в нее группы в систему, связанную каналами быстрой коммуникации на больших территориях, обладающую большими ресурсами и инфраструктурой для быстрого маневрирования ими.

Развитие национализма как мировоззренческой и идеологической конструкции изначально было расщеплено на два течения, которые, переплетаясь, и конфликтовали между собой, и поддерживали друг друга. Если считать человеческие общности системами, то эти два течения в национализме можно различить по отношению данной общности к ее среде (более крупной системе) и к ее элементам — более мелким общностям. В этом

смысле национализм мог быть идеологией разделения и идеологией объединения.

Так, в отношении наднациональных европейских структур нарождавшийся национализм был разделяющим. Он одержал победу и над имперской светской властью, и над единой централизованной церковью, и над классическими культурными традициями. Однако внутри образовавшихся национальных государств эта идеология была объединяющей — по отношению к региональным этническим общностям.

На устранение этнических различий и «фабрикацию» единых образных граждан, одинаково понимающих нормы и права нового общественного порядка, были направлены все средства господства национального государства, включая школу и СМИ. Различия изживались столь интенсивно, что Европу иногда называют «кладбищем народов».

Наступление этого объединительного национализма, разрушающего этничность малых народов, вызывало сопротивление, в том числе сепаратизм — борьбу за отделение от большого национального государства. Так возникал «национализм периферии» — как протест против государственной формы «большой» нации. Однако, становясь идеологией сопротивления национальному государству, этот национализм периферии, как правило, имитировал формы и язык государственного национализма, ставил целью обретение малым народом статуса нации.

В наиболее завершенной форме такой национализм периферии сложился в ходе борьбы колоний за свое национальное освобождение. Таким образом, в современной западной этнологии различают два крайних вида национализма, которые условно называют гражданским (или иногда «евронационализмом», так как он возник в ходе образования национальных государств в Западной Европе) и этническим (этнонационализмом), тип которого сформировался в XX в. в ходе национально-освободительной борьбы колоний.

Важно подчеркнуть, что названия эти именно условны, ибо характерные черты еврационализма присущи националистическим идеологиям многих незападных народов (назовем проект китайского национализма, созданный Сунь Ятсеном, или —

в своих основных чертах — советский национализм, начиная со второй половины 1930-х гг., за вычетом особого военного периода). С другой стороны, к жесткому типу этнонационализма относятся идеологии многих политических движений европейских народов с конца 1980-х гг. (например, в Прибалтике или в последние годы на Украине). Для нас самое главное заключается в том, что эти две идеологии, обозначаемые одним и тем же именем национализма, являются принципиально несовместимыми. В пределе это — враждебные друг другу идеологии, но при этом в реальной общественной практике они, как правило, переплетены, что и делает сферу этнических отношений исключительно сложной и чреватой конфликтами.

Этнонационализм исходит из представления этнических оснований нации в понятиях примордиализма, как изначально данной сущности. В политической практике националисты, использующие эту идеологию, обращаются к обыденному сознанию, мобилизуя присущий ему примордиализм — при том, что сами эти идеологи в настоящее время чаще всего являются конструктивистами. Они именно конструируют политизированную этничность, манипулируя массовым сознанием в партийных целях.

Не последнюю роль в обострении политизированной этничности сыграла глобализация. Однако она не в состоянии воспрепятствовать *новой хаотизации и нарастающим рискам*, несмотря на укрепление общемировых связей в технологической и экономической областях. Поскольку глобализация несет с собой подчинение большинства меньшинству, она ведет к неизбежным конфликтам — локальным, региональным, даже планетарным. Только в период 1980–1995 гг. в мире произошли 72 гражданские войны (на этнической, национальной, религиозной и расовой почве), а также войны другого типа (государства против государства). Это продолжалось и после 1995 г.: агрессия в Югославии в 1999 г., гражданские войны — в Анголе, Либерии, Судане, в поясе центральноафриканских государств, в Израиле, на Филиппинах, Цейлоне и т. д., особенно кровавые этнические конфликты в Руанде, Боснии и Герцеговине, в Косово и Метохии, Чечне, отчасти и в Македонии, террористическое нападение на Нью-Йорк и Вашингтон, вооруженная интервенция США в Аф-

ганистане, оккупация Ирака⁶². Не миновали этнические конфликты и благополучные страны Запада: периодически обостряются этнические трения в Бельгии, этнорасовые проблемы есть в США; наконец, перевесом всего в один процент голосовавших 30 октября 1995 г. на референдуме в Квебеке была сохранена целостность Канады — страны с одним из самых высоких в мире уровней жизни. Распад Канады мог повлечь за собой непредсказуемую цепную реакцию сепаратизма по всему миру⁶³.

Важно, что в этнонационализме и вообще в национализме периферии делается очень сильный акцент на прошлом, которое мифологизируется в соответствии с политической задачей, а также на создании образа врага, который якобы виновен в тех бедствиях, которые перенес народ в прошлом. Нация в этом случае объединяется на негативной основе — например, общее бедствие и общий враг в прошлом. Это бедствие и образ врага нередко переносятся в настоящее (и даже становятся неустрашимой частью будущего) с нарушением норм рациональности и здравого смысла.

Реальное бедствие, типа войны или глубокого кризиса, неминуемо вызывает всплеск этнонационализма. В этих ситуациях он становится средством мобилизации национальных сообществ для защиты своих интересов. При глубоком кризисе, когда разрушаются сложившиеся системы ценностей, нормы поведения и материальные условия жизни, массы людей видят в своей национальной общине островок стабильности и связи с традицией. Это островок порядка, которому угрожает хаос. Националисты, объединенные общей целью (например, возрождения нации), представляются организованной силой, которая и вносит порядок в жизнь людей. Участие в этой их борьбе дает ощущение связи человека с другими людьми его национальности, придает высокий смысл индивидуальному существованию.

Речь вовсе не идет о ложном сознании. Известно, что права человека сами по себе не обладают механизмом по их реализации. Для народов, ущемленных в своих правах или становящихся

---

⁶² Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // СОЦИС. 2005. № 4.

⁶³ Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // СОЦИС. 1996. № 12.

ся объектом угроз, этнонационализм частично заполняет этот провал, подкрепляя малоэффективные попытки возвать к разуму мирового сообщества и идеям права. Этноологи отмечают, что в некоторых ситуациях националистическая политика оказывается наиболее эффективным средством для защиты народом своих прав.

Но проблема в том, что использование национализма как политического оружия — искусство чрезвычайно сложное, это оружие легко выходит из-под контроля. Национализм после некоторого порога становится реакционным и противоречит интересам народа, поскольку он неспособен к выживанию в многонациональном мире.

За последние 25 лет мы были свидетелями множества трагедий целых народов, в массовом сознании которых этнонационализм вышел из-под контроля. Так, он в короткий срок разрушил Югославию, на территории постсоветских государств была мобилизована политизированная этничность с высоким потенциалом межнациональных конфликтов. Был создан вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, Грузия загнана в порочный круг противостояния с Абхазией и Южной Осетией. К жесткому типу этнонационализма относятся идеологии ряда политических движений Израиля, а с конца 1980-х гг. — Прибалтики и Украины.

Наглядной иллюстрацией последствий, к которым может привести взрыв этнонационализма, служит разоженный во время перестройки вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе. В Грузии, где вооруженные столкновения на национальной почве (в Абхазии и Южной Осетии) были прекращены при участии российских миротворческих сил, этнонационализм также загнал страну в порочный круг тлеющего противостояния. За период 1996–2002 гг. социальная дистанция между грузинами и другими народами возросла, при этом меньшинства относятся к грузинам лучше, чем грузины к меньшинствам. Отношения ухудшились даже в среде студентов, которые в середине 1990-х гг. были группой с самым высоким уровнем толерантности⁶⁴.

⁶⁴ Джавахишвили Н. Этнорелигиозные стереотипы грузинских студентов // СОЦИС. 2005. № 3.

Противостоит этнонационализму национализм гражданский, направленный в будущее и нацеленный на объединение разных народов. В условиях хаоса 1917 г. и Гражданской войны, разорвавших Российскую империю, советская власть нашла формулу государственности, которая позволила «пленить, подавить и приручить этнонационализм». Эта формула заключалась в том, что народам было предложено собраться в единое государство на основе общегития, «национального по форме, социалистического по содержанию». Но, мысля в понятиях примордиализма, мы просто забыли (и даже не заметили) того, что удалось «пленить, подавить и приручить», и поэтому в годы перестройки никто не поднял вопроса о том, как поведет себя «прирученный» этнонационализм.

Серьезный кризис возник в нациях Запада, которые уже казались «моноэтническими». Меньшинства, изначально воспринимавшиеся как часть единой нации, начинают от нее отторгаться. Так, в Испании после реформ конца 1970-х — начала 1980-х гг., когда статус полунезависимых автономий был предоставлен Каталонии, Галисии и Стране басков (с признанием местных языков наравне с официальным испанским), а впоследствии — еще 14-ти национальным регионам, практически был запущен процесс распада страны, когда испанцы ощущают себя в значительно большей степени представителями национальных общностей, чем гражданами одной страны⁶⁵.

Другой пример — отторжение от нации жителей колоний. Так, до 1962 г. жители британских колоний приравнивались к жителям Великобритании. Однако Закон об иммиграции установил, что только те граждане Содружества, которые были в родстве с Великобританией, могут считаться ее подданными⁶⁶. Это было сделано в качестве предотвращения угрозы инокультурной иммиграции.

В конце XX в. этничность «очнулась» и взбунтовалась. И дело не только в том, что практически все нации Запада уже стали

⁶⁵ Кожановский А.Н. Испания: этнический фактор и административные границы // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

⁶⁶ Аксютченко Г.В. Иммиграционная политика Великобритании в условиях глобализации: теория, дискурс, практика: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 18–19.

многоэтническими в результате крупномасштабного завоза дешевой рабочей силы — проснулось этническое сознание, казалось бы, уже давно ассимилированных народностей. Рухнула универсалистская утопия Просвещения, согласно которой в современном гражданском обществе индустриальной цивилизации этничность должна была исчезнуть. Эта утопия и заложила фундаментальный конфликт между нацией и этносами (конфликт, которого на длительный исторический период избежали и Российская империя, и Советский Союз).

Яркий пример — политизация национальных меньшинств Латинской Америки. Там растет интерес коренного индейского населения к участию в политической жизни. Если в Чили, Аргентине, Уругвае (Т. Васкес) и Бразилии (Л. да Силва) креолы и выходцы из Европы совершают левый поворот относительно плавно, то в Боливии, Эквадоре (Р. Корреа) и Венесуэле автохтоны требуют радикальных перемен, и там борьба против социальной дискриминации и засилья транснациональных компаний соединилась с протестами против доминирования креолов⁶⁷.

Как показал мировой опыт нациестроительства (и «демон-тажа» народов), в парадигме конструктивизма действительно создаются и эффективно применяются технологии «этнической инженерии». Большими проектами были формирование европейских наций в Новое время, создание совершенно новой нации США, создание в XIX в. германской нации и многих народов Восточной Европы, «пересборка» китайской нации в XX в., «сборка» индийской нации по проекту Ганди-Неру, «пересборка» российской имперской нации в «советский народ», сборка нового немецкого народа в проекте фашизма и ряд других.

1.4. Механизмы нациестроительства

Сравнивая две главных концепции возникновения этнических общностей (примордиализм и конструктивизм), мы вскользь говорили, под влиянием каких условий и при участии каких социальных сил и общественных институтов складываются эти

⁶⁷ Карбивничий В. Неамериканская Америка. URL: <http://www.comments.com.ua/?spec=1205426496&sart=1205427341>.

общности и превращаются в народы и нации. Рассмотрим теперь главные условия и силы подробнее.

Разнообразие ситуаций, в которых действуют эти силы, столь велико, что выявление жестких закономерностей почти невозможно — всегда находятся примеры, которые в данную закономерность не укладываются. Поэтому любая книга по этнологии полна противоречий. Когда автор говорит о действии какого-либо фактора, повлиявшего на образование народа, ему всегда приходится прибегать к абстракции, заостряя внимание на роли именно этого фактора, иначе рассуждение утонет в оговорках. В другом разделе и в другом контексте тот же автор приводит пример, как будто опровергающий сделанный ранее вывод, и читатель оказывается в затруднении.

Ничего не поделаешь: этногенез — система, обладающая большим разнообразием связей, и притом очень динамичная. Говоря о действии какого-то одного фактора в созидании этнических связей, приходится прибегать к абстракции, предполагая что действие (или бездействие) этого фактора происходит при *прочих равных условиях*. Этот метод мысленного эксперимента сложен — надо в уме держать всю систему и быстро «пробегать» разные комбинации, чтобы представить себе роль именно того фактора, который мы в данный момент обсуждаем.

Здесь мы будем говорить именно о ядре проблемы, лишь вскользь упоминая о фактах, когда обсуждаемая сила созидания бездействует.

1.4.1. Внешние факторы

Роль земли (территории, ландшафта)

Этнологи всех направлений подчеркивают роль *земли* в сплочении народа (нации). Одни говорят о «почве» (отсюда название одного из течений в национализме — *почвенники*), другие о *территории*, третьи, по-научному, о *биогеоценозе*. На быденном языке мы говорим *родная земля*, имея в виду не тот населенный пункт, где родились мы лично, а землю, породившую наш народ. Родная земля часто приобретает этнически окрашенный облик: «О, русская земля, ты уже за холмом».

Помимо самой земли (ландшафта и территории) влияние на этногенез оказывает и такая символическая вещь, как *граница*. Граница территории уже в самых древних государствах приобретала священный смысл — она определяла пространство родной земли и часто становилась *этнической* границей. Внутри нее живет *наш* народ. Некоторые этнологи считают, что граница — это превращенный в часть культуры присущий животным инстинкт гнезда, норы (в общем, «периметра безопасности»). Замкнутая ограда, даже символическая, есть условие «морального и физического комфорта» — как для отдельной семьи, так и для народа. Согласно легенде, император Цинь Шихуанди, объединивший китайские царства, первым делом объехал границу нового государства.

П.Б. Уваров пишет: «Главной функцией монарха (и власти как таковой) является прямое, буквальное создание пространства определенности. Монарх, как верховный легитиматор, берет на себя обязанность установления порядка, т. е. состояния определенного соотношения элементов действительности, соответствующих Истине... При этом монарх выступает в качестве верховного легитиматора как социального, так и физического пространства. В деятельности традиционных правителей эти два пространства легитимации неразрывно взаимосвязаны, что, собственно говоря, вполне соответствует «фундаментальному императиву относительного единства управленческих институтов» Т. Парсонса: «Осуществление нормативного порядка среди коллективно организованного населения влечет за собой контроль над территорией»⁶⁸.

В связи с границами, особенно в зонах междоцивилизационного контакта, в некоторых случаях возникали устойчивые фобии — страх перед иными народами, якобы представляющими угрозу целостности «своего» пространства. К числу таких укорененных страхов относится и *русophobia* Западной Европы, иррациональное представление русских как «варвара на пороге». Она сформировалась как большой идеологический миф четыре с лишним века назад, когда складывалось ощущение восточной границы Запада. А. Филюшкин пишет: «Время появления этого

⁶⁸ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. С. 94–95.

пропагандистского мифа в европейской мысли эпохи Возрождения фиксируется очень четко: середина — вторая половина XVI в. Это время первой войны России и Европы, получившей в историографии название Ливонской войны (1558–1583)... Как мировые войны в конечном итоге очерчивали границы *мира*, так и Ливонская война окончательно обозначила для западного человека *восточные пределы Европы*. Теперь последняя кончалась за рекой Нарвой и Псковским озером»⁶⁹.

Можно сказать, что пространство и народ создают друг друга. Этнотопос складывались, коллективно думая о *своем* пространстве и пространстве значимых *иных*. Это уже было не безучастное физическое пространство, а пространство *человеческое*. Как говорят, происходила *доместикация* (одомашнивание, приручение) пространства. Французский антрополог А. Леруа-Гуран пишет, что на развитие племен и народов повлияли два разных типа восприятия пространства — *динамический* и *статический*.

В первом случае человек осознавал пространство как «маршрут», двигаясь по нему. В другом случае, у земледельческих народов, пространство воспринимается как серия концентрических кругов, затухающих к границам неведомого. В центре находится дом (деревня) человека, дальше — пояс полей и выгонов, еще дальше — лесные угодья общины. За ними — дальние пространства.

Разным типам восприятия пространства соответствуют разные *формы*, в которых его представляет себе человек; рождаются разные *ритмы* пространства и разные, связанные с ним *ценности* (вспомним стихи Блока и его образы пространства России в момент, когда она оказалась перед историческим выбором). А. Леруа-Гуран относит образы пространства к числу главных *этнических символов* и пишет: «Этнический стиль можно определить как свойственную данному коллективу манеру принимать и отмечать формы, ценности и ритм»⁷⁰.

⁶⁹ Филюшкин А. Когда Россия стала считаться угрозой Западу? Ливонская война глазами европейцев // Россия—XXI. 2004. № 3.

⁷⁰ Цит. по: Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом: Сб. статей. М.: Наука, 1973.

Движение русских землепроходцев связывают с «островным богословием» православия, с поиском «Преображения», при котором земное странствие связано с теозисом (обожествлением мира). Так было с движением на Север: как говорят, идея Преображения была для русских «центральным символом-иконой исторического освоения просторов полуночных стран». Еще в большей степени этот мотив был важен в освоении русскими Америки, которая находилась «за морями и океанами» и понималась как «остров Спасения»⁷¹.

Возникновению современных *наций* в Европе предшествовало новое изменение чувства пространства. В Новое время эта Европа распалась на *национальные* государства средних размеров. В их столицах появились «свои» национальные короли, которые прочертили национальные границы и вели из-за них длительные споры и войны. Нации стали создавать новое пространство — подвластное, точно измеримое, прямоугольное. Это замечательно видно из сравнения городских планов Москвы и Нью-Йорка.

В историческом времени связь народов с землей была очень подвижной, и народы перемещались по земле (иногда даже происходили их массовые «переселения»); в актуальном времени связь народа с «его» землей стала настолько привычной, что воспринимается как нечто естественное, природное. Народы, оторвавшиеся от родной земли, вызывают настороженность.

Дж. Комарофф пишет: «Именно благодаря акценту на принцип территориальности такие экстерриториальные группы, как евреи и цыгане (и немцы в бывшем СССР), воспринимаются столь аномальными в современной Европе: они кажутся обладающими всеми характеристиками наций, но при этом они не обладают территориальной целостностью. Подобно многим другим исследователям, Бауман (1989) усматривает причинную связь между антисемитизмом и этой аномалией: еврейские группы, отмечает он, занимают «лишающий спокойствия статус внутренних иностранцев, перешагивающих ту жизненно важ-

⁷¹ Задохин А.Г. Образ Америки в русском национальном сознании и российско-американские отношения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2.

ную границу, которая должна ... сохраняться в строгой целостности и быть непроницаемой»⁷².

Судьба «родной земли» затрагивает самые глубокие структуры национального чувства, и экономические критерии здесь почти не играют роли. Это отношение чрезвычайно устойчиво, хотя корни его у современного человека едва ли сознаются. Леви-Стросс отмечает: «Именно в этом смысле надо интерпретировать отвращение к купле-продаже недвижимости, а не как непосредственное следствие экономических причин или коллективной собственности на землю. Когда, например, беднейшие индейские общины в Соединенных Штатах, едва насчитывающие несколько десятков семей, бунтуют против планов экспроприации, которая сопровождается компенсацией в сотни тысяч, а то и миллионы долларов, то это, по заявлениям самих заинтересованных в сделке деятелей, происходит потому, что жалкий клочок земли понимается ими как “мать”, от которой нельзя ни избавляться, ни выгодно менять... Это знала в прошлом и наша цивилизация, и это иногда выходит на поверхность в моменты кризисов или сомнений, но в обществах, называемых “примитивными”, это представляет собой очень прочно установленную систему верований и практики»⁷³.

Сильнейшее потрясение для этнического чувства «незападных» народов вызывает иностранная оккупация их земли. Объяснить это истинному европейцу непросто. Именно это чувство было точно выражено в главном лозунге Великой Отечественной войны: «Смерть немецким оккупантам!». В нем было указано главное зло — *оккупация* родной земли и главный в этом контексте признак злодея — *этнический*. Не буржуй и не фашист оккупирует нашу родную землю, а *немец*. Буржуй бы завладел землей как средством производства, фашист — как идеологический враг советской власти. А немец оккупировал *русскую* землю и землю *братских* русскому народов. А эту землю «не смеет враг топтать».

⁷² Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994.

⁷³ Levi-Strauss C. Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds, 1990. P. 301–302.

Проблема границ наглядно показывает, что в образованном человеке неминуемо должны сочетаться оба представления о его народе — примордиализм и конструктивизм. Первое из них лежит в сфере религиозного чувства — мой народ, моя родная земля и ее границы обладают святостью, они даны изначально и содержат в себе высший (божественный или физический) смысл. А конструктивизм холодно напоминает, что и народ, и границы родной земли — творение культуры и человеческих отношений. Они непрерывно создаются и изменяются в ходе истории. Их сотворение, сохранение и изменение требуют знаний, ума и воли. Если народ не способен организовать себя для защиты своей земли и ее границ, они будут изменены не в его пользу.

Более того, даже границы штатов, прочерченные отцами-основателями США буквально по линейке и изначально населенные пестрыми контингентами иммигрантов, постепенно обрели смысл национальных границ, выраженный не слишком резко, но вполне отчетливо. Произошла *этнизация* населения разных штатов, возник патриотизм, чувство «мы–они», носящее этнический оттенок. Б. Андерсон в своей главной книге «Воображенные общности» пишет, что эта история США открывает этнологам целую область исследований: «Для того чтобы проследить, как проходил во времени этот процесс, в результате которого административные границы стали восприниматься как отечества, необходимо рассмотреть, как административные организации создают значения»⁷⁴. Какое значение приобрели эти границы, которые в СССР были чистой формальностью и которых никто не принимал всерьез, все мы увидели после 1991 года.

В полиэтничных странах эта проблема особо обостряется за счет того, что за национальными меньшинствами закрепляется определенная территория. Во *Вьетнаме* и *Китае* зона проживания малых народов богата природными ресурсами. Конституция *Никарагуа* предусматривает создание особых территориальных единиц — общин Атлантического побережья, обладающих

⁷⁴ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 94.

режимом национальной автономии. Коренным жителям этих автономий предоставлено право развиваться в соответствии с их историческими и культурными традициями. В конституциях *Бразилии* и *Кении* отдельные главы посвящены этническим меньшинствам, насильственное переселение которых с занимаемых ими земель запрещено. В Конституции *Венесуэлы* за коренным населением страны закреплены право на территории традиционного проживания и гарантии представительства в парламенте. В *Боливии* создан Аграрный суд для защиты прав коренных народов и отдельных лиц на владение землей, а также для защиты исключительного права пользования возобновляемыми природными ресурсами, находящимися на их землях. Одна из глав Конституции *Кирибати* посвящена острову Банаба, который был практически полностью опустошен из-за разработок фосфатов. Все земли, которые национальное правительство или ранее — британские колониальные власти приобретали с целью добычи фосфатов, подлежат возврату владельцам или их потомкам. Конституция также закрепляет за выходцами с Банаба одно постоянное место в парламенте.

Такое закрепление узаконивает анклавов для особых этноконфессиональных общностей, чему яркий пример — Индия. Сикхи проживают в штате Пенджаб; народы, исповедующие ислам — в штатах Джамму и Кашмир, западной Бенгалии, западной части Утта-Прадеш, Ассаме, Керале; народы, исповедующие христианство — на северо-востоке страны, в Бомбее и на юге. Создание таких анклавов — мина замедленного действия для полиэтнической нации.

Особое обострение чувства территории и границы вызывает нынешняя волна глобализации. Резкое ослабление защитной силы национальных границ несет для народов опасность утраты контроля не только над землей («почвой»), но и над ее недрами. Идеологи глобализации представляют человечество как конгломерат индивидов, как «человеческую пыль». Во втором докладе Римскому клубу (Месарович) это выражается в полном исключении понятия *народ* и вообще этнических коллективных общностей как субъектов права.

Национальная граница была тем символическим барьером, в рамках которого личная безопасность определялась четкими

понятиями легитимного и преступного насилия. От преступника тебя защищало государство, но оно и само могло покарать тебя. В каждом конкретном обществе обе угрозы были предсказуемы и, таким образом, «укрощены». Глобализация привела к *транснационализации* насилия. Было заявлено право единственной оставшейся после Горбачева сверхдержавы (США) «изымать» граждан других государств с их территории для суда над ними на территории США. Так, в декабре 1989 г. было совершено военное нападение на Панаму, чтобы арестовать ее президента Норьегу (в ходе этой операции погибли, по данным западной прессы, 7 тыс. граждан Панамы).

В том же 1989 г. аятолла Хомейни вынес смертный приговор писателю Салману Рушди и призвал к его исполнению на территории Англии. Принципиальным моментом здесь было именно отрицание юридических границ законодательства Великобритании — именно это потрясло жителей Западной Европы, жители которой стали объектом неизвестного им судопроизводства по неизвестным для них законам иных стран.

Именно этим символическим изменением, а не уровнем реальной угрозы для жизни обывателя объясняется тот мистический страх перед международным терроризмом, который овладел европейцами и американцами. «Международный» террорист, который устраняет национальные границы, обрушил один из важных устоев того национального государства, которое западная цивилизация три века выстраивала для защиты своих наций от «варваров».

Этнизирующие «иные»

И примордиалисты, и конструктивисты выделяют в качестве очевидного условия для *этнизации* людей их контакт с *иными* (как говорят, этносы — категория *сопоставительная*). Иными словами, силой (или условием) созидания этноса всегда является иная этническая общность. Для появления самой ситуации, в которой возникает проблема своей этнической идентификации, требуются (наяву или в мыслях) внешний стандарт, особая система координат, чтобы определиться.

Дж. Комарофф, как представитель конструктивизма, пишет: «Процесс становления любой конкретной формы этнического

самоосознания происходит в условиях повседневных контактов между теми, кто этнизирует, и теми, кого этнизируют. Признаки этнизации регистрируются одновременно на экономическом и эстетическом уровнях. Они связаны с одновременным же и вполне земным процессом производства объектов и субъектов, знаков и стилей»⁷⁵.

Важные для этнического самоосознания «значимые иные» меняются в зависимости от исторических обстоятельств. Так, для немцев в 1920-е гг. главными «иными» были англичане, которые воспринимались как основные победители в войне. В 1930-е гг. на первый план вышли евреи, из которых фашистская пропаганда сделала виновников всех национальных бед, а также славяне (прежде всего русские), которых предполагалось превратить во «внешний пролетариат» для немецкого национал-социализма.

Понятно, что выполнять роль *этнизирующей* силы, т. е. той, которая побуждает к выработке тех или иных сторон собственной национальной идентичности, могут не всякие *иные*. Это должны быть те общности, стереотипы поведения которых прямо влияют на жизнь *этнизируемых*. Русским, живущим на Дальнем Востоке, приходится вырабатывать и воспроизводить свою этничность, соотнося себя с китайцами и корейцами; но стереотипы этнического поведения китайцев пока что не оказывают влияния на этногенез русских на Северном Кавказе.

В целом для русских как большого народа (нации) некоторые этнологи дают такую историческую «карту» важных для их этногенеза *других*: «Существенным для исследования русской нации как историко-политического и культурного конструкта было бы описание исторических метаморфоз и констант образов *немцев* в русском сознании. Для того чтобы понять, «что значит быть русским», необходимо вычлениить те ключевые исторические сюжеты, символические ситуации, набор ключевых контрагентов, в контексте взаимодействия с которыми русское сознание определяет самое себя. Можно выявить, как различаются «референтные» группы (нации, этнические общности) для

---

⁷⁵ Комаровф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 43.

различных пластов русской общественной жизни и действующих здесь социальных акторов.

В русской культуре было несколько доминантных контрагентов, несколько «исторически значимых *других*», определяя которые, конструируя их узнаваемые образы, формировалась собственная русская идентичность. В этнокультурной картографии значимых для русского восприятия *иных* — сходящие на нет былые, исторически доминантные контрагенты татар и поляков; сильное присутствие французов, хотя оно исторически неустойчиво и разноресно для разных социальных страт русского общества; «сквозное» присутствие евреев.

Но, вероятно, основным контрагентом для русского восприятия еще с петровской эпохи являются немцы. Определения следуют как реакции вслед за некоторым историческим (культурным или военным) вызовом. Именно европеец в исконном или в американском исполнении — и сегодня составляет главный вызов для русского исторического сознания. Так что и сегодня русскость в качестве «особого национального характера преимущественно определяется в соотношении с европейским контрагентом»⁷⁶.

Здесь отмечена главная причина того, что «европеец» является стандартом, от которого отталкивается самоидентификация русских — именно он (в том числе в американском исполнении) составляет для них главный *вызов*. И вызов этот уже с XVI в. стал очевидным практически для всех (а в XIII в. решение Александра Невского, оказавшегося перед угрозой двух одновременных нашествий — монголов и тевтонов, — было очень смелым и далеко не очевидным). Причем вызов Запада проявлялся не только в военных нашествиях или их угрозе, но и в периодических волнах модернизации, проводимой по западным шаблонам с привлечением западных «экспертов».

Уже с начала XVI в. Запад стал особой цивилизацией, для существования которой была необходима *экспансия*. Он «вышел из берегов» и предстал почти перед всеми народами мира в качестве путешественников, миссионеров и завоевателей. Западные

⁷⁶ Здравомыслов А.Г., Цуцнев А.А. Этничность в постсоветском пространстве: соперничество теоретических парадигм // Социологический журнал. 2003. № 3.

европейцы стали для других народов этнизирующими *иными*. При этом и они сами сплачивались, этнизировались как европейцы, противопоставляя себя *иным*. Важным средством для этого стали всякого рода *фобии* — страхи и ненависть к *иным*. Прежде всего к тем, от которых исходил вызов, и к тем, кого Запад подавлял и угнетал — и потому ожидал угрозы, которая до поры до времени таится под маской покорности.

Например, когда Россия возродилась после татарского ига в виде Московского царства, на Западе началась программа выработки интеллектуальных и художественных оснований *руссофобии*. О ней надо помнить без эмоций, хладнокровно — ведь так европейцы защищали свою идентичность, боясь *соблазна русскости*. Но и игнорировать этот их способ защиты нельзя.

Прежде всего русских представляли жителями *восточной и мифологической* страны. В первой половине XVI в. Рабле ставил в один ряд «москвитов, индейцев, персов и троглодитов». В апреле 1942 г. Геббельс писал: «Если бы в восточном походе мы имели дело с цивилизованным народом, он бы уже давно потерпел крах. Но русские в этом и других отношениях совершенно не поддаются расчету. Они показывают такую способность переносить страдания, какая у других народов была бы совершенно невозможной»⁷⁷.

Это история уже пяти веков. Дж. Грей пишет об этом: «Рефлекторная враждебность Запада по отношению к русскому национализму ... имеет долгую историю, в свете которой советский коммунизм воспринимается многими в Восточной и Западной Европе как тирания Московии, выступающая под новым флагом, как выражение деспотической по своей природе культуры русских»⁷⁸.

Сейчас, когда гражданское общество западных стран оказалось неспособно к поддержанию «цивилизованных» межнациональных отношений с массой дешевой рабочей силы, завезенной из бывших колоний, сплочение своих опять достигается с помощью архаических фобий.

---

⁷⁷ Цит. по: Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985. С. 99.

⁷⁸ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003. С. 71.

Цифровые выкладки на этот счет можно получить по материалам Всемирного обследования ценностей и Европейского обследования ценностей 1990–1993 и 2000 гг. Полученные результаты дают основания утверждать о крайне высокой степени этнической некомплементарности. В среднем каждый шестой представитель западных сообществ является сознательным этнофобом. И это на сравнительно благополучном в социальном отношении Западе (рис. 1.1)⁷⁹.

При том, что 75% европейцев, согласно опросу 2005 г., приветствовали политику мультикультурализма; 86% из них выступали против любой дискриминации; треть опрошенных признала у себя расовые предрассудки (тесно связанные с религиозными); 63% европейцев считают, что иммигранты способствуют безработице; 51% лично столкнулись с негативными проявлениями со стороны этнических меньшинств⁸⁰.

В Восточной Европе уровень ксенофобского напряжения существенно возрастает, зашкаливая за отметку трети населения, а в отдельных странах — даже численного большинства (рис. 1.2)⁸¹.

Главный «этнизирующий *другой*», которого боятся европейцы, — это мусульманин-мигрант. По данным статистики, в Европе сегодня проживают от 8 до 24 млн людей, чьей традиционной религией является ислам. Такой разброс обусловлен поправкой на неизвестную численность нелегальных иммигрантов мусульманского вероисповедания. Самые большие мусульманские общины в Европе проживают во Франции (5–7 млн чел.), в Германии (4 млн), Великобритании (около 2 млн), Италии и Голландии (по 1 млн)⁸². По национальному составу европейская умма разнообразна. Во Франции преобладают выходцы из Северной Аф-

⁷⁹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2009. С. 220.

⁸⁰ Челищев В.И. Фундаментализм и фундаменталисты. М.: Изд-во РГСУ, 2010. С. 398.

⁸¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2009. С. 220.

⁸² Мусульмане в Европе: численность, история, национальный состав, идеология. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=61590&topic=570>.

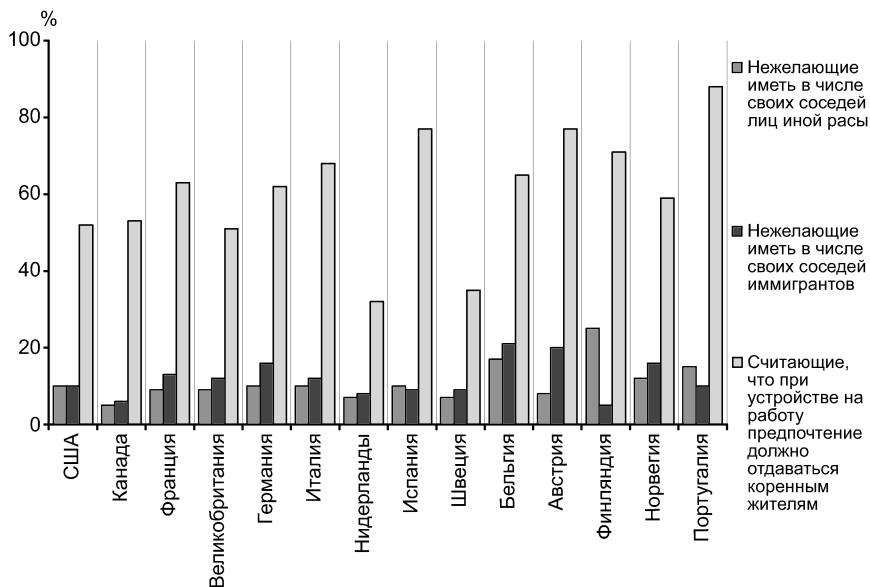

Рис. 1.1. Уровень этнической нетерпимости в странах Запада

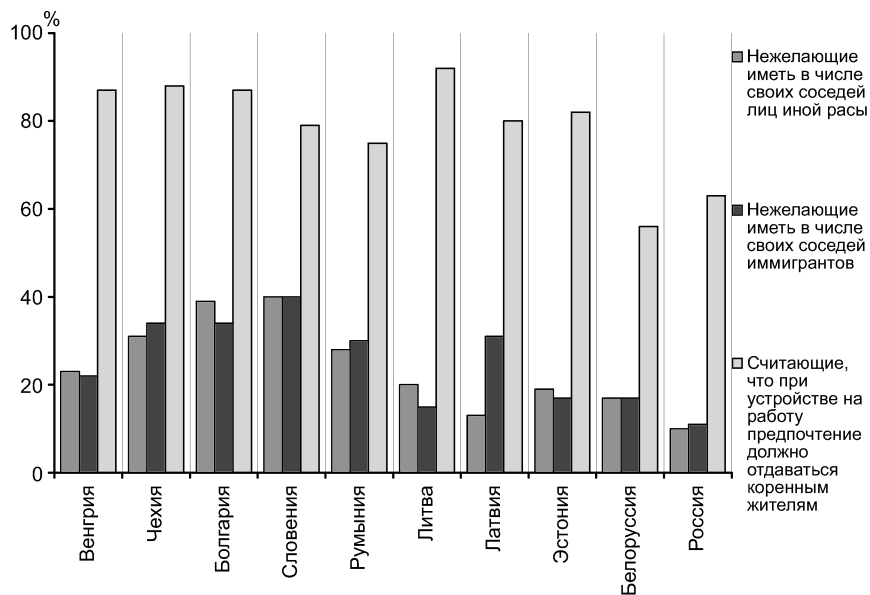

Рис. 1.2. Уровень этнической нетерпимости в странах Восточной Европы

рики, в Великобритании — из Пакистана и Бангладеш, в Германии, Австрии, Бельгии, Нидерландах — из Турции.

Социально-политическая ситуация в отношении мусульман на европейском континенте во многом двойственна. С одной стороны, европейские правительства, приглашая мусульман, стараются обеспечить им серьезную социальную поддержку (дотации из бюджета, исключение свинины из рациона тюремного питания), не проводя при этом активной политики по культурной и профессиональной адаптации мусульман к европейскому обществу. Вместе с тем, например, во Франции уровень доходов мигрантов в два раза меньше, чем уровень доходов французов⁸³.

Европейские государства свое стремление угодить мигрантам доводят до абсурда: запрещают рождественские открытки, сказку про трех поросят, а Великобритании даже обсуждают перспективы параллельного введения шариата. С другой стороны, многие мусульманские религиозные лидеры призывали живущих в Европе единоверцев к формированию достаточно автаркных в культурном и общественном смысле общин.

По мнению некоторых экспертов, идеологическое и духовное наставничество европейских мусульман связано с традицией, идущей от созданной в 1928 г. в Египте организации «Братья-мусульмане». Изначальная цель этой организации — создание шариатского государства исключительно мирным и ненасильственным путем. Поскольку режимы арабского мира пошли на жестокую конфронтацию с этой организацией, многие ее члены в 1950-х гг. эмигрировали в Европу, надеясь что им не только удастся спасти свои жизни, но в атмосфере европейского либерализма и плюрализма реализовать свои идеи. Причем изначально религиозными и политическими активистами европейского исламского движения были люди с высоким образовательным уровнем и социальным положением.

Сегодня существуют две религиозно-идеологические тенденции среди европейских мусульман, и обе они генетически связаны с «Братьями-мусульманами». Первая — создание особого

⁸³ Бибикова О.П. Арабы в Европе: иммиграционная политика Франции // Восток: вызовы XXI века: Сб. статей. М.: ИВ РАН, 2010. С. 239.

мусульманского гетто, вторая — активная интеграция в европейское общество⁸⁴.

В ответ на «исламскую угрозу» европейцы снова денационализируются и этнизируются у себя дома и тем самым этнизируют иммигрантов. Этнонационалисты Ле Пена завоевывают электорат Франции. Лидер ультраправой Партии свободы Нидерландов Гирт Вилдерс выложил в сети Интернет антиисламский фильм «Фитна», где показывается будущее Европы, захваченной мигрантами. Фильм вызвал массу протестов мусульман, и правительство Нидерландов поспешило дистанцироваться от Вилдерса. Однако отметим, что идеи ультраправых партий становятся все более популярными в Европе. Так, под их влиянием в Швейцарии был введен запрет на строительство минаретов, а в Испании, Франции и Бельгии были запрещены хиджаб и никаб. Вообще европейские страны часто стремятся максимально интегрировать эмигрантов: так, в Германии для мусульман-эмигрантов существует тест на соответствие немецкому гражданству, и основы ислама читаются на немецком языке; в Великобритании существуют цензурные запреты на освещение деятельности исламистских группировок⁸⁵; в Нидерландах требуют, чтобы мульты читали проповеди не на арабском, а на голландском языке⁸⁶.

Не только европейские страны, но и, например, Австралия — страна с более размытой идентичностью — после того, как были отменены иммиграционные преграды для неевропейских народов, столкнулась с размыванием «белого» ядра нации, а также с серьезным ростом этнической преступности⁸⁷. В конце мая 2013 г. стало известно, что впервые в мире введены ограничения на рождаемость исключительно по этнорелигиозному признаку: власти штата Рогинья в западной Мьянме (города Бузиданг и Маундав, где 95% жителей — мусульмане, представляющие

---

⁸⁴ Пинюгина Е.В. Интеграция мусульман в современное европейское государство: на примере Великобритании и ФРГ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 15.

⁸⁵ Там же. С. 20, 218.

⁸⁶ Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 278.

⁸⁷ Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность. 2004. № 1.

этнорелигиозное меньшинство в буддийской стране) запретили тем, кто исповедует ислам, иметь более двух детей в семье⁸⁸.

В настоящее время, когда значительная часть русских после развала СССР оказалась отделенной от основной массы своего народа государственными границами, когда этническая структура населения русских городов резко усложняется вследствие вызванной кризисом интенсивной миграции, практически важным становится накопленное в науке *знание* о способах межэтнического общения и даже способах изучения *иных*. В основном эти способы осваиваются на опыте, но «наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни».

Вызов и угрозы

Важным фактором, сплачивающим людей в народ (нацию), является осознанная угроза его существованию или утраты благоприятных условий существования — *вызов*. Необходимость сопротивления, *оппозиции* вызову создает сильные связи солидарности, вплоть до объединения населения в подобие военного ополчения.

Процесс строительства нации резко ускоряется в переломные моменты истории (как это было и в случае Японии, которой угрожали колонизация, империалистическая экспансия Запада). Так, американский народ (нация) США был «собран» в ходе войны за независимость, и его «сборка» производилась отцами нации вполне сознательно, проект вырабатывался на технических совещаниях, как в КБ. Идеологам независимости из числа англичан-протестантов приходилось решать ряд новых задач: кого из пестрого этнического состава населения колоний и в каком статусе включать в число граждан «сверкающего города на холме» (например, немногочисленным выжившим индейцам права гражданства были предоставлены только в 1924 г., а негры-африканцы долгое время выдерживались в статусе рабов).

Основывая колонии вдалеке от Европы, европейцы привозили с собой и идею нации. В этот период новые государства-нации формировались на месте колоний в ходе войны за независимость, как это произошло в США, а затем в Латинской Америке.

⁸⁸ Впервые в мире вводятся ограничения на рождаемость мусульман. URL: <http://www.islam-today.ru/article/10234/>.

К. Янг пишет: «За исключением Гаити, эти движения за независимость возглавлялись поселенцами, которые до того считали себя заморскими фрагментами своих “материнских” империй. Со временем же они претерпели метаморфозу обретения статуса наций. Для тех тринадцати колоний, которые существовали в момент провозглашения независимости в 1776 г., было привычным считать свои “права” проистекающими из их статуса как “англичан” и закрепившимися порознь в отдельно взятых колониях. Ко времени Токвиля идея американской нации уже глубоко укоренилась на базе народного суверенитета»⁸⁹.

Таким образом, чтобы обрести независимость и создать признанное государство, требовалось из англичан-переселенцев создать *новый народ*. Учредители государства США настолько хорошо понимали значение этой функции, что регулярно занималось «ремонт и модернизацией» своего *народа*, устраняя те опасности, которые вызывали новые волны иммиграции (например, массовый наплыв ирландских и немецких католиков в 1840–1850-х гг., который угрожал размыть протестантское ядро государственной идеологии). В конце XIX в. работник службы социального обеспечения в отчете о положении семьи выходцев из Италии написал: «Пока не американизировались. Все еще готовят на итальянский манер». Сейчас в США интенсивно разрабатывается новый проект нациестроительства ввиду быстрого изменения этнического состава населения.

Опыт США замечателен тем, что это был почти чистый эксперимент. Здесь при помощи большой «этнической чистки» было создано пространство без истории, на котором можно было реализовать утопию европейского Просвещения, построив на пустом месте идеальное государство, сконструированное в полном соответствии с ньютоновской моделью мироздания, и населив его сборным народом, чья коллективная память не была бы замутнена ценностями традиционного, сословного общества. Такого «чистого листа» не могла предоставить ни одна страна протестантской Европы, даже после сожжения миллиона «ведьм».

---

⁸⁹ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 94.

Сознательное строительство народов происходило и в бывших испанских колониях. Как пишет К. Янг, «в XIX веке понятие “Мексика” было слишком слабой идеей, чтобы сдерживать Центральную Америку в рамках ее границ. Только со временем возникла мощная национальная идеология, соткавшая миф о метисах; его укреплению способствовала Мексиканская революция»⁹⁰. Таким образом, именно в ходе Мексиканской революции в первой трети XX в. было проведено конструирование и строительство современного большого народа Мексики, причем удалось решить сложную задачу соединения в один народ потомков испанских колонизаторов с представителями множества индейских племен.

Русский народ испытывал угрозы военных нашествий практически все время своего существования, что и предопределило очень многие специфические черты его культуры и национальной организации.

И.Л. Солоневич пишет: «Перед Россией со времен Олега до времен Сталина история непрерывно ставила вопрос “быть или не быть?”, “съедят или не съедят?”. И даже не столько в смысле “национального суверенитета”, сколько в смысле каждой национальной спины: при Кончаках времен Рюриковичей, при Батях времен Москвы, при Гитлерах времен коммунизма, социализма и прочих научных систем дело шло об одном и том же: придет сволочь и заберет в рабство. Причем ни одна последующая сволочь не вынесет никаких уроков из живого и грустного опыта всей предшествующей сволочи. Тысячелетний “прогресс человечества” сказался в этом отношении только в вопросах техники: Кончаки налетали на конях, Гитлеры — на самолетах. Морально политические основы всех этих налетов остались по-прежнему на уровне Кончаков и Батыев. Ничего не изменил даже и тот факт, что на идейном вооружении Кончаков и Батыев не было ни Гегеля, ни Маркса»⁹¹.

В нашей истории с момента, когда завершалось формирование русского народа, т. е. после освобождения от татарского ига,

⁹⁰ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 94.

⁹¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: ЭКСМО–Алгоритм, 2003. С. 263.

возникло общее ощущение того исторического вызова, которым служила для него экспансия Запада после разделения христианства в XI веке.

Рыцарские ордена, наступавшие на русские земли под знаменами Крестовых походов, угрожали восточным славянам ассимиляцией и окатоличиванием — поэтому Александр Невский стал одним из главных святых для русского народа. Как писал Н.Я. Данилевский, «каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России»⁹². С Запада для русских исходила главная опасность *военной* угрозы. Таким было и состояние советского народа во время Великой Отечественной войны (по историческим меркам — совсем недавно).

Война — это крайний случай. Любая необходимость сплочения людей для того, чтобы срочно разрешить общую проблему, может быть представлена как вызов *народу*. Для этого разрешение проблемы должно быть истолковано как *борьба*. А значит должен быть создан образ *врага*, от которого исходит угроза народу как *целому*. На нашей памяти была проведена целая серия больших кампаний *всенародной* борьбы, в которых шаг за шагом достигалось сплочение советского народа. Проект НЭП, в целом представленный как *борьба с разрухой* после непрерывной семилетней войны, включал в себя ряд больших программ ответа на исторические вызовы. Они затрагивали разные срезы сознания всех социальных слоев. Можно вспомнить программу *борьбы с неграмотностью*, в которую была вовлечена значительная часть интеллигенции на национальной основе; большие программы борьбы с массовыми заболеваниями и причинами массовой детской смертности, в которую включились медицинские работники, прежде служившие в белой армии, — тоже как в *общенациональное* дело. Программа ГОЭЛРО вовлекла русскую техническую интеллигенцию. *Борьба с пьянством* — контингент бывших земских работников.

Все эти программы были организованы как *общее дело*, символический способ соединения людей, которому придавался

---

⁹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

смысл именно коллективного ответа на вызовы и угрозы. Одновременное ведение нескольких подобных программ на большей части территории страны связывало людей в народ. Огромной программой такого типа стала и *индустриализация* 1930-х гг. Она изначально была истолкована как всенародный ответ на исторический вызов России — пройти за десять лет тот путь, который Запад прошел за сто лет, *иначе нас сомнут*.

Понятно, что спланирующее народ воздействие могут иметь лишь программы, отвечающие на реальные вызовы и адекватные состоянию мировоззренческой матрицы общества. Несответствие этих условий может стать даже разлагающим. Так произошло с программой Хрущева (гонка за США «по мясу и молоку»), так же произошло с программой Горбачева («борьба за демократию и возврат в цивилизацию»). Пока что под вопросом и спланируемый потенциал «национальных проектов» в РФ — нет осознанного исторического вызова и *национального* характера проектов.

Эффект сплочения не возникает самопроизвольно, он не является реакцией каких-то «примордиально» заложенных в человеке духовных структур. Чтобы его вызвать и соответствующим образом направить, в общности должны быть люди или организации, способные выработать и осуществить целевую программу — большую или малую — по превращению культурного фактора в мобилизующую силу.

Красноречива ситуация противоположного типа. И реальные, и символические вызовы, перед которыми оказался русский народ с конца 1980-х гг., не привели к мобилизации его этнического самосознания. Оскорбления национальных символов русских доходили в некоторые моменты до крайности, что даже наводило на мысль об использовании этих оскорблений для экспериментального измерения «порога» национальной чувствительности. На эти демонстративные действия не было ответа не только адекватного, но и мало-мальски заметного. Попытки русских националистов апеллировать к национальному самолюбию не находили отклика. Очевидно, что те культурные средства, которые пытаются применить для мобилизации этнического чувства националисты, неадекватны культуре современного русского общества.

Хозяйство

Одним из важнейших «срезов» жизнеустройства этносов является *хозяйство*. В нем сочетаются все элементы культуры: представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной деятельности, технологические знания и умения. Вариантов комбинации всех этих элементов большое множество, поэтому хозяйство каждой этнической общности обладает неповторимым своеобразием.

Народ — творец своей самобытной системы хозяйства. Но хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры данного народа и каждодневно вовлекая в себя всех его членов, становится важной частью той матрицы, на которой этот народ собирается и воспроизводится. То есть, в свою очередь, хозяйство — творец своего этноса.

Поскольку между этносами идет непрерывный взаимный обмен элементами культуры, то наиболее острые различия сглаживаются. В результате исторически складываются разные типы хозяйства. Их изучением занимаются экономисты, а сохраняющиеся особенности и различия — предмет исследования этнографов. Сложилась и особая научная область — *этноэкономика*.

Когда человек ведет хозяйственную деятельность, на него воздействуют практически все *силы созидания народа*, о которых говорится в этом разделе, — от языка и религии до системы мер и весов. О. Шпенглер утверждал даже: «Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни». Но в душевной жизни и коренятся особенности разных народов, а материальный мир («вещи») есть лишь воплощение этих культурных особенностей.

Поэтому хозяйство, в котором преломляются эти силы, само является мощным механизмом этнизации — выработки этнического самосознания и скрепления людей этническими связями. Даже волны экономической глобализации — и колониальной экспансии Запада, и стандартизирующего наступления капиталистического производства и рынка, и нынешних информационных технологий — не могут преодолеть взаимовлияния хозяйства и национальной культуры.

Например, все незападные страны, начиная с XVIII в., испытывают процесс *модернизации* — освоения созданных на Западе технологий и хозяйственных институтов. Внешне нередко кажется даже, что при этом возникает западный тип хозяйства, в котором не воспроизводятся национальные черты — они вытесняются в сферу внешних «этнографических проявлений». Но это ошибочное впечатление. Суть многих сторон хозяйства возникает как синтез, как продукт этнического творчества. В книге «Капитализм и конфуцианство» (1987), посвященной преобразованию западных экономических институтов в соответствии с культурными основаниями Японии, ее автор Мичио Моришима показывает, что в японском хозяйстве «капиталистический рынок труда — лишь современная форма выражения “рынка верности”»⁹³.

Этнической стороне истории материальной культуры посвящен большой труд А. Леруа-Гурана «Эволюция и техника» (1945). Автор составил около 40 тыс. описаний разных технологических процессов, имеющих у народов всех частей света. Уже простейшие приемы показывают удивительное сродство с этнической культурой. Одно только механическое воздействие на материал (перкуссия) применяется во множестве форм, так что изучение этой конкретной технологии Леруа-Гуран считает «новой отраслью этнологии, которая даст новые элементы изучения человека».

Например, изобретение молотка (и молотка с долотом) сыграло огромную роль в развитии человечества; но некоторые, даже современные, народы не применяли и не применяют молоток, предпочитая обработку материала нажимом. Большое многообразие этнических особенностей обнаруживается в хозяйственном применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Совокупность технических приемов и материальных средств представляет собой *систему*, устойчивую (и изменяющуюся) часть культуры этнической группы (племени, народа и даже нации).

⁹³ Цит. по: *Amin S. El eurocentrismo: Crítica de una ideología. México: Siglo XXI Eds, 1989. P. 67.*

Эту целостную внутреннюю среду, соединяющую материальный и духовный миры, этническая группа оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности». Образованные европейцы склонны видеть в этом инерцию и признак отсталости, между тем как речь идет о стремлении избежать разрушения культурной этнической матрицы под действием слишком быстрых и слишком масштабных изменений в хозяйстве.

Традиции ведения хозяйства очень устойчивы почти у всех народов, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII в. — начала XX в. на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по несколько лет жить в землянках, копя деньги на «дом», но не строили саманные мазанки, как местное население. В Забайкалье чересполосно проживают три народа — русские, буряты и эвенки. И до сих пор на селе они сохраняют свою специализацию: русские — земледелие, буряты — животноводство, эвенки — оленеводство (в сочетании с охотой и рыболовством).

Понятно, что устойчивость традиций и пережитков таит в себе важное противоречие. Сохранение пережитков необходимо потому, что каждая вещь и каждая хозяйственная операция имеют не только функциональный, но и символический смысл. Это наглядно выражается в изготовлении оружия. Например, согласно выводам Леруа-Гурана, в функциональном отношении клинок японской сабли есть идеальная форма; но другие народы Азии «заглушали» функциональное совершенство этой формы разными привесками и кривыми, ухудшая уравновешенность изделия. Еще более удивительно, что национальные представления о красоте воплощаются и в изделиях, достигших максимума функциональной эффективности (или имеющих примерно одинаковый ее уровень с иностранными изделиями). Думаем, большинству читателей кажутся очень красивыми автомат Калашникова, например, советская каска или танк Т-34. Особенно острым это чувство становится, когда видишь стоящие рядом группы военных двух различных армий: одних с Калашниковыми, других — с американской винтовкой М-16. Об этом же в 1964 г. писал и Леруа-Гуран: «Поразительно видеть, до какой

степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур»⁹⁴.

В целом, хозяйство не просто переплетено со всеми сторонами жизни народа, оно, можно сказать, является «срезом» этой жизни, ее особой ипостасью. Поэтому оценивать эффективность того или иного способа хозяйствования по какому-то одному произвольно заданному критерию (например, производительности труда или ВВП на душу населения) можно лишь в каких-то узких аналитических либо идеологических целях.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «всемирной стройке», что главные идеи нового порядка были приняты *народом*. Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладения сознанием масс, а самые “просвещенные” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма»⁹⁵.

Система хозяйственных связей, соединяющих в этнос людей, проникнутых «духом капитализма», настолько отличается от систем других народов, что на обыденном уровне западный «экономический человек» часто бывает уверен, что вне капитализма вообще хозяйства нет. Есть какая-то странная суеда, но хозяйством ее назвать никак нельзя. Это можно слышать сегодня в отношении и Советского Союза, и нынешней РФ. Но это же приходилось слышать и в конце XIX века.

Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во всех составляющих культурного ядра этноса, что и означает его перестройку, пересборку системы связей. Вот самые наглядные и очевидные изменения, которые произошли на Западе в XVI–XVIII вв.: разрыв общинных связей (и прежде всего связей

⁹⁴ Цит. по: Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973. С. 211.

⁹⁵ Цит. по: Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 314.

«религиозного братства») и принятие нового представления о человеке (свободный индивид в состоянии непрерывной конкуренции); устранение сословного общества с его устойчивым и установленным доступом каждой социальной группы к части национального богатства и собственности, разделение народа как «семьи» сословий на две «расы» — «расу» богатых и «расу» бедных, собственников и пролетариев, избранных и отверженных; превращение патерналистского государства (все подданные — любимые дети монарха) в «ночного сторожа», регулирующего войну всех против всех; превращение школы университетского типа, воспроизводящей в новом поколении культурное ядро народа, в «школу двух коридоров» (один для избранных, другой — для отверженных), воспроизводящую классы («расы»).

Те беды, которые пережила Россия в Новое время и переживает сейчас, на заре постмодерна, во многом были вызваны тем, что господствующее меньшинство в его программах модернизации России постоянно пыталось применить западный чекан, чтобы отштамповать им существенно иной этнический материал (прежде всего — русских). Это наносило народу России тяжелые травмы, зачастую сводило на нет результаты реформ и порождало сопротивление, не раз принимавшее разрушительный характер. И в этом стремлении российская правящая элита проявляла упорство, которого не наблюдается у авторов проектов модернизации в цивилизациях Востока (Японии, Китае, Индии).

И.Л. Солоневич пишет: «Московская Русь платила поистине чудовищную цену в борьбе за свое индивидуальное “я” — платила эту цену постоянно и непрерывно... Можно предположить, что при московских геополитических условиях Америка просто перестала бы существовать как государственно-индивидуальное “я”. Оборона этого “я” и с востока, и с запада, и с юга, оборона и нации, и государства, и религии, и “личности”, и “общества”, и “тела”, и “души” — все шло вместе... Вопрос заключался в том, что быть одинаково хорошо организованным во всех направлениях есть вещь физически невозможная. Говоря грубо схематически, стоял такой выбор: или строить шоссе под Москвой, или прокладывать Великий Сибирский путь. Тратить “пятую” или

даже “третью деньгу” на “внутреннее благоустройство” или вкладывать ее в оборону национального “я”»⁹⁶.

Но к концу XX в. этот очевидный этнизирующий фактор как-то сумели вытравить из сознания новых поколений. Люди утратили понимание даже этой стороны советского хозяйства.

Государство

Государство играет в «собирации» народов и наций исключительную роль. Можно сказать, что народ и страна — две ипостаси одной большой системы, а государство — жесткая несущая конструкция, обеспечивающая их бытие и воспроизводство.

Это видно уже из того, какое значение имеют для этого процесса *границы*. Но для становления народа важны границы не только территориальные. Анализ множества эмпирических данных приводит к выводу, что строго очерченная этническая целостность (народ) возникает лишь на зрелой стадии политического развития и формируется там, где есть специализированное центральное руководство и идеология, защищающая его авторитет и неприкосновенность. Это и есть *государство*. Там, где оно еще не сложилось, этнические границы размыты⁹⁷.

Когда на раннем этапе Нового времени складывались национальные государства в Западной Европе, строительство нации считалось *священной обязанностью* государства. У антропологов в ходу поговорка: «не нации порождают национализм, а национализм нации». Только тогда, как пишет антрополог Геллнер, «понятие “человек без национальности” стало почти невообразимым, противоречит общепризнанным категориям и провоцирует отвращение»⁹⁸.

Взглянем на близкую нам историю. Народы (нации) большинства нынешних великих держав появились совсем недавно,

⁹⁶ Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: ЭКСМО–Алгоритм, 2003. С. 478–479.

⁹⁷ Артановский С.Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука: Сб. статей. М.: Наука, 1979. С. 20–22.

⁹⁸ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 93.

хотя некоторые из них и носят древние имена и унаследовали многое из своих древних культур (унаследовали то, что для них отобрали из этих культур «строители народа»). Вождь объединительного движения в Италии К. Кавур, став в 1861 г. главой первого правительства, сказал: «Мы создали Италию, давайте создавать итальянцев».

В собирании народа государственная власть выполняет не только политическую, но и культурную миссию. Чтобы властвовать, она должна завоевать «культурную гегемонию», т. е. авторитет среди граждан, обеспечить их единство. Эта задача особенно серьезна для стран имперского типа. Так, в четырех исторических провинциях *Великобритании* (Англии, Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии) существуют четыре разных национальных культуры и языка; в заморских территориях *Великобритании*, соответственно, существуют карибская (Ангилья, Британские Виргинские острова, острова Теркс и Кайкос), латиноамериканская (Каймановы острова), африканская (Кокосовые острова), полинезийская (Ниуэ, острова Кука, Токелау), китайская (остров Рождества) культуры.

Власть (особенно в подобных случаях) должна прилагать большие усилия, чтобы сформировалось культурное ядро общности и сосредоточенные в нем ценности «автоматически» поддерживали достаточный уровень «благожелательного согласия» с властью. Это культурное ядро необходимо охранять от разрушительного воздействия внутренних политических противников и разного рода «информационно-психологических войн» со стороны внешних врагов. Иными словами, государство обязано охранять и *границу информационного пространства* своего народа, а это требует интенсивной культурной деятельности.

Только государство может обеспечить достаточно длительную политическую стабильность, необходимую для созревания большой этнической общности. А. Леруа-Гуран писал: «Чтобы конституироваться как чистый народ с полным параллелизмом всех его элементов, требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более велик сам народ»⁹⁹.

---

⁹⁹ Цит. по: Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом: Сб. статей. М.: Наука, 1973. С. 197. Далее автор поясняет, что история никаким народам не дает столь

Государство выступает и той организующей силой, которая мобилизует общность на преодоление угроз.

Государство устанавливает нормы национального общежития, что особенно важно в странах, переживших серьезные этнические конфликты. Так, расовая пропаганда запрещена конституциями *Мавритании* и *ЮАР*; в *Руанде* запрещены политические объединения по расовому, этническому и клановому признакам; в Конституции *Индии* запрещена дискриминация по расовому и кастовому признаку; уголовные кодексы балканских республик (*Черногории*, *Сербии*, *Македонии*) запрещают оскорбления этнических групп и насмешки над ними.

Государство также ставит заслон объединениям и группам, которые, как показала история, могут быть опасны для национального согласия. Так, в Австрии, Германии, Италии запрещены фашистские партии и использование фашистской символики, в Испании запрещены все объединения, созданные в целях расовой дискриминации.

Одним из важнейших типов связей, собирающих людей в народ, являются связи *информационные*. В создании единой информационной системы государство играет главную роль. Оно организует информационное пространство этнической общности, создает регулярные потоки информации (например, через централизованный государственный аппарат), «сгустки» информационной активности. Такими средоточиями обмена информацией бывают, например, большие общественные работы — строительство оросительных систем или укреплений вроде Великой Китайской стены (поистине «всенародная стройка»), мобилизация большого войска или ополчения и пр.

Когда организация информационного пространства становится неадекватной потребностям общества, это выражается в политических конфликтах и часто представляется как проблема гражданских прав («свободы слова»). За этими конфликтами может стоять более глубокое противоречие — народ «болеет» из-за деформации соединяющих общность связей.

длительного периода стабильности, поэтому «чистых» народов не существует, любой народ представляет собой мозаику элементов, возникающих и изменяющихся в результате политических потрясений.

Для формирования больших современных наций, уже в XVIII–XIX вв. огромное значение имело появление газет, распространение которых могло организовать только государство с его почтовыми и транспортными ведомствами. В то же время, дальнейшее развитие СМИ создало для государства трудности в охране границ национального информационного пространства. Дж. Комарофф пишет: «Бенедикт Андерсон придает большое значение тому факту, что средства массовой информации дали важнейший механизм для формирования представлений о национальной общности и тем самым создали “глубинное горизонтальное чувство товарищества”. Действительно, Андерсон связывает подъем наций с рождением так называемого “печатного капитализма”. Если он прав, то из этого следует, что развитие транснациональных средств массовой информации должно создавать важнейшую угрозу национальному государству»¹⁰⁰.

Конструктивная роль государства выражается в организации и содержании систем и институтов, которые непосредственно *воспроизводят* народ. К ним относятся, например, армия и народное образование (школа). Так, превращение народов и народностей традиционного общества средневековой Европы в современные «буржуазные» нации потребовало создания школы совершенно нового типа, с новой организацией учебного процесса, новым типом программ и учебников.

Именно государство обеспечивает включенность национальных меньшинств в такие системы: например, в *Новой Зеландии* в 2004 г. разработаны Новозеландская стратегия ассимиляции и Национальный план действий в области ассимиляции. Благодаря усилиям властей, снижен уровень социального и экономического неравенства между титульным народом маори и жителями тихоокеанских островов — с одной стороны, и остальным населением — с другой, в особенности в областях трудоустройства и образования, и повысилось число взрослых, не принадлежащих к маори, которые могут понимать, читать и говорить на языке титульного народа.

---

¹⁰⁰ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 66.

Государство собирает и сохраняет народ и как человеческую популяцию — осуществляет над ней, как теперь говорят, *био-власть*. Оно с самого начала вело учет населения, осуществляло ту или иную *демографическую* политику. До того, как на Западе возникло представление о человеке как индивиде, имеющем тело в своей собственности, тела подданных (и их здоровье) были, в определенном смысле, достоянием государства. Так же и в советское время убийство было преступлением против *государственного* порядка.

Очень велика роль государства — даже в рыночном обществе — в организации *здравоохранения*. Изменения в отношении государства к здоровью граждан имеет огромный мировоззренческий смысл. Например, попытка радикального отказа государства от охраны народного здоровья в РФ в начале 1990-х гг. воспринималась именно как знак того, что народ рассыпается, что здоровье человека теперь *никому не нужно*.

Большое значение в характере соединения людей в народ имеет политика государства в отношении семьи и брака. Драматические столкновения на этой почве, которые происходили в процессе становления советского народа в 1920–1930-е гг., были вызваны принципиальными различиями в доктринах строительства новой нации. Очевидно, например, значение быстрого увеличения в СССР числа межэтнических браков. Ведь смешанные браки — один из главных инструментов сборки больших наций.

В 1925 г. русские мужчины в Европейской части РСФСР заключили 99,1% однонациональных браков, мужчины-белорусы в БССР — 90%, украинцы в УССР — 96,9, татары и башкиры в РСФСР — 97,9%. А уже в 1959 г. семьи с супругами разной национальности составляли в СССР 10,2%, а в 1970 г. — 14% (в Латвии, Казахстане и на Украине — 18–20%)¹⁰¹.

Государство «собирает» нацию, регулируя, часто жестким образом, отношения между разными входящими в нее этносами, что наглядно проявляется, например, в действиях государства США по конструированию «иммиграционной» нации. Эта работа по «сплавлению» иммигрантов с самого начала счита-

¹⁰¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 201.

лась одной из главных задач государства. Для этого государство стремится преодолеть социальное отчуждение меньшинств. Так, в Великобритании создана Группа по проблемам социального отчуждения, призванная содействовать созданию надлежащих условий в старых городских районах, где проживает значительная доля людей, принадлежащих к этническим меньшинствам. Действует план «Новый курс», предусматривающий активное осуществление стратегии по стимулированию интеграции молодежи из числа этнических и национальных меньшинств на рынке труда.

Таким образом, мы можем исходить из того, что государство есть и продукт, и создатель народа. О том, что первично — государство или народ, — издавна идет спор (примерно как о курице и яйце).

Например, единое государство возникло в Англии в XI в., но этнические различия между англосаксами и франкоязычными нормандцами сгладились только к XIV веку. Все осознали себя англичанами, и английский язык стал государственным. Бывает, что толчок процессу создания народа дает государство, которое затем гибнет; но созревание народа продолжается уже без своей независимой государственности. Чехи как народ начали консолидироваться в своем государстве в X–XI вв., но в XVII в. потеряли независимость, которую вновь обрели лишь в XX веке. Но даже три века онемечивания не рассыпали народ. Бывали и случаи, когда государство *уже сложившегося* народа терпело полный крах и исчезало, а народ оставался — в рассеянном состоянии или под сенью другого государства; но не встречалось сведений о том, как народ сложился без участия государственных структур.

Современные японцы как нация появились в ходе большой, сознательно выработанной программы модернизации — Реставрации Мэйдзи — во второй половине XIX века. Для собирания раздробленных феодальных кланов и общин был создан и политическими средствами утвержден и распропагандирован миф об императоре и его божественном происхождении. До этого император существовал в Японии много веков, но представлял очень слабую власть. Реставрация Мэйдзи задала новый формат верховной власти и ее отношений с феодальными кланами —

император стал Первосвященником национальной религии и воплощением духа страны¹⁰².

Понятно, что когда в обществе господствуют примордиалистские представления, обладание древней государственностью становится весомым политическим ресурсом. Из него вытекает, что этнос, создавший это государство, является еще более древним. А значит он раньше других этносов занял и освоил данную территорию, что это именно его «родная земля», что именно он и является *коренным* народом на этой земле и имеет на нее особые права. Спор об исторической государственности в некоторые моменты становится предметом острых разногласий.

В общем, в конструктивизме принята определенная формула: именно государство является системообразующим фактором формирования народа (нации). В этом подходе на первое место ставят именно созидательную роль государства, именно оно *строит* народ. Более того, государство строит народ в соответствии с теми принципами, которые были заложены в конструкцию этого государства. По одному принципу строили свой народ отцы-основатели США, по другому — китайские императоры, по третьему — Российская империя и Советское государство. И речь во всех случаях идет о целенаправленной, сознательной программе — в чем-то правильной, в чем-то ошибочной.

В XIX в., когда началась большая волна западной экспансии (империализм), перед странами, которые пытались защититься от этой экспансии, встала задача модернизации, чтобы противостоять западным технологиям. Это касалось и способа организации народов — начался период *нациестроительства* исходя из опыта западных национальных государств. Этот процесс стал еще интенсивнее после Второй мировой войны, когда рассыпалась мировая колониальная система и возникло много новых государств.

Ослабление государства и «рассыпание» народа (на враждующие классы, субкультуры, этносы, религиозные группы и т. д.) — процесс взаимоускоряющийся. Он может привести к катастрофе непостижимо быстрой, совершенно неожиданной.

¹⁰² Бороздина Н.С. Влияние синто на формирование японского национального характера // Синто: работы лауреатов конкурсов молодых исследователей 2004–2009 годов. М.: Спутник+, 2010. С. 136.

Глубокий кризис этнических связей большого народа вызывает кризис легитимности государства и в международном измерении. Распад народа (нации), возникновение межэтнических конфликтов и сепаратистских движений сразу ставят под вопрос легитимность государства и его суверенные права. Это показал опыт Югославии, а также те проблемы, с которыми сталкивалась РФ в Евросоюзе из-за войны в Чечне. Под предлогом наведения порядка в ходе этих кризисов Запад даже пытался получить формальное право на «гуманитарные интервенции» (а де-факто стал совершать такие интервенции, просто отбросив нормы международного права).

Сейчас, после краха советской государственности, постсоветское пространство испытывает сильный нажим извне с целью «пересборки» и образовавшихся на месте СССР государств, и их народов по программе, заданной правящими кругами стран Запада, которые торопятся построить «Новый мировой порядок». Красноречивой иллюстрацией этих усилий послужили «оранжевые» революции. При этом формат новой государственности и мировоззренческая матрица для «собираания» нового народа вырабатывались в едином системном контексте.

Государствообразующий народ

Одна из важнейших скреп, объединяющих нации, — наличие государствообразующего народа, чей язык и культура составляют национальную «ось».

В моноэтнических государствах — типа Исландии, Республики Корея, Японии и т. д. — государствообразующий народ образует абсолютное и неоспоримое большинство.

Во Франции присутствуют влиятельные национальные меньшинства — корсиканцы, баски (Пиренеи), каталонцы (Руссильон), эльзасцы (Эльзас), бретонцы (Западная Бретань), фламандцы (район Дюнкерка), а в заморских департаментах в этническом составе преобладают негры (Гваделупа, Мартиника), метисы (Майотта, Французская Гвиана), меланезийцы (Новая Каледония), полинезийцы (Уоллис и Футуна, Французская Полинезия), креолы (Реюньон, Сен-Мартен). Однако в этой стране, где в целом 93,6% населения — французы, сохраняются главенство французского языка и требование общенациональной ассимиляции.

Важность государствообразующего народа и необходимости культурной соотнесенности с ним подчеркивается в *Турции*, где новую многоэтническую нацию «собрало» безапелляционное требование Ататюрка «туркизации» всей страны.

В ходе анализа зарубежного нациестроительства нельзя не упомянуть так называемый мультикультурализм, о котором шла речь выше. Он понимается как политика акцента на каждой отдельно взятой культуре народов, населяющих страну, и отрицающее единое ядро нации. Однако, как показывает мировая практика, и акцент на этнических различиях (создание анклавов), и ассимиляция одинаково пагубны для государства, для целостности которого необходима общая национальная скрепа в виде государствообразующего народа.

Ассимиляция «ядра» приводит к быстрому распаду полиэтнических государств. Распад державы Александра Македонского, нивелировавшей роль греко-македонского фактора, исторически лежащего в основе ее создания и приниженного самим царем, являет собой хрестоматийный пример такого рода¹⁰³. Римляне, несмотря на свою пропорциональную численную несоотнесенность с населением империи, закрепив особые привилегии римского гражданства, долгое время несли на себе имперообразующее бремя. Уравнивание же с ними в гражданском статусе — первоначально италийцев (этрусков, самнитов, лигуров, цизальпийских галлов), а затем, после эдикта Каракаллы 212 г., и представителей прочих этнических групп средиземноморской ойкумены — лишило государство его стержневой основы, что привело империю к стремительному закату¹⁰⁴.

Присутствие двух и более нациеобразующих осей также дают политическую нестабильность. Так, значительными политическими ресурсами в средневековой Восточной Европе обладали динамично развивающиеся этнически одноосевые государства — Королевство Польское и Великое княжество Литовское. Государствообразующая роль в последнем католиков-литовцев с успехом осуществлялась, несмотря на явную численную доминанцию русского православного населения. Но вот образованная в результате унии Польши и Литвы Речь Посполитая стала все-

¹⁰³ Шахермаер Ф. Александр Македонский. М., 1984.

¹⁰⁴ Моммзен Т. История Рима: В 3 т. СПб.: Лениздат, 1993–1994.

европейским символом политической нестабильности. Очевидно, что ее двухосевая природа явилась одним из главных факторов внутреннего дисбаланса. В конечном итоге огромное по европейским меркам государство, простирающееся «от моря до моря», стало предметом многократных разделов между когда-то уступавшими в политической мощи соседями — отдельно взятыми Польшей и Литвой.

Сценарий дезинтеграции государств Нового времени чаще всего осуществлялся по тому же стереотипу. Идеологическим катализатором процесса дезинтеграции являлась ревизия государствообразующего статуса титульной нации. Так, фатальным для судьбы империи Габсбургов стал ее переход от австрийского моноосевого к бинарному австро-венгерскому состоянию. Но чем венгры лучше чехов, хорватов или украинцев? Следующим естественным шагом к распаду империи явились требования легитимизации многоосевого этнополитического устройства, от которого лежал прямой путь к национальной суверенизации. В результате, монархия Габсбургов, номинировавшаяся прежде на роль европейского лидера, еще до событий Первой мировой войны заслужила определения в качестве «лоскутного государства», «политического трупа»¹⁰⁵.

Бинарный вариант государственности не оправдал себя и в отношении этнически близких друг к другу скандинавских народов — шведов и норвежцев. После подписания в 1814 г. шведско-норвежской унии, Швеция постепенно теряет былой политический вес в Европе. В 1905 г. движение норвежцев за суверенизацию привело к провозглашению суверенного государства.

Утопической оказалась попытка создания в 1958 г. усилиями Насера двухосевой египетско-сирийской Объединенной Арабской Республики. Ввиду подозрения сирийцев в отношении египтян в стремлении последних к гегемонизму, ОАР, просуществовав в первозданном виде лишь три года, распалась. Неопределенность идентификации государствообразующего народа в Пакистане составил основной исторический мотив его распада в 1971 г. на западную и восточную (Бангладеш) части.

¹⁰⁵ *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и Новейшая история. 2001. № 5.

Перманентная этническая конфронтация в современной Африке также обусловлена отсутствием в подавляющем большинстве африканских стран государствообразующего этноса. Роль государствообразующей силы в прошлом однозначно играли в африканских странах европейские колонизаторы. Деколонизация Африки привела не только к росту национального самосознания автохтонных народов, но и к лишению ее государствообразующей оси¹⁰⁶. Так, ЮАР была провозглашена многокультурным нерасовым обществом. Там было признано 11 языков как государственных. Однако такой уклад спровоцировал серьезные проблемы. Только лишь «черная» интеллигенция признает «общаафриканскую» идентичность, все остальные (особенно белые африканеры) ее активно отрицают¹⁰⁷. Нигерия же, например, представляет собой государство, все крупные народности которого (йоруба, иджо, фурани) представляют собой самобытные культурные анклавы, что создает существенные проблемы для целостности страны.

Включенность в нацию национальных меньшинств

В государствах идеократического толка или в государствах, где есть серьезные опасения национальной дезинтеграции, на официальном уровне декларируется уважение к культуре и традициям разных народов, но при обязательном условии — соответствии государственным, общенациональным ценностям и требованиям. Так, конституции *Бахрейна* (преамбула) и *Лаоса* (ст. 19) указывают, что государство принимает культуру других народов, адаптируя ее согласно своим ценностям. Конституции *Афганистана*, *Вьетнама*, *Ганы*, *Малави*, *Намибии*, *Сомали*, *Уганды*, *Эфиопии* даже отменяют национальные обычаи, которые противоречат ценностям государства и интересам граждан.

Следует отметить, что чрезмерно жесткое, негибкое требование «соответствия» от этноконфессиональных меньшинств может привести к печальным последствиям. Ряд западных го-

¹⁰⁶ Шведов А.А. Независимая Африка: внешнеполитические проблемы, дипломатическая борьба. М., 1983.

¹⁰⁷ Филатова И.И., Давидсон А.Б. Какого цвета «южноафриканское чудо»? // *Рах Africana: континент и диаспора в поисках себя: Сб. статей / Под ред. А.Б. Давидсона. М., 2009. С. 205.*

сударств, имевших свои колонии, строились по принципу «плавильного котла», который предполагал уничтожение и насильственную ассимиляцию народов, не принадлежащих к титульному этносу. Не только в США, но и в Канаде и Австралии индейцев до 1930-х гг. ссылали в резервации, а в 1966–1972 гг. в Австралии действовала программа ассимиляции индейцев¹⁰⁸. От нее отказались, приняв концепцию мультикультурализма. В практике зарубежных стран бывали случаи, подобные депортации народов в СССР, — например, депортация мексиканцев (граждан США) из США в 1930-е гг.¹⁰⁹

Если меньшинства при насильственной политике имеют достаточно сил, чтобы самоорганизоваться и оказать сопротивление «центру», то это чревато постоянной угрозой сепаратизма, чему яркое подтверждение — результаты политики коммунистического Китая в отношении буддийского Тибета.

В 1950 г. Тибет силовым путем был присоединен к Китайской Народной Республике, но практически 10 лет Далай-лама XIV Тензин Гьяцо официально оставался главой теперь уже автономного района. В 1959 г. вспыхнуло Тибетское народное восстание, которое было жестоко подавлено китайской армией. Китайское правительство начало жесткую атеистическую политику в целях интеграции тибетцев: тысячи религиозных и культурных центров, которыми являлись мужские и женские монастыри и храмы, были разрушены.

После восстания 1959 г. Далай-лама XIV был вынужден эмигрировать в Индию. С этого времени начинается отсчет существования тибетского правительства в изгнании. В марте 2008 г. в годовщину Тибетского народного восстания в Лхасе вспыхнули крупные беспорядки, которые позволили Далай-ламе резко выступить на международной арене в адрес Китая. Он назвал действия Китая культурным геноцидом. Власти КНР, в свою очередь, обвинили лидера тибетских буддистов в организации беспорядков. В своих политических заявлениях Далай-лама на-

¹⁰⁸ Майорова И.И. Тенденции развития обучения и воспитания коренных народов Канады и Австралии: XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. С. 13–14.

¹⁰⁹ Дьякова Л.В., Коваль Б.И., Семенов С.И. [и др.]. Латиноамериканские диаспоры в США / Под общ. ред. Б.И. Коваля. М.: Наука, 2003. С. 125.

стаивает, что борется не за независимость Тибета, а за широкую автономию в рамках КНР. Его политика «срединного» пути и ненасильственного решения проблемы предполагает нахождение компромиссного варианта решения тибетского вопроса. Тактика же тибетских эмигрантов состоит в том, чтобы весь мир узнал о тибетском вопросе. Мировое признание катастрофы Тибета отразилось в присуждении в 1989 г. Далай-ламе XIV Нобелевской премии мира¹¹⁰.

В большинстве полиэтничных стран, однако, декларируется уважение к национальным меньшинствам. В конституциях *Сингапура* и *Эквадора* отдельно оговорены права этнических меньшинств и заявлена их принадлежность к единой нации. Конституция *Канады*, отмечая ценности государства, среди других называет многокультурность и равное использование двух официальных языков. Королевская жандармерия, королевский легион и другие группы разрешили своим членам ношение сикхских тюрбанов и другой религиозной символики. В *Мексике*, согласно Закону № 12 2006 г. о гражданстве, отменены дискриминационные правила, основанные на этнической принадлежности. Президентский декрет № 26 1998 г. запрещает использование терминов *pribumi* (коренные) и *non-pribumi* (некоренные); последний применялся для обозначения индонезийцев иностранного происхождения — в частности, китайского. Согласно Президентскому декрету № 6 2000 г., индонезийцам китайского происхождения больше не требуется специального разрешения для того, чтобы исповедовать свою религию и убеждения и следовать своим традициям.

Конституция *Фиджи* указывает на богатое разнообразие религий, традиций, языков и культур как на ценность государства (преамбула). Конституция *Уганды* обязывает граждан уважать традиции и культуру друг друга (п. 3 ст. 3). Защищают обычаи и традиции национальных меньшинств конституции *Армении*, *Боливии*, *Вьетнама*, *Гватемалы*, *Лаоса*, *Литвы*, *Мадагаскара*, *Мьянмы*, *Непала*, *Польши*, *Судана*, *Филиппин*, *Черногории*.

Согласно Закону об иммиграции № 25871 (январь 2004 г.) *Аргентины*, утверждено право мигрантов на образование и здра-

¹¹⁰ Религия как фактор политической нестабильности в Китае. Ч. 2. Тибетский вопрос. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/473335.html/>.

воохранение, вне зависимости от их иммиграционного статуса. Выдворение мигрантов разрешено только на основании постановления суда. В *Австралии* в 1992–1998 гг. был принят ряд мер в области борьбы с расовой дискриминацией, включая меры по осуществлению рекомендаций Королевской комиссии по расследованию случаев смерти аборигенов во время содержания их под стражей. В *Великобритании*, согласно определению судов, меньшинство рома (цыгане) рассматривается в качестве этнической группы, на которую распространяется действие Закона 1976 г. о расовых отношениях. Проводится этнический мониторинг в целях установления численности лиц того или иного этнического или национального происхождения в различных сферах трудовой деятельности. Он используется в системе уголовного правосудия, включая обзоры контингента лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в целях определения этапов, на которых имеет место дискриминация, и разработки мер по улучшению положения в этой области. Согласно Постановлению 1997 г. о расовых отношениях в *Северной Ирландии*, ирландские «кочевники» также определены в качестве этнической группы. Были приняты меры для улучшения социально-экономического положения кочевников из числа рома и, в частности, создания на местном уровне образовательных служб для кочевников.

Очень важна включенность национальных меньшинств в общественную жизнь и государственное управление. Так, в *Индии* сикхи традиционно занимают высшие посты в армии и 20% всех военных должностей, составляя при этом менее 2% населения страны; за христианами закреплено 7% постов в сфере образования и государственного управления в целом ряде штатов, где их численность достигает 10% от всего населения.

Меньшинствам часто дают политические права и преференции. Конституции *Андорры*, *Боливии*, *Вануату*, *Гамбии*, *Гватемалы*, *Индонезии*, *Маршалловых островов*, *Палау*, *Папуа — Новой Гвинеи*, *Того*, *Фиджи*, *Швейцарии* указывают, что местное самоуправление построено на национальных обычаях. Включение представителей традиционных общностей в государственное управление предполагают конституции *Анголы*, *Вануату*, *Демократической Республики Конго*, *Замбии*, *Лесото*, *Микронезии*, *На-*

мибии, Палау, Соломоновых островов, Сьерра-Леоне, Того, Тувалу, Южно-Африканской Республики. Конституция Демократической Республики Конго специально оговаривает, что представители традиционных общностей должны служить национальному единству (ст. 107).

Конституция Фиджи закрепляет за каждой основной этнической группой определенное количество мест в парламенте, а Конституция Бельгии специально указывает, что количество таких мест должно быть равным.

1.4.2. Внутренние факторы

Имя этноса

Огромное значение для этнической идентификации имеет имя этноса (этноним). О его истории и древнем смысле спорят идеологи. Все это оказывает на этническое сознание в момент его возбуждения магическое мобилизующее действие. За древнее имя идет борьба, порой многовековая. Иногда зрелые этносы перенимали, по политическим причинам, чужое имя и много веков с гордостью носили его, при этом не забывая о старом имени и ведя о нем споры. Независимо от реальной истории происхождения имени этноса, оно служит важным символом и незаменимым этническим маркером. Такую же важную роль играют географические названия — имена местностей, рек и гор родной земли, имена священных животных и богов, имена всех символических для этнического сознания сущностей.

Важную роль играет включенность в «имя» этноса различных групп. Так, Конституция Афганистана предусматривает, что афганцами называются представители всех проживающих на его территории племен.

Язык

Язык — один из важнейших факторов как формирования этноса, так и его развития. Язык создает образ этнического «мы» в противопоставлении с образом «они». Язык — это одно из главных средств соединения «своих» и отграничения от «чужих». Это в то же время один из главных этнических маркеров. Проблема языка нередко превращается в инструмент национа-

лизма и ведет к *этнолингвистической* напряженности или даже к конфликтам в многонациональных странах.

Язык не только служит средством коммуникации внутри этнической общности, он формирует ее «языковое сознание», задает общий набор понятий, общий арсенал мышления. Антропологи-лингвисты обнаружили, что общие представления человека о реальности не вполне «заданы» внешними событиями (объективной действительностью). Человек видит и слышит лишь то, к чему его делает чувствительным *грамматическая система* его языка. Иными словами, сигналы от органов чувств перерабатываются органами речи в материал для размышлений¹¹¹.

Говорят даже, что язык определяет *коллективное бессознательное* этноса. Архетипы «записаны» словами-стимулами, которые порождают ассоциации и «вызывают» целые блоки мироощущения. Сотворение языка и письменности становится частью этнического предания, мифические или реальные создатели причисляются к лику святых как прародители народа.

Напротив, все сепаратисты, ставящие целью отделить свой регион от большой страны и ослабить связи своего населения с большой нацией, всегда начинают с языка — политическими средствами они сокращают сферу применения прежнего общего языка на своей территории, прекращают его преподавание в школах, иногда даже доходят до смены алфавита своего этнического языка.

Значение языка так велико, что сведения о нем приходится мифологизировать. Э. Кисс пишет: «Важным аспектом национального пробуждения явилось переписывание истории с целью перенесения национального самоосознания в далекую древность. Точно так же как каждый английский школьник убежден, что Вильгельм Завоеватель [король Англии с 1066 г.] говорил по-английски, хотя этого языка тогда не существовало, так и каждый венгерский школьник уверен, что Янош Хуньяди — это великий венгерский герой и такой же венгр, как и они сами; в действительности же он был хорватом, который, как и большинство венгерской знати того времени, говорил на латыни. Поиски слав-

¹¹¹ Гореликов Л.А., Лисицына Т.А. Русский путь. Опыт этнолингвистической философии. Ч. 2. Русский мир в русском слове. Вел. Новгород, 1999. С. 190.

ного прошлого вели и к прямым подделкам, как это было в случае чешского эпоса десятого века, созданного архивистом Вацлавом Ганкой на поддельном пергаменте»¹¹².

В межнациональных отношениях языковые конфликты являются нередко самой острой и наглядной частью столкновений, вызванных другими, более основательными причинами. Притеснение родного языка, который воспринимается как воплощения культуры народа, накаляет страсти и становится средством мобилизации политизированной этничности. Государство пытается смягчить эти конфликты: так, в штате Флорида (США), где довольно много представителей латиноамериканской диаспоры, билингвизм (английский и испанский языки) закреплён официально¹¹³. В Словакии был принят Закон № 184/1999 (1999 г.) об использовании языков национальных меньшинств. В Нидерландах на Антильских островах приняты меры для решения проблем детей, родной язык которых отличается от языка большинства. На острове Аруба были предприняты усилия для поддержки национального языка «папиаменто» в системе образования и культурной жизни. В Российской Федерации и Эфиопии государство идет даже на конституционное закрепление национальных языков как государственных на территории каждой национальной республики.

Долгое время на язык смотрели через призму примордиализма как на *дар Божий*. Французский философ-консерватор Ж. де Местр писал: «Язык не может быть изобретен, он когда-то был дан народу свыше»¹¹⁴. А в это время Лавуазье создал первый искусственный язык — язык *химии*. Значение его опыта по созданию языка далеко выходит за рамки только лишь химии: это была революция в культуре. Лавуазье создал словарь, грамматику, морфологию слов (корень, приставки, суффиксы и окончания), систему знаков — и благодаря этому быстро собрался

¹¹² Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 147–150.

¹¹³ Кудярова Н.Ю. Этапы и особенности формирования испаноязычных диаспор в США: XIX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2004. С. 18.

¹¹⁴ Цит. по: Фадеева Т.М. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // СОЦИС. 1991. № 12.

«народ» химиков. Язык *конструируется*, это не примордиальная данность.

Преобразование народов средневековой Европы в *нации* привело к созданию принципиально нового языка с «онаученным» словарем. Язык в буржуазном обществе стал *товаром* и распределяется по законам рынка. В отличие от «туземного» языка, он стал продуктом производства, со своей технологией и научными разработками. Слова стали *рациональными*, они были очищены от множества уходящих в глубь веков смыслов. Это «онаучивание» языка было, как говорят, одной из форм *колониализации* собственных народов буржуазным обществом. Оно же стало и средством «пересборки» этих народов на новой основе. Создание новых «бескорневых» слов (*слов-амеб*) стало способом ослабления связующей силы национальных языков и инструментом атомизации общества, необходимой для сборки западных *гражданских* наций.

В целом, в Новое время процессом создания и употребления языка стало управлять *государство*, что позволило приглушать этничность населения отдельных местностей и собирать его в большие народы и нации. В середине XX в. в мире было всего 13 языков. Число говорящих на каждом из них превышало 50 млн человек. Всего на тот момент в мире использовалось 2,8 тыс. языков, из которых 1,2 тыс. принадлежали племенам американских индейцев, насчитывавших иногда несколько сотен человек.

Важным нововведением стало утверждение *государственного* языка. Эта прерогатива государства и сегодня является одним из важных инструментом национальной политики и предметом межэтнических противоречий и конфликтов. Опыт многих народов показывает, однако, что придание языку статуса государственного вовсе не является гарантией его сохранения — гораздо важнее отношение к нему со стороны самого населения, определяемое множеством факторов.

Для поддержания должного статуса языка титульной нации подавляющее большинство стран мира закрепляют его на уровне конституции. В мировой конституционной практике известны случаи государственного билингвизма, а также полилингвизма (например, четыре государственных языка в *Швейцарии* и *Сингапуре* и 11 официальных языков в *ЮАР*).

Гуманитарное сознание: история

Во всей системе связей, соединяющих людей в народ или нацию, общая история, передающаяся из поколения в поколение, занимала и занимает очень важное место.

Национальная история, спланирующая народ общим прошлым, общепризнанными героями и составленная несколькими поколениями выдающихся интеллектуалов, сплошь и рядом оказывается «изобретенной традицией». Способствовать выработке этой традиции, ее передаче из поколения в поколение и защищать ее от диверсий информационно-психологических войн — одна из функций государства. Здесь соединяется множество необходимых условий. Достаточно напомнить, что первая попытка создания германской истории была предпринята Г. фон Трейчке только после того, как Германия при Бисмарке обрела свои единые государственные границы.

История требуется и народам, и нациям для обоснования своего права на существование. «Безродным» на земле места нет. Чем древнее корень народа, тем больше у него моральных прав, их недостаток не всегда можно компенсировать даже силой. Поэтому над поисками корней в мире трудится огромная армия археологов, историков, писателей. И даже бедные страны не жалеют денег на устройство роскошных этнографических музеев.

В коллективной памяти народов очень сильны принципы традиционного, обычного права. Из них следует, что «все то, что было, имеет тем самым право на существование». При этом более древнее прошлое имело больше прав, поскольку «дурными обычаями» считались те, что введены недавно.

Этнологи задаются вопросами: почему многие националисты так высоко ценят именно отдаленное прошлое и этнические корни? Чего они ожидают в самом начале истории, что заставляет их без устали углубляться в ее все более ранние слои? Чем объясняется такое тяготение к «вечному возвращению»? Что за «вдохновляющий архетип» люди ищут в истоках истории? Почему их привлекают одни представления о прошлом и не привлекают другие, и при каких условиях это происходит? Возможно ли присвоение чужого прошлого? Почему люди вообще апеллируют к прошлому, если связи с ним давно утрачены?

В Новое время историю народов полагается творить с опорой на *авторитет науки*. Но под защитой этого авторитета здесь создается особый тип знания — предание, становящееся частью национальной идеологии. Это ни в коем случае не снижает его место в системе знания и тем более не снижает требований к качеству текстов и образов. А если учесть, что эти тексты и образы всегда находятся под угрозой диверсии в условиях непрерывно ведущейся в мире информационно-психологической войны, то сама их охрана становится *общенародным* делом.

Ввиду наличия многих угроз и необходимости постоянной адаптации к быстро меняющимся международным условиям, история народа представляет собой сложный предмет интеллектуальной и творческой деятельности. Виднейший западный культуролог и философ Эрнест Ренан заметил, например, что формирование нации требует *амнезии* — отключения исторической памяти или даже сознательного искажения истории. Так и поступали и умные цари, и мудрые народы. «Кто старое помянет, тому глаз вон», — говорилось при заключении мира с бывшим смертельным врагом. А для сохранения народа, который «растворяется» в большой нации, его история важна как связующая сила.

В некоторых случаях записанные предания оказывались фальсификацией. Но даже разоблачение не лишало их объединительной силы. Сам этот факт важен для понимания той функции, какую играет для жизни народа наличие его *истории*. Например, и сегодня французские дети растут и воспитываются на подвигах полумифического Верцингеторига — вождя восстания галлов против Рима в 52 г. до н. э. Попытка начать кампанию по разоблачению или дискредитации этого героя древности была бы воспринята во Франции как антинациональная диверсия — совершенно независимо от достоверности аргументов.

Обычно такие «стремительные преобразования» истории производятся именно с целью сломать или испортить механизм, связывающий людей в народ, чтобы ослабить этот народ ради каких-то политических целей. В этих случаях навязанная обществу история служит инструментом *демонтажа* народа.

Укрепление, обновление, «ремонт» и переосмысление собственной истории должны непрерывно и ответственно вестись каждым народом, как и «защита» своей истории должна быть частью работы всей системы национальной безопасности. В этом отношении поучителен пример Западной Европы. Здесь выработка «предания» и его внедрение в массовое сознание никогда не пускались на самотек, и любая перестройка системы исторических мифов оставалась под внимательным контролем элиты. Изъятие, по каким-либо причинам, какой-то части предания сразу приводило к мобилизации крупных интеллектуальных и художественных сил, которые быстро заполняли прореху новым, мастерски сфабрикованным блоком.

Например, в период становления современного Запада его история как христианской цивилизации была переписана так, что его истоки оказались перенесенными в более древние времена, в античную Грецию, а христианские корни были удалены в тень. Осознание себя как «держателя» ценностей античной цивилизации и имперского духа Рима спланирует и народ США — страны-авангарда, «более Европы, чем сама Европа».

Коллективная историческая память — предмет политической борьбы. Если политическая элита берет курс на ослабление этничности и усиление общегражданской солидарности, то в школе, в СМИ, в художественном творчестве разными способами приглушается роль исторических личностей, которые олицетворяли расколы и особенно межнациональные конфликты. Если же требуется этническая мобилизация, то массовое сознание всеми способами привлекается именно к этим именам-символам. Если национальному сознанию придается конфронтационный характер, то важным образом Предания становится «герой национального возрождения», наделяемый чертами «спасителя» и «искупителя».

Важнейшую роль в использовании истории для этнической мобилизации играет гуманитарная интеллигенция — ученые, учителя, работники СМИ. Как отмечают северокавказские этнологи, «историческая память как компонент личной и групповой идентичности в современных условиях не столько складывается на основании межпоколенной трансляции или традиций, сколько внедряется в сознание в виде квазинаучных интерпре-

таций, отражающих идеологию и политические интересы соответствующих групп»¹¹⁵.

Пик этого кризиса на Северном Кавказе, как и всего российского кризиса, пришелся, видимо, на вторую половину 1990-х годов. Этот период стал серьезным испытанием для всех сторон общественного бытия многих народов; но запаса прочности хватило, чтобы не дать радикальному этнонационализму выйти в режим расширенного воспроизводства.

Гуманитарное сознание: география

В создании народов и наций история выполняет свою роль, действуя, что называется, «рука об руку» с *географией*, используя представления о том, как соотносится *наша* земля с землями *других* народов и наций. В определенном смысле сами понятия *народ* и *нация* привязаны к географическому понятию *страна*. Французы — это те, кто живут во *Франции*. Вот ее границы, здесь — Франция, а там, за рекой — Германия, там немцы. Для этнического сплочения людей важен и образ «малой родины», части страны — *местности*. Сибиряки, поморы, псковские («скобари») — это *земляки*, части русского народа, имеющие определенную региональную идентичность. Она может то угасать, то быть мобилизованной.

В своей национальной идентификации люди придают большое значение и образу пространства, большего, чем страна — такому условному географическому понятию, как *континент*. Мы — европейцы, а там, за рекой — азиаты. За определение географических признаков ведется ожесточенная идеологическая борьба. Объединяющее народ географическое видение мира — это «сплав поэзии и мифа». Австрийский канцлер Меттерних говорил: «Азия начинается за Ландштрассе», т. е. австрийцы-немцы живут в прифронтовой полосе Европы. Отправляясь из Вены в Прагу, Моцарт считал, что едет на *Восток*, к славянам (хотя Прага находится *западнее* Вены).

Другое измерение пространства связано с формированием мировоззрения этнической общности и отражает космогонические представления. Это как бы взгляд на ее территорию

---

¹¹⁵ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2005.

«с неба». Этот взгляд — обязательная часть мифологических представлений, в которых земное (социальное) пространство отражает строение космоса. Устройство города красноречиво говорит о мировоззрении народа и даже нации. Например, христианский город представляет микрокосм с центром, в котором находится храм, соединяющий его с небом. А. Леруа-Гуран помещает в своей книге план Москвы как города, отражающего облик всего мира.

Самоосознание и сплочение народа через общее представление о том, как видится его земля «с небес», присущи не только мифологическому сознанию, но и космическому чувству человека мировых религий (и вообще человека, обладающего «естественным религиозным органом»).

Огромное воздействие на национальное сознание человека оказывают *географические карты*. Это — зрительный образ *родной земли* в контексте мирового пространства. Карты служат не только для того, чтобы достоверно изображать географическое пространство. Они передают сложную информацию на языке образов, формирующих в этнической общности свою картину мира и представления о значимых *иных*. Географические образы, опирающиеся на карту, создают общие представления о реальности, в которой существует племя или народ, скрепляют его этими общими представлениями. Каждая культура вырабатывает свои карты и свои пространственные образы, иногда уникальные. Это ее неотъемлемая часть. К расшифровке этих образов прикладываются большие усилия антропологов.

Создание карт, формирующих национальное чувство, уже в древности стало важным делом правящей элиты (или оппозиционных сил). Изобретение карты, соединяющей в себе два главных языка — знаковый (цифра, буква) и иконический (визуальный образ, картина) — важная веха в развитии культуры. Можно даже сказать, что географическая карта — это особый язык, это один из языков, на которых говорит народ.

Карта — инструмент творчества, так же как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Она имеет не вполне еще объясненное свойство — «вступает в диалог» с человеком. Карта мобилизует пласты неявного зна-

ния глядящего в нее человека и обладает почти мистической эффективностью. Она мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек.

Карта — не отражение видимой реальности как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение *представления* о реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии. В то же время карта воспринимается как продукт уважаемой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика.

В 1980–1990-е гг. фабрикация географических карт (особенно в историческом разрезе) стала излюбленным средством для разжигания национального психоза при подготовке этнических конфликтов. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта былого расселения народа, утраченных исконных земель и т. д. воздействует на подогретые национальные чувства безотказно. При этом человек, глядящий на карту, совершенно беззащитен против того текста, которым сопровождают карту идеологи. Карта его завораживает, хотя он, как правило, даже не пытается в ней разобраться.

Большую роль в судьбе русских и России в целом сыграл за последние два века географический образ *России-как-Европы*, созданный «западниками». Он заключает в себе сильную идеологическую и политическую концепцию, которая не раз была (и сегодня является) предметом острых общественных конфликтов. Для обозначения подобных конфликтов предложено понятие *образно-географической драмы*. Такие драмы иногда превращаются в события истории, привлекающие внимание массовых слоев общества и оказывающие сильное воздействие на самосознание народа. В этот момент происходят резкие, порой неожиданные изменения и в самих географических образах, и в системе связей, соединяющих людей в народ. Сами эти драмы,

постановкой которых бывают заняты талантливые «режиссеры», оказываются *инструментами* целенаправленного этногенеза.

Географические образы (как и другие элементы мировоззренческой матрицы) не даются племенам, народам и нациям *изначально*. Они конструируются и внедряются в сознание в жесткой борьбе с конкурирующими образами. Для любого народа важно не только сообщать чувствовать образ *своей* земли, но и знать то, что происходит в системе таких образов тех народов, которые могут повлиять на судьбу этой самой «своей земли». В настоящий момент во многих частях мира происходит интенсивная перестройка географических образов и связанная с нею «пересборка» многих народов. Если этого не знать, то и влиять на этот процесс невозможно. Что происходит в географическом сознании американцев и европейцев? Каковы сейчас географические образы Афганистана, Ирана и Ирака — и в сознании их народов, и в сознании западной элиты? Как видят пространство турки? Что такое доктрина Великого Турана и как в ней представляется место российского Поволжья и Урала? Какие подспудные дебаты о географическом образе прибайкальской Сибири, Алтая и Монголии идут в среде бурят? Все это — невидимая часть айсберга географии, которая является и частью фундамента национального сознания.

Чешский писатель Милан Кундера писал, что страны Центральной Европы, будучи частью Запада, оказались в результате его предательства в Ялте отданы на растерзание советскому режиму, который является естественным продолжением российской цивилизации, чуждой Европе. На эту тему он написал много трактатов, часть которых с удовольствием перепечатывалась в Москве во времена перестройки. Ключевая статья даже называлась «Похищенный Запад». Это было важной частью доктрины «бархатных революций» конца 1980-х годов.

Но в представлениях Запада Россия, Польша, Венгрия, Чехия принадлежали к одному «цивилизационному ареалу» Восточной Европы, так что Сталин в Ялте вовсе не «крал» их у Запада, а Черчилль с Рузвельтом не предавали Центральную Европу уже потому, что таковой просто не было. Черчилль в своей речи в Фултоне в 1946 г. сказал: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился через весь Континент».

Эта линия на карте Европы совпала с делением континента, глубоко укорененным в *западной* мысли на протяжении двух столетий. Метафора «железного занавеса» смогла так легко подчинить себе западное сознание потому, что была основана на долгой интеллектуальной традиции. Вот драма истории: поляки и чехи были уверены, что их похитили; они рвались в свой родной дом, а в этом доме их своими никогда и не считали...

Мировоззрение

Представления о пространстве и времени, о природе и человеке, об обществе и государстве, о добре и зле — все то, что мы относим к *мировоззрению*, — служат той духовной основой, на которой люди собираются в народ, различая «своих» и «чужих». Мировоззрение — ядро огромной системы знаний и убеждений человека; в него входят наиболее важные элементы этой системы, укорененные глубоко в сознании. К этому ядру примыкает *мироощущение* — эмоционально окрашенная сторона мировоззрения.

Представления, входящие в мировоззрение, отвечают на главные вопросы *бытия*. Эти вопросы человек ставил себе с момента своего становления как вида, как только в нем пробудился разум. Этот важный для нашей темы факт был вытеснен из нашего обыденного сознания идеологиями, проникнутыми прогрессизмом — уверенностью, будто в прошлом человек был интеллектуально и духовно менее развит, чем современный цивилизованный индивид.

Антропологи и социологи, напротив, считают, что человек с самого начала вынужден был размышлять именно о природе мира в *целом*, т. е. ставил перед собой вопросы мировоззрения.

Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов, предложившие информационную концепцию этноса, пишут: «Человек воспринимает мир не как хаотический поток образов, символов и понятий. Вся информация из внешнего мира проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированную в нашем сознании. Эта схема-картина пропускает только ту информацию, которая предусмотрена ею. Ту информацию, о которой у нас нет представления, для ко-

торой нет соответствующего термина (названия), мы просто не замечаем. Весь остальной поток информации структурируется картиной мира: отбрасывается незначительное с ее точки зрения, фиксируется внимание на важном. Основу картины мира составляют этнические ценности, поэтому важность информации оценивается с этнических позиций. Таким образом, этничность выступает в роли информационного фильтра, сужая спектр допустимых и желаемых реакций человека на ту или иную жизненную ситуацию»¹¹⁶.

Из этого следует, что сложившийся образ истинности и служит главной матрицей, на которой происходит «сборка» этноса, народа. Философы пишут о *социогенной роли* мировоззренческого ядра и всей коллективной деятельности по его строительству, сохранению, передаче последующим поколениям и соблюдению норм общественной жизни, отвечающих сформулированным в этом «образе истинности» заветам. В выполнение этой социогенной роли входит, конечно, не только создание и сохранение этнических связей, а и всех других связей, соединяющих людей в общество. Но в большинстве случаев речь прежде всего идет об этничности как системе наиболее сильных и наименее осознанных (почти «естественных») связей.

Из этого становится очевидным, что и разрушение или повреждение (сознательное или непредвиденное) мировоззренческого ядра народа приводит к его «рассыпанию».

Религия

Особой, ключевой частью центральной мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ, является *религия* (шире — религиозное мировоззрение). Если на ранних стадиях этногенеза (возникновение племени) мировоззрение складывалось в основном в рамках мифологического сознания, то собиранье больших этнических общностей со сложной социальной структурой и государственностью (народов и наций) происходило уже под воздействием религий.

Религия в социальном плане создает не только средства господства («вертикальные» связи), но и объединяет людей в «го-

¹¹⁶ Цит. по: Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. С. 60.

ризонтальные» общности (этноты). Уваров пишет: «Одновременно с “вертикальной” связанностью религия осуществляет и связанность “горизонтальную”, социальную, являясь ведущим фактором внутрисоциумного интегрирования. Эта функция веры не ставилась под сомнение даже на пороге Нового времени. Например, в своей работе “Опыты, или Наставления нравственные и политические” Ф. Бэкон называл ее “главной связующей силой общества”»¹¹⁷.

Именно в социологии религии возникло важнейшее понятие *коллективных представлений*. Религиозные представления не выводятся из личного опыта, они вырабатываются только в совместных размышлениях и становятся первой в истории человека формой *общественного* сознания. Религиозное мышление *социоцентрично*. Именно поэтому религиозные представления и играют ключевую роль в этногенезе. Как пишут об этих представлениях этнологи, даже самая примитивная религия является символическим выражением социальной реальности — посредством нее люди осмысливают свое общество как нечто большее, чем они сами.

Более того, будучи коллективным делом общности, возникшие в общем сознании религиозные представления и символы становятся главным средством этнической идентификации при контактах с другими общностями. Религия становится одной из первых мощных сил, соединяющих людей в этнос. Яркий пример этому — Япония. Древние религиозные верования были превращены в государственную религию — синтоизм, — которая была внедрена политическими средствами и служила могучим инструментом консолидации общества. В частности, огромное значение имело строительство святилища Усукуни в честь павших за императора воинов — его лично посещал император, поклоняясь обожествленным душам героев. Со времен реставрации Мэйдзи каждый погибший воин вносился в список духов, и только священнослужители Усукуни имели право справлять по нему поминальную службу. Культ обожествленных воинов, ко-

¹¹⁷ Цит. по: Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. С. 80.

торым поклоняется сам император, служил очень сильным средством спланирования японцев¹¹⁸.

Религия порождает специфические для каждого этноса культурные нормы и запреты — *табу*. Одновременно в рамках религиозных представлений вырабатываются и понятия о нарушении запретов (концепция *греховности*). Все это и связывает людей в этническую общность. Ведь именно присущие каждой такой общности моральные (шире — культурные) ценности и придают им определенность, выражают ее идентичность, неповторимый стиль.

Получив возможность «коллективно мыслить» с помощью языка, ритмов, искусства и ритуалов, человек совершил огромное открытие в познании мира, равноценное открытию в науке, — он разделил видимый реальный мир и невидимый «потусторонний». Оба они составляли неделимый Космос, оба были необходимы для понимания целого, для превращения хаоса в упорядоченную систему символов, делающих мир *домом* человека. Причем эта функция религиозного сознания не теряет своего значения от самого зарождения человека до наших дней — об этом говорит М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма».

Религиозные ритуалы, будучи продуктом коллективной творческой работы сообщества, в то же время *создают* это сообщество, придают ему неповторимые этнические черты. Болезненным подтверждением этого тезиса служит наблюдающееся в крупных западных городах, в среде атомизированного «среднего класса» возникновение субкультур, которые в поисках способа преодолеть отчуждение и сплотиться как сообщество осваивают мистические культы и этнические религиозные ритуалы восточных, африканских и других культур. Возникают секты и коммуны, которые проводят бдения и коллективные медитации (часто с применением наркотиков) — и эти группы («коммунитас», по выражению В. Тернера) приобретают черты этнических обществ, со своими этническими маркерами и границами,

¹¹⁸ Светлов Г.Е. Путь богов (Синто в истории Японии). М.: Мысль, 1985. С. 157; Молодякова Э.В. Проблемы святилища Усукуни // Синто: память культуры и живая вера: Сб. статей / Под ред. Э.В. Молодяковой. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 210.

стереотипами поведения и групповой солидарностью, спонтанностью переживаний и ощущением слитности друг с другом¹¹⁹. Это — реакция на технократическое безрелигиозное бытие, не удовлетворяющее неосознанные духовные запросы человека.

Религия может играть роль национального примирителя, призывающего народ к забвению национальных обид для того, чтобы продолжать жить в едином государстве, как это произошло, например, в Испании, когда после смерти Франко при активном содействии католической церкви было наложено негласное табу на обсуждение трагических событий гражданской войны¹²⁰.

Уже более ста лет религия рассматривается наукой в качестве *уникального* исторического явления, возникшего как разрыв непрерывности — подобно науке. Религия вовсе не «выросла» из предрелигиозных воззрений, как и наука не выросла из натурфилософии Возрождения. И функцией религии является вовсе не утверждение невежественных представлений, а *рационализация* человеческого отношения к божественному.

При этом «рационализация отношения к божественному» мобилизует и присущие каждому этническому сознанию видение *истории* и *художественное сознание*. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в центральной мировоззренческой матрице народа.

Религия во все времена, вплоть до настоящего времени, оказывала огромное прямое и косвенное влияние на *искусство*. Если рассматривать искусство как особую форму представления и осмысления мира и человека в художественных образах, то становится очевидным, какую оно играет роль в собирании и соединении людей в народы и нации. Песни и былины, иконы и картины, архитектура и театр — все это сплавливает людей одного народа общим эстетическим чувством, общим невыражаемым переживанием красоты.

---

¹¹⁹ Быков Р.А. Новые религиозные движения как способ формирования социокультурного опыта в постиндустриальном обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2011. С. 17.

¹²⁰ Витюк В.В., Данилевич И.В. Национальное согласие и переход от авторитаризма к демократии (испанские уроки) // Общественные науки и современность. 1999. № 2.

Религия была созидателем и человечества как системы народов. *Укрупнение* народов происходило прежде всего под влиянием мировых религий. Так и возникла грандиозная устойчивая структура человечества, включающая в себя *ядро* больших народов и «облако» малых народов. В начале 1980-х гг. около половины численности человечества составляли всего 11 народов. На огромное число небольших народов (численностью до 100 тыс. человек) приходится менее 1% населения Земли. На Земле около 1,5 тыс. языков (из них 730 — в Африке), но 50% человечества говорят всего на семи языках (75% — на 22 языках).

Нынешняя «массовая ретрайбализация», т. е. обратный процесс расщепления народов на расходящиеся этнические общности с возрождением признаков племенного сознания, вызван ослаблением всей системы связей, сплачивающих людей в народы, и не в последнюю очередь с ослаблением интегрирующей силы мировых религий, которых вытесняют племенные, сугубо этнические религии.

Новое время, порожденное чередой религиозных, научных и социальных революций, означало глубокое изменение в основаниях «сборки» народов Запада. Как писал немецкий богослов Р. Гвардини, одним из главных изменений было угасание *религиозной восприимчивости*. Он поясняет: «Под нею мы разумеем не веру в христианское Откровение или решимость вести соответствующую ему жизнь, а непосредственный контакт с религиозным содержанием вещей, когда человека подхватывает тайное мировое течение, — способность, существовавшая во все времена и у всех народов. Но это означает, что человек нового времени не просто утрачивает веру в христианское Откровение; у него начинает атрофироваться естественный религиозный орган, и мир предстает ему как профанная действительность»¹²¹.

Особые проблемы возникают между идеологией и религией на стадии *нациестроительства* — превращения народов в политическую (гражданскую) нацию, в которой составляющие ее народы должны «приглушить» свою этничность. Этим объясняют, например, антиклерикализм Великой французской революции, которая производила сборку *нации граждан*.

¹²¹ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.

Русская революция также была проникнута пафосом национализма в двух его версиях — буржуазно-либерального (гражданского) у кадетов и общинно-державного (имперского) у большевиков, у которых пролетарский интернационализм был идеологической формой мессианизма. И в этой революции мы наблюдали столкновение идеологии и религии как в массовом сознании, так и в отношениях между государством и церковью. Стабилизировались они только после Гражданской войны, к 1924 году. После советского периода вся система связей, соединяющих людей в народ, опять переживает кризис, в преодолении или углублении которого религии снова предоставлена важная роль. Уровень религиозной грамотности у постсоветской интеллигенции невысок, и политики обычно смешивают религиозные и клерикальные понятия, религиозную составляющую мировоззрения с политической ролью церкви. Однако в массовом сознании православие выступает как защитник русской этнической идентичности. Это стало важным фактором всего политического процесса в нынешней России.

Стереотипы поведения

Л.Н. Гумилев писал, что этничность проявляется в *поведении* человека (*стереотипах*, т. е. устойчивых формах поведения). Точнее, поведение — это и есть один из важных срезов этничности как большой системы. Поведение складывается из всех элементов этничности — мировоззрения и типа сознания, хозяйственных отношений и чувства пространства. Существование этнических различий в поведении людей при отношениях друг с другом очевидно. Одна из сил, которая, зародившись в этнической общности, затем сама служит средством ее сплочения, создает ее своеобразные маркеры и отграничивает от *иных*, — это *человеческие отношения*.

Они познаются в сравнении — на уровне личности, семьи, социальных групп и народов. Многое дают и «записки путешественников» («мы о них» и «они о нас»), многое — специальные книги антропологов. Ценнейший источник — наблюдения военных, накопившиеся во время больших войн. Например, для нас очень полезны изданные в последние годы книги, в которых собраны записки немецких солдат и офицеров о поведении рус-

ских, а также наблюдения немецких военнопленных. Это — концентрированное описание именно этнических особенностей нашего человеческого общежития, которые бросались в глаза немцам. Антрополог К. Лоренц, пробывший три года в советском плену, подметил много важных для нашего самосознания вещей (он писал, например, о разных типах отношения к пленным — у русских, французов и американцев).

Вот первая сторона человеческих отношений, в которой наблюдаются различия между народами, — степень сближения. На одном конце спектра — человек как идеальный атом, индивид, на другом — человек как член большой семьи, где все друг другу «дяди», «братья» и т. д. Понятно, что массы людей со столь разными установками должны связываться в народы посредством разных механизмов. Например, русских сильно связывает друг с другом ощущение родства, за которым стоит идея православного религиозного *братства* и тысячелетний опыт крестьянской *общины*. Англичан, прошедших через огонь Реформации и раскрестьянивание, связывает уважение *прав* другого.

Оба эти механизма дееспособны, с обоими надо уметь обращаться. Когда во время перестройки вдруг начали со всех трибун проклинать якобы «рабскую» душу русских и требовать от них стать «свободными индивидами» и соединиться в «правовое общество», это в действительности было требованием отказаться от важной стороны этнической идентичности русских. Под идеологическим давлением часть русских, особенно среди молодежи, пыталась изжить традиционный тип человеческих отношений, но утрата собственных этнических черт вовсе не приводила сама по себе к приобретению правового сознания англичан. Единственным результатом становилось разрыхление связей русского народа (и даже появление прослойки людей, порвавших с нормами русского общежития — изгоев и отщепенцев).

Мы сравниваем современные народы — их тип поведения сформировался в Новое время. На Западе переломным моментом стала Реформация — разрыв с идеей коллективного спасения души (а значит и с идеей религиозного братства). Возникла совершенно новая этика человеческих отношений — *протестантская этика*. Немецкий философ В. Шубарт так писал о значении Реформации: «Она знаменует собой рождение нового мироощу-

щения, которое я называю “точечным” чувством. Новый человек впервые переживает не Все, и не Бога, а себя, временную личность, не целое, а часть, бранный осколок... Для него надежно существует только свое собственное Я. Он — метафизический пессимист, озабоченный лишь тем, чтобы справиться с окружающей его эмпирической действительностью»¹²².

В кальвинизме, который дал религиозное оправдание рыночной экономике, люди изначально разделены на избранных и отверженных. Одни спасутся от геенны, другие — нет (а кто конкретно, неизвестно). Их соединяют не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему, а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню»¹²³.

Казалось бы, как могут такие страсти связать людей? Но мы видим, что и немцы, и голландцы, и англичане собраны в крепко сбитые народы. Однако для этого им не требуются такие средства, как любовь к ближнему или добрые дела. Зато очень сильной связью здесь оказывается *расчетливость* в отношениях между людьми (у русских в этой роли даже порицаемая). Ф. фон Хайек, идейный основатель современного неолиберализма, писал: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, — вещь неведомая в свободном обществе. Ее придется создавать с нуля»¹²⁴. Выходит, что на Западе, по мнению философов неолиберализма, «довели всенародную солидарность до нуля» — и теперь ее придется «создавать с нуля». Это очень трудно. У нас, в России, эта «всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом» была и еще есть, но реформаторы стараются довести ее до нуля. Стараются «рассыпать» народ, а потом производить его пересборку, как во времена Реформации.

Русского человека связывает с его согражданами (с «миром») долг совести. Как писал в XVIII в. В.Н. Татищев, «истинное бла-

---

¹²² Шубарт В. Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. 1992. № 6.

¹²³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 157.

¹²⁴ Хайек Ф. фон. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.

гополучие — спокойность души и совести» (знакомое явление кающегося дворянина — особенность чисто русская). Иными нормами отношений связывает людей протестантская этика. Идеал ее — *кредитоспособный* добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Это «своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга»¹²⁵. Поскольку эта этика является нормативной в общественном сознании, человек, честно выполняющий свой долг приумножения капитала, становится *уважаемым*. И такое уважение служит связями, соединяющими людей в народ.

Сильнейшим объединяющим символом для западных народов стала общая верность идее *прогресса*. Эта идея оправдала и разрыв традиционных общинных отношений, включая «любовь к отеческим гробам», и вытеснение чувства сострадания. Страстный идеолог прогресса Ф. Ницше поставил вопрос о замене этики «любви к ближнему» этикой «любви к дальнему». Когда во время перестройки ее идеологи начали говорить буквально на языке Ницше, «разрушать могилы, сдвигать с места пограничные столбы и сбрасывать в крутые обрывы разбитые скрижали», речь шла об атаке на тип человеческих связей, сплывающих советский народ; но в данном случае они полностью совпадали и со связями, сплывающими *этнических русских*.

Взамен *человечности* в отношениях начинает доминировать *право* (точнее сказать, право, основанное на *законе*). Право гражданского общества основано на концепции *естественного человека*, представленного как эгоистичного свободного индивида, от природы склонного к экспроприации и подавлению более слабых. Во время перестройки одним из важных обвинений русскому народу как раз и было то, что он, якобы, собран на неправомерной основе.

Резкое расширение масштабов внедрения юридических норм (законов) в ткань человеческих отношений произошло на Западе в Новое время именно потому, что Реформация и атомизирующее воздействие рыночного хозяйства разорвали множество

¹²⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 73.

связей, которые действовали в предыдущий период. Законы — очень дорогостоящая и не всегда эффективная замена связей совести и любви. В русском народе до недавнего времени такой крупномасштабной замены просто не требовалось.

Вплоть до рыночной реформы в России господствовала установка на упрощение законодательства, его сближение с господствующими в обыденном сознании представлениями и традиционной моралью — так, чтобы Закон был понятен человеку и в общем делал бы излишним большое профессиональное сообщество адвокатов. Это ощущение присутствовало в восприятии человеческих отношений и в советское время — очень часто люди, столкнувшись с правовой проблемой, тут же покупали в магазине тоненькую книжку с соответствующим кодексом и вполне в нем разбирались. Более продвинутые покупали книжку потолка — комментарии к кодексу.

Одни считают достоинством, другие признаком отсталости *уживчивость* русских, их отвращение к сутяжничеству, к обращению в суд для разбирательства своих конфликтов. Это свойство не прирожденное, оно настойчиво формировалось — и государством, и церковью, и общиной.

Статус юридически оформленных законов вообще был низок в традиционных незападных обществах. В.В. Малявин так характеризует отношение к закону в традиционном китайском обществе: «Примечательно, что предание приписывало изобретение законов не мудрым царям древности и даже не китайцам, а южным варварам, которые по причине своей дикости были вынуждены поддерживать порядок в своих землях при помощи законов (наказаний). Истинно же возвышенные мужи, по представлениям китайцев, в законах не нуждаются, ибо они “знают ритуал”»¹²⁶.

Философ права Ю.В. Тихонравов пишет: «Право есть итог прогресса цивилизации и деградации культуры, оно есть предельная уступка духа реальности... Дух через последовательность кризисов движется по цепочке “религия — мораль — обычай — право”, теряя при этом свою ясность и силу... Когда же ни одно из этих оснований не может эффективно воздействовать

¹²⁶ Цит. по: Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. С. 124.

на поведение людей, из них выделяется система норм, поддерживаемых реальной властью. Это и есть право»¹²⁷.

Но и юридическое оформление человеческих отношений происходит в соответствии с нормами национальной культуры, даже если предмет права, понятия и термины у разных народов внешне схожи. В России европейское образование элиты не раз приводило к утрате понимания тех представлений о праве, которые были укоренены в массовой культуре народа. Непонимание это лежало и лежит в основе важных конфликтов. В начале XX в. дворяне и политики исходили из западных представлений о частной собственности. Требования крестьян о национализации земли выглядели в их глазах преступными посягательствами на чужую собственность.

На деле две части русского народа уже существовали в разных системах права и не понимали друг друга, считая право другой стороны «бесправием». Такое «двоеправие» было признаком кризиса, который снова обострился в России. Как говорят юристы, на Западе издавна сложилась двойственная структура «право — бесправие», в ее рамках мыслил культурный слой России и начала XX в., и сейчас, в начале XXI века. Но рядом с этим в русской культуре жила и живет более сложная система: «официальное право — обычное право — бесправие». Обычное право для «западника» кажется или бесправием, или полной нелепицей.

Это пытались объяснить народники, говоря о сохранении в среде крестьянства основ старого обычного права — *трудового*. Оно было давно изжито на Западе и не отражалось в его правовых системах. Право на землю в сознании русских крестьян было тесно связано с *правом на труд*. Оба эти права имели под собой религиозные корни и опирались на православную антропологию — понимание сущности человека и его прав.

Наконец, важной сферой человеческих отношений в культуре любого народа являются отношения к близким людям, членам *семьи*. Говорят: «семья — ячейка общества». Но в еще большей степени «семья — ячейка народа». Народ в нашем сознании и есть большая семья, «воображаемое родство». Его идеальный образ и построен по типу семьи — с царем-батюшкой или «отца-

¹²⁷ Цит. по: Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М.: АИРО-XX, 2005. С. 124.

ми нации». От соплеменников все мы ожидаем особых, родственных отношений.

Отношения в семье, как и другие отношения между людьми, так же выстраиваются в соответствии с господствующими представлениями о человеке, о добре и зле, о собственности и хозяйстве, о долге и совести. В этой сфере различия этнических культур очень велики, поэтому волны модернизации, а тем более подражание типу семейных отношений, сложившихся у народов Запада, прямо затрагивают самые сокровенные, самые интимные стороны жизни практически каждого человека и народа в целом. Поэтому и звучат сегодня диссонансом настойчивые советы на телевидении или на радио заключать перед свадьбой брачный контракт, оговаривая заранее условия раздела имущества в случае развода.

Для нас важны различия между типом этих отношений, выработанных в России, и тех, которые господствуют у англосаксонских народов, составляющих сейчас «авангард» западной цивилизации. Можно сказать, что в русском народе, по сравнению с западными и особенно англо-саксонскими этносами, в связях, скрепляющих нашу, российскую этническую общность, относительно большую роль играют родственные или «псевдородственные» связи, в том числе связи между взрослыми и детьми. И даже в ходе индустриализации в советский период, несмотря на переход от патриархальной крестьянской к городской семье, этот тип отношений сохранялся.

Глава 2. Нациестроительство в истории России

2.1. Нациестроительство в Российской империи и СССР

Демонтаж нашего народа проводился (и продолжает проводиться) с помощью *высоких технологий*, созданных на базе новейшего научного знания. На «конвейер разборки» наш народ поступил в конкретной форме *советского народа*. Чтобы понять, как производилась «разборка» нашего старого народа, и извлечь уроки, необходимые для сборки народа (нации) России в его новых формах, следует кратко изложить самые важные сведения именно о советском народе — о его генезисе, скрепляющих его связях, происходивших в нем процессах этногенеза, представлениях об этничности в политической элите и о национальной политике советского государства.

Российская империя

Россия изначально сложилась как страна многих народов (полиэтническая страна). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплавили» православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык, культура.

Российская империя как государственно-национальная система строилась на иных основаниях, по сравнению с другими большими государствами Европы. По выражению П.Н. Милюкова, до XVI в. это было военно-национальное государство: феодалы и племенные вожди принимали российское подданство как средство избежать порабощения более опасными агрессивными соседями¹. Имелись прецеденты переселения в Россию целых народов, спасавшихся под скипетром русского

---

¹ В XVI–XVII вв. на южных и юго-восточных границах России войны происходили каждый год, на западных — примерно каждый второй год. Главная угроза с XVI в. шла с Запада.

царя от геноцида, — к примеру, калмыков (XVII в.) или гагаузов (XVIII в.). Чаще всего местная знать сама ставила вопрос о присоединении к России, которое нередко признавалось в столице уже после того, как происходило де-факто на местах — как, например, это было с большей частью Казахстана, в 1730–1740-е гг. вошедшей в состав империи².

Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ создать на большом евразийском пространстве империю неколониального интегрирующего типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией³. Более того, империя служила защитой малым народам: так, были созданы казачьи посты для защиты карачаевцев от набегов⁴. Такой постоянно угнетаемый народ, как цыгане в Российской империи жил при вполне приемлемых условиях. Екатерина II указом от 21 декабря 1783 г. причисляла цыган к крестьянам и предписала взимать с них налоги и подати. Несмотря на это, никаких серьезных мер к закреплению принято не было. Напротив, им разрешили приписываться к любому сословию.

Здесь не было этнических чисток⁵ и тем более геноцида народов, подобных тому, как очистили для себя Северную Америку англо-саксонские колонисты. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии). Здесь не было и апартеида в разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (известен апартеид ЮАР,

---

² Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 22.

³ Хотя, например, согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., они не имели права на землю, которая принадлежала государству и давалась только в бессрочную аренду — см. Сондыков В.С. Коренные малочисленные народы Севера; проблемы развития и управления: на примере Ханты-Мансийского автономного округа: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 18.

⁴ Кипкеева З.Б. Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. С. 14.

⁵ Этнотолерантность делилась на «верные» и «неверные». «Верных» поощряли, с «неверными» воевали, а чаще всего старались другими средствами склонить на сторону империи — см. Осипова Я.В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII века: этноконфессиональный аспект российской политики: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2007. С. 19.

но иммигрантские гетто во Франции — тоже вариант апартеида). Национальное происхождение (за исключением еврейского) не являлось препятствием для инородцев в продвижении по службе и занятии самых высоких государственных должностей. На министерских постах в имперской России постоянно фигурировали представители немецких, армянских, татарских фамилий. Интеграционной комплементарности удалось достичь даже в отношениях с рядом покоренных военным путем мусульманских народов. Во время Первой мировой войны своим героизмом и верностью России прославилась, к примеру, известная кавказская «Дикая дивизия», состоявшая из дагестанского, азербайджанского, чеченского и ингушского полков.

В России не было самого понятия *метрополии*, не было юридически господствующей нации. Окраины империи обладали большими льготами: так, все башкиры были приравнены к военному сословию, как казаки; чуваша и мордва были свободны от крепостной зависимости; казахи были освобождены от рекрутской повинности и гербовых пошлин⁶. Впрочем, льготы не распространялись на государственных крестьян: марийцы, например, были обязаны отправлять рекрутов в армию⁷.

Россия изначально была страной, сохранявшей идентичность этнических меньшинств. Российская монархия принципиально отказалась от политики планомерной ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия (как это произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Даже знание государственного языка было необязательным: так, корейцы в Российской империи, которые к началу XX в. составляли треть населения Приморского края, практически не говорили по-русски, будучи при этом русскими подданными.

⁶ Осипова Я.В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII века: этноконфессиональный аспект российской политики: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2007. С. 20; Емельянова Н.М. Интеграция казахского населения степных областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства в состав Российской империи: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2005. С. 20.

⁷ Кадыкова Г.Н. Государственные марийские крестьяне Среднего Поволжья в конце XVIII — первой половине XIX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2006. С. 21.

ми⁸. В конфессиональных татарских школах русский язык не изучали, преподавали там мусульмане⁹. Миссионерские школы для корейцев в Приморском крае, созданные православными священниками, не преследовали ассимиляционных целей¹⁰.

Помогала империя и в культурном отношении: так, корейцев, иммигрировавших от нужды, не только охотно принимали в Приморском крае, но и разрешали печатать литературу на национальном языке — привилегия, которой корейцы были лишены у себя на родине, оккупированной японцами¹¹. Кроме того, специально для них российской администрацией были созданы учительские семинарии¹². Интересно также, что инородческие школы и семинарии, созданные русской администрацией, могли стать центрами культурного возрождения народов России, как это произошло с Казанской инородческой семинарией¹³. В 1660–1670-е гг. объявлялись «заповедные зоны» и «заповедные товары» — купцам и торговым людям запрещалось ездить в поселки народов Севера и даже въезжать в их волости¹⁴.

Не вела активной деятельности по христианизации и православная церковь — на Кавказе и в Средней Азии церковь практически совсем отказалась от проповеди. Впрочем, специальные школы для «инородцев» она открывала — в частности, для народов Поволжья и народов Севера¹⁵. Крестились корейцы добро-

---

⁸ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 39, 41.

⁹ Бурдина Е.Л. Становление и особенности развития инородческой школы в России во второй половине XIX — начале XX вв.: на примере школ для татар Поволжья: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. С. 11, 13.

¹⁰ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 226.

¹¹ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 38, 40.

¹² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 215.

¹³ Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX — начала XX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 1998. С. 19.

¹⁴ Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // СОЦИС. 1996. № 11. С. 51.

¹⁵ Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX — начала XX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 1998. С. 14; Кузьмина А.С. Христианиза-

вольно, однако для них это было (скорее) выражением лояльности русским¹⁶.

Впрочем, религиозный фактор использовался: так, царское правительство поддерживало мулл из татар в Казахстане, считая их проводниками российской политики¹⁷. При Александре III произошел некоторый сдвиг в конфессиональной политике — так, например, была предпринята попытка насильственного крещения бурят.

Правящая элита Российской империи с самого начала складывалась как многонациональная. Согласно переписи 1897 г., только 53% потомственных дворян назвали родным языком русский. Военное сословие Золотой Орды постепенно влилось в офицерство русского войска потому, что для него Россия уже стала их страной¹⁸. Устои жизни на вошедших в Россию территориях резко не менялись, они управлялись с помощью местной знати под надзором российской администрации. У народов Севера, например, с 1763 г. местная власть сама собирала «ясак» (дань)¹⁹. Деавтономизация, примененная Николаем I по отношению к Польше, не была возведена в ранг внутривнутриполитического курса. Традиционная баронская система управления в Прибалтийском генерал-губернаторстве, наиболее ярко выраженная в устройстве сословного ландштата, была даже усилена. Несмотря на ликвидацию польского сейма, аналогичный орган продолжал существовать в Финляндии. Особенности традиционного управления сохра-

ция коренных народов Обского Севера: культурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2003. С. 21.

¹⁶ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 229, 236.

¹⁷ Осипова Я.В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII века: этноконфессиональный аспект российской политики: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2007. С. 22.

¹⁸ Когда в 1870-е гг. происходило присоединение к России Средней Азии, индийские наблюдатели вели сравнения с тем, как действовала английская администрация в Индии. Замечали, среди прочего, что в России такой-то генерал — мусульманин, а другой — армянин, и оба командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови», — писала индийская газета.

¹⁹ Конев А.Ю. Система административного управления у коренных народов Северо-Западной Сибири в XVIII — начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Самара, 1994. С. 15.

нялись также в Бессарабской области, Астраханской губернии и в регионах с преобладающим казачьим населением.

Часто российские чиновники сами формировали местную элиту: так, активно поощрялся институт старшин у башкир²⁰, на основе якутских кланов было создано их объединение — улус²¹, звание «бий» в Казахстане XIX в. стало присваиваться российской администрацией наиболее лояльным князьям²². За национальной элитой сохранялись их родовые привилегии. Так, царское правительство отменило особые льготы в отношении карачаевских князей, но оставило за ними право на землю — при том что стремилось раздавать земельные участки чиновникам и офицерам²³.

Управление и суды приравнивались к «вековым народным обычаям»: так, кабардинский суд обязательно учитывал нормы шариата согласно инструкциям правительства²⁴, а общинный суд мордвы при молчаливом попустительстве царской администрации приговаривал не только к телесным наказаниям, но и к смертной казни²⁵. Кроме того, даже преступников одной национальности селили вместе: так, ссыльных из всех народностей, исповедующих лютеранство, отправляли в Тобольскую губернию, где они имели свои национальные поселения при полной свободе вероисповедания и традиционного уклада²⁶. В результате, госу-

---

²⁰ Осипова Я.В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII века: этноконфессиональный аспект российской политики: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2007. С. 19.

²¹ Ковалевский М.М. Клан у аборигенных племен России // СОЦИС. 2002. № 5. С. 133.

²² Емельянова Н.М. Интеграция казахского населения степных областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства в состав Российской империи: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2005. С. 18.

²³ Киткеева З.Б. Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2000. С. 15, 19.

²⁴ Думанов З.Б. Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты: конец XVIII — первая половина XIX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Майкоп, 2010. С. 17.

²⁵ Сушкова Ю.Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX — начале XXI вв.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Саранск, 2009. С. 30.

²⁶ Лоткин И.В. Этносоциальная адаптация прибалтийских национальных групп в Сибири: 1920–1940 гг.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Кемерово, 2007. С. 21.

дарственная система включала в себя множество укладов, норм и традиций.

Многие народы, жившие в империи, осознавали себя культурно русскими: так, например, калмыки, выехавшие с белой эмиграцией, представлялись там как русские²⁷.

Школа, впрочем, преследовала русификаторские цели: в светских школах для народов Поволжья, созданных Н.И. Ильминским и И.Я. Яковлевым, обучение велось на русском языке (на национальных языках — в первых двух классах), а в церковных — на национальных языках, но с православным уклоном²⁸. С 1891 г. был введен обязательный экзамен для мулл по русскому языку²⁹.

На начало XX в. еврейская диаспора в России была самой большой в мире, а ее уровень грамотности (по русскому языку) был выше, чем у русских — 24,6% к 19,7%³⁰. Даже богатая часть евреев, интересы которой вступили в противоречие с нормами сословного общества и монархической государственности, вовсе не перешла целиком в лагерь противников империи. Так, автором знаменитой фразы Столыпина «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!», которую так любят повторять и сегодня, был видный еврейский деятель И.Я. Гурлянд. Он и писал речи Столыпину, а тот был прекрасным оратором и зачитывал их — всегда по тетрадке и никогда наизусть³¹.

Во внешнем мире Россия в конце XIX в. понималась именно как нация, как носитель большой и самобытной *национальной культуры*. Этот факт, в свою очередь, укреплял и националь-

²⁷ Гучинова Э.-Б.М. Вынужденные переселения и этническое самосознание: на примере этнополитической истории калмыков в XX веке: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 2004. С. 27.

²⁸ Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX — начала XX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 1998. С. 15–16.

²⁹ Бурдина Е.Л. Становление и особенности развития инородческой школы в России во второй половине XIX — начале XX вв.: на примере школ для татар Поволжья: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. С. 13.

³⁰ Лызлова Т.С. Реализация национальной политики Советской власти в отношении еврейского населения. 1917–1938 гг. На материалах Смоленской области: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Брянск, 2004. С. 14–15.

³¹ Сенчакова Л. Крестьяне и Государственная Дума (1906–1907 гг.) // Россия—XXI. 1996. № 9–10.

ное самосознание российской элиты. Общероссийское сознание зрело и в массе населения. Народы России уже долго жили в одном государстве, пребывание в котором обеспечило им два важнейших для их национальной консолидации и самосознания условия — защиту от угрозы внешних нашествий и длительный период политической стабильности. Уже это стало источником высокого уровня *лояльности* государству и его символам.

Красноречивым признаком ее был тот факт, что татары-мусульмане, не обязанные нести воинскую повинность, сформировали воинские отряды, которые принимали участие в Крымской войне против их единоверцев-турок. Даже во время польского мятежа 1863 г. лишь несколько десятков из многих тысяч офицеров польского происхождения (а они составляли тогда до четверти офицерского корпуса) изменили присяге.

Высокая степень равноправия подданных разной национальности, отказ от политики ассимиляции и веротерпимость государства способствовали укреплению и расширению межэтнических связей народов России. У этих народов имелся общий *значимый иной* — русские, которые были с ними в интенсивных и разнообразных контактах и образ которых был в целом положительным. Шло распространение русского языка и русской культуры, что усиливало связи других народов не только с русским ядром, но и между собой. Эти связи уже имели продолжительную историю и вошли в этнические предания. Не будет преувеличением сказать, что для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

По всем признакам, в России складывалась большая *полиэтническая нация*, но нация своеобразная, не соответствующая тем образцам и понятиям, которые были выработаны на Западе. Поэтому слово «нация» и не употреблялось в отношении подданных Российской империи, это слово подразумевало национализм и ассимиляцию народов, которую как раз и отвергала концепция национально-государственного устройства России. В формулу этой концепции входила «*народность*» — идея сохранения народов в единой семье.

Либеральные философы не считали это соображение решающим и предлагали признать, что население Российской импе-

рии консолидируется в «обычную» нацию. Эту идею последовательно выражал П. Струве, с этим был согласен и его оппонент П. Милюков. Представления Струве наталкивались на почти общее отторжение идеи *национализма* как идеологии, необходимо включенной в самосознание гражданской нации. Считалось, что эта западноевропейская идея противоречит идущей из православия всечеловечности русского мировоззрения. К тому же трудности включения национализма в государственную идеологию России были очевидны. Считалось, что Россия — «не нация, а целый мир», многонациональное государство с русским народом в качестве ядра. Основой государственного чувства здесь был не национализм «титulyной» нации, как в государствах Запада, а державный патриотизм. Еще меньшими чем для гражданского национализма были в тогдашней России условия для принятия национализма этнического.

Однако в условиях кризиса, вызванного распадом сословного общества и вторжением капитализма, процессы резко ускорились и пошли по непредвиденному пути. Социальные угрозы, возникшие при формировании периферийного капитализма, создали образ *враждебного иного* — того привилегированного меньшинства и государственной бюрократии, которые все больше противопоставляли себя народу. В ходе этого сплочения наблюдались явления, структурно схожие с теми, которые считаются признаками становления гражданских наций на Западе, — например, массовое обращение к *прессе*.

В этих новых условиях сознание подавляющего большинства русского народа формировалось именно как гражданское, а не сословное — складывались общий понятийный язык и общая мировоззренческая матрица. Крестьян уже нельзя было удовлетворить какими-то льготами и «смягчениями» — требование свободы и гражданских прав приобрело экзистенциальный, духовный характер; речь велась о проблеме бытия, имевшей даже религиозное измерение. «Желаем, чтобы все перед законом были равны и назывались бы одним именем — русские граждане».

В социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, являлись единым народом, неразделенным сословными и классовыми перегородками и враждой. Этот еди-

ный народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России — ядром всего общества, составленного из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Это общество отличалось от западного гражданского общества тем, что представляло собой *Республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*.

Однако созиданию российской нации противодействовал целый ряд процессов разрушения скрепляющих ее связей — разные социальные силы вели демонтаж культурного ядра русского «имперского» народа.

Этот демонтаж вели практически все западнические течения — и либералы, и революционные демократы, и затем социал-демократы. В какой-то мере в этом участвовали и анархисты с их радикальным отрицанием государства. Сословное общество переживало кризис и под воздействием наступающего капитализма, и под ударами крестьянства, которое уже не могло терпеть сословные притеснения помещиков и власти, но в то же время не желало принимать и программы капиталистического раскрестьянивания. Для большинства русских (крестьян и рабочих) дворянство, буржуазия и чиновничество стали чужим народом (во время Первой мировой войны — «внутренним немцем»).

В свою очередь, крестьяне (как сельские, так и «орабоченные») стали для привилегированных сословий *враждебным* — народом, угрожавшим их цивилизационным устремлениям. Против них были и консерваторы, пытавшиеся сохранить структуры сословного общества, и модернизаторы (и либералы, и марксисты). Русофобия, направленная именно на «имперское» большинство русского народа, была одинаково присуща и правым, и левым.

Элита народа, обретшая такое самосознание, множеством способов ослабляет и разрушает мировоззренческую матрицу, соединяющую людей в народ, а также те механизмы, которые призваны эту матрицу обновлять и «ремонтировать». Так, например, в конце XIX в. произошел откат от русской классической литературы, которая на этапе распространения грамотности должна была бы стать важным средством укрепления национального сознания.

Нам по инерции советского времени кажется немислимым, что Пушкин не входил в «Курс русской словесности». А ведь это важный факт. Пушкин «вошел другом в наши дома» именно потому, что было понято значение его ума и его благородства для сплочения нашего народа, уже как советского. И соответственно проводилась и политика Министерства просвещения СССР, и издательская политика.

То же самое происходило с преподаванием истории. В.В. Розанов приводит данные, в которые трудно поверить: на весь курс русской истории, который дается в трех классах гимназии, отведено в сумме 56 часов, т. е. 1/320 часть учебного времени восьмиклассной гимназии³².

Левая часть образованного слоя интенсивно разрушала образ монархического государства, подрывая его роль как символа национального сознания. Народники повели демонтаж «имперского» народа при помощи террора как исключительно сильного символического действия. Разлагающий связность «старого» народа смысл всей этой деятельности был очевиден. Этот сдвиг интеллигенции был усилен влиянием на ее сознание марксизма, который вплоть до 1907 г. своим авторитетом сильно укреплял позиции западников, особенно после дискредитации народников.

Этот процесс ускорился именно вследствие того, что «народ» после реформы начал обретать *национальное* самосознание, а значит стал превращаться в политическую силу. Консервативные русские националисты считали, что в нацию входит только привилегированное сословие.

После 1905 г. начал быстро нарастать социальный расизм дворянства и буржуазии в отношении крестьян. Либеральная интеллигенция от народопоклонства метнулась к русофобии. Это не могло не разрушать связи, соединявшие старый народ Российской империи, но в то же время спланивало русское простонародье, ускоряло становление «нового», советского народа.

Начался отход крестьян от государства. Попытка модернизации села через разрушение общины при сохранении помещичьего землевладения («реформа Столыпина») лишь ухудшила положение большинства крестьян. После манифеста о веротерпимости 1905 г. стало очевидно, что церковь утратила свой ав-

³² Розанов В.В. Сумерки просвещения. Соч. М: Педагогика, 1990. С. 237.

торитет, скреплявший национальное сознание. Начиная с 1906 г. из епархий в Синод хлынул поток донесений о массовом отходе рабочего люда от церкви.

Тяжело повлияла на самосознание русских и неудача в русско-японской войне. Русско-японская война и Первая мировая обнажили кризис всех систем, которые определяли состояние народа и государства. В обоих случаях русская армия, в общем, потерпела поражение, имея двукратное превосходство в живой силе. В Русско-японской войне численность наших войск составляла 946 тыс. против 437 тыс. японских. А в мае 1917 г. на восточном театре военных действий против 219 русских и шести румынских дивизий воевали 71 дивизия германских войск и 44 дивизии союзников Германии³³.

Демонтаж народа, уже обретшего национальное самосознание, есть один из наиболее болезненных вариантов гражданской войны, хотя и войны плохо различимой. Эта холодная гражданская война в начале XX в. велась и против большого русского народа, и против сложившейся вокруг него системы межэтнического общежития.

Модернизация и европейское образование сделали популярными в российской элите федералистские идеи, стала вызревать идея России как федерации народов. В целях обретения союзников в борьбе против имперского государства прогрессивная интеллигенция со второй половины XIX в. вела кампанию по дискредитации той модели межэтнического общежития, которая сложилась в России, поддерживала сепаратистские и антирусские движения в Польше и Галиции. Миф о «бесправии» украинцев использовался для экстремистских нападок на царизм, но рикошетом бил и по русским как народу. В пропаганде применялся символический образ России как «тюрьмы народов».

Полученные при разрушении сложившейся нации травмы ускорили созревание революции и предопределили ее глубину и страсть. Такая революция требовалась и для становления нарождающейся нации, и для обретения новой силы российской государственностью.

---

³³ Степанов А., Уткин А. Геоисторические особенности формирования российского военно-государственного общества // Россия–XXI. 1996. № 9–10.

СССР

В начале XX в. терпение крестьян лопнуло. Они пришли к убеждению, что правительство — их враг, что разговаривать с ним можно только на языке силы. Началась русская революция, которая была продолжена в других крестьянских странах и стала мировой — но не по Марксу. Распад народа на враждующие части стал неизбежным. Но на этом фоне подспудно уже началось зарождение будущего советского народа — как прошедшего в революции *пересборку* русского народа, который затем быстро подтянул к себе и другие народы Российской империи.

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее государственность. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк М. Ферро, ссылаясь на признания А. Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* Февральской революции.

Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство.

России удалось пережить катастрофу революции, собрать свои земли и народы, восстановить хозяйство и за десять лет совершить рывок в экономическом и научно-техническом развитии. Это стало возможным прежде всего потому, что за десять лет до краха была начата работа по созданию матрицы и технологии монтажа нового народа России — *советского*. Условием нашего национального спасения было и то, что для этой работы была приспособлена готовая организационная структура, созданная сначала для совершенно другой цели, — *партия большевиков*.

Ее траекторию резко изменила революция 1905–1907 гг., из которой большевики сделали важные выводы. Уроки этой революции позволили им преодолеть важнейшие догмы марксиз-

ма и начать создавать новую концепцию общества, государства и даже мироустройства. По мере того, как продвигалась эта работа, партия большевиков все больше приобретала *национальный* (точнее — *народный*) характер. Важнейшим поворотом на этом пути стало принятие и развитие идеи *союза рабочих и крестьян* как субъекта русской революции. Для большевиков зеркалом русской революции стал Лев Толстой — выразитель мировоззрения русского общинного крестьянства.

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

В большевизме увидели силу именно *национальную*, ставшую организационным ядром русского сопротивления Западу, который угрожал России превратить ее в периферию своей экономической и культурной системы. Народ, собранный на матрице Российской империи, с этой задачей не справлялся, и его приходилось пересобирать на матрице Советского Союза.

Для того «этнического материала», из которого в 1905–1907 гг. начал складываться будущий советский народ, мощным мобилизирующим средством стал *исторический вызов* — Гражданская война. Белые предстали в ней как *враждебный иной*, как элита прежнего строя, которая пытается загнать уже обретший национальное самосознание народ в прежнюю «колониальную» зависимость.

Гражданская война стала важным этапом в сборке *страны*. Февральская революция «рассыпала» империю. В разных частях ее возникли национальные армии или банды разной окраски. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле идеология была «имперской»). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заяв-

ление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались красными как явление *гражданской войны*, а не *межнациональных войн*. Национальная политика советской власти отличалась гибкостью и учитывала социокультурную реальность регионов³⁴. Но бывали и другие примеры: так, в 1917–1921 г. в Туркестане закрывались мечети и медресе, однако затем советская власть была вынуждена реабилитировать традиционные исламские институты³⁵.

Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

В населении СССР возникло общее *хорологическое* пространственное чувство (взгляд на СССР «с небес»), общая ментальная карта. С 1950-х гг. территория стала открытой для граждан СССР любой этнической принадлежности. Все это скрепляло людей в *советский народ*.

Велась работа по объединению родственных этносов в *народы*, что также более тесно связывало общее пространство, которое переставало быть племенным и превращалось в народное.

В Средней Азии в 1920-е гг. население имело еще слабое этническое самосознание и нечеткие этнонимы — самоназвания этнических групп. Государственное строительство требовало упорядочения этнических и административных границ, чему

³⁴ Так, например, в Башкирии в составе Красной армии воевал полк «Красный шариат»; во время проведения коллективизации среди народов Севера, при обобществлении стад оленей, сохранялись и личные олени, что вполне соответствовало традиционному укладу — см. Асеев А.А. Изменение социального облика коренных малочисленных народов Дальнего Востока СССР: 1922–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2008. С. 19.

³⁵ Шевченко Д.В. Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии: 1917–1931 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2006. С. 17, 19.

служили первые переписи, в которых вводилось понятие национальности. «Я сама родила множество узбеков», — говорила одна из этнографов — участников переписи 1926 г. в Самарканде.

В 1920-е гг. был создан таджикский народ, с развитым национальным самосознанием и культурой. Хотя слово «таджик» еще в VIII в. значило «араб» (*воин халифа*), ему не придавалось этнического значения вплоть до 1918 года. Отцы и деды нынешних таджиков о себе говорили «я — мусульманин, персоязычный». Это была большая этническая общность иранской группы, в 1920-е гг. в Туркестане и Бухаре их насчитывалось более 1,2 миллиона. Но они, окруженные узбеками, оказались под сильным давлением идеологии пантюркизма, так что даже малочисленная таджикская интеллигенция принимала идею «обузбечивания» и считала бесперспективным развитие своей культуры. Проводить здесь советские установки было очень трудно — в Средней Азии были популярны идеи Ататюрка о государственности «по-тюркски», и этим идеям были привержены руководители узбекских коммунистов. Они считали, что сила региона зависит от его единства, а оно во многом укрепляется языковой общностью — и отвергали культурное обособление таджиков от тюрков. Под все это подводилось «научно-материалистическое» обоснование.

Укрепление советской власти послужило тому, что таджикские интеллигенты стали преодолевать и пантюркизм, и джадидизм — течение либеральных модернизаторов, идущих в русле младотурок³⁶. В 1924 г. была образована Таджикская АССР в составе Узбекистана. Началось издание журнала «Голос таджикского бедняка», органа обкома ВКП(б) и исполкома Самарканда, позже — еще двух журналов. «Голос бедняка» стал создавать историографию таджиков, печатать переводы выдержек из трудов русского востоковеда В. Бартольда. Статьи в журнале начинались с таких разъяснений: «Вот кто мы, вот где мы географически расположены, в каких районах проживаем, в каком районе что выращивается».

---

³⁶ Хотя во время переписи 1926 г. таджиков еще записали как узбеков (как мусульман). Из-за этого возник конфликт, для разбирательства которого была создана комиссия во главе с В. Куйбышевым.

За советское время сложились довольно крупные народы — мордва, коми, аварцы, хакасы и др. Это было большим изменением. В Дагестане, например, еще в XIX в. каждое село фактически являлось селом-государством, и сельско-общинные связи преобладали над национальными. Разделение на национальности было проведено в 1920–1930-е гг. «с помощью советских ученых». Процесс формирования этнических групп и их языков не завершился и сегодня. Аварцы, например, делятся на 15 субэтнических групп, так что два аварца из разных сел в разговоре могут и не понять друг друга: даргинский язык состоит из десяти диалектов, кумыкский — из пяти диалектов³⁷.

Полиэтническими поселениями стали в СССР *крупные города*, которые превратились в центры интенсивных межнациональных контактов.

В Гражданской войне сложился кадровый костяк будущего советского народа, та *управленческая элита*, которая действовала в период сталинизма. Это были командиры Красной армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заняли административные должности в государственном аппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

В госуправлении активно участвовали и другие народы СССР. За все время существования СССР национальные меньшинства там были представлены достаточно широко; пики их представительства пришлось на годы революции и перестройки (рис. 2.1)³⁸.

³⁷ Тодуа З. Дагестан: десять лет между войной и миром // Бунтующая этничность. М.: РАН, 1999.

³⁸ Данные рис. 2.1 по материалам: Центральный Комитет КПСС. Историко-биографический справочник / Сост. Ю.В. Горячев. М.: Издательский дом «Парад», 2005; Абрамов А. У Кремлевской стены. М.: Политиздат, 1987; Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Справочник: В 2 т. Л.: Лениздат, 1967; Герои Октября. Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. Справочник. М.: Московский рабочий, 1967; Депутаты Верховного Совета СССР. Справочник. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1958, 1962, 1966, 1970, 1974, 1979, 1984; Ивкин В.И. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991. Историко-биографический справочник. М.: РОССПЭН, 1999; Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел: Орелиздат,

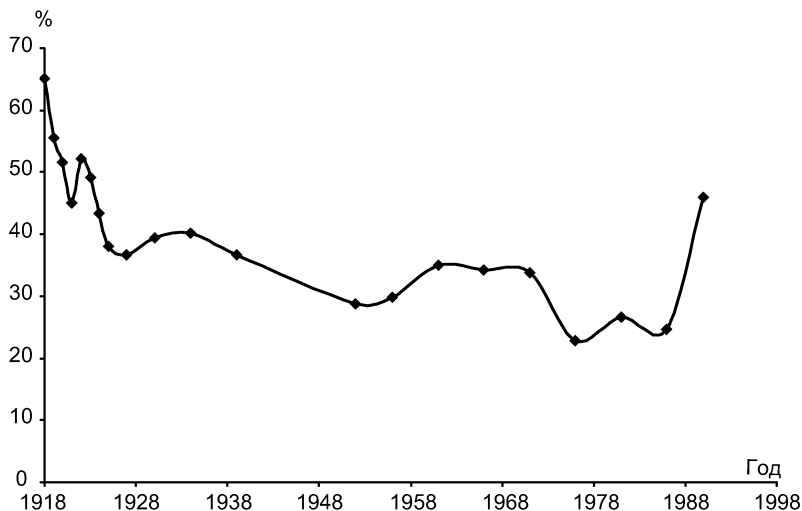

Рис. 2.1. Представительство национальных меньшинств
в высшей политической элите

Помимо представительства в ЦК, у национальных меньшинств был шанс попасть в Совет национальностей СССР, депутаты которого обладали правом законодательной инициативы³⁹. В этот Совет входили 25 депутатов от каждой союзной республики, 11 — от автономной республики, 5 — от автономной области, 1 — от национального округа⁴⁰. Председателем обычно был латыш⁴¹.

Кроме того, национальные меньшинства имели представительство в местных органах самоуправления. Например, Комитет Севера при Президиуме ВЦИК в 1920–1930-е гг. создавал родовые оседлые и кочевые советы, туземные районные советы

2000; Народные депутаты СССР. Справочник. М.: Известия, 1990; Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. Компартии в лицах и цифрах. Справочник. М.: Редакция журнала «Родина», Центр «Руссика», 1996.

³⁹ Мякишев А.П. Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 43.

⁴⁰ Там же. С. 37.

⁴¹ Там же. С. 40.

и их исполнительные комитеты (существовавшие параллельно с территориальными органами власти), позволял функционировать (с 1927 г.) туземным судебным органам. Все это, к сожалению, продолжалось очень короткое время и не получило должного развития к концу 1930-х годов⁴². Однако уже к 1970 г. около 600 представителей народов Севера были местными депутатами⁴³.

Гражданская война стала исключительно важным этапом сборки народа потому, что воспринималась большинством простонародья как *общее дело*, которое и сплачивает людей традиционного общества.

Все этнические общности СССР были вовлечены в единое *народное хозяйство* — общее дело всей страны. Оно изначально создавалось как экономическая система, которая позволила бы всем народам СССР избежать втягивания в капитализм как «общество принудительного и безумного развития»: в начале XX в. почти у всех народов России, и прежде всего русских, было сильно ощущение, что в таком обществе жизнь для них станет невозможна (эти догадки, в общем, оказались прозорливыми). И.В. Сталин заявил в 1924 г.: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мировой капиталистической системы, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны»⁴⁴.

Смысл этой задачи был всем понятен, и выполнение ее было ответом на общий для всех исторический вызов. Ответ на этот вызов тоже вырабатывался не в трудах марксистских экономистов, он был дан еще до Октября, когда после Февральской ре-

⁴² Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // СОЦИС. 1996. № 11. С. 49.

⁴³ Ахметова А.В. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: 1960-е — начало 1980-х гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. С. 17.

⁴⁴ Цит. по: Феномен Сталина: Сб. статей / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 235.

волюции власть на промышленных предприятиях по сути перешла в руки фабзавкомов, и они стали переделывать социальный уклад заводов и фабрик по типу крестьянских общин. Уже прообраз советского предприятия имел черты *центра жизнеустройства*, основанного на связях взаимопомощи.

Советское предприятие, по своему социально-культурному генотипу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это — уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*, но свои классические *этнические* черты она приобрела в 1930-е гг. во время форсированной индустриализации всей страны. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР — как единый крестьянский двор. Семей в этом дворе и стал *советский народ*.

Особую роль и в выработке советского проекта, и в создании структур советской государственности сыграла российская *армия* — также аналог общего дела народа. Исторически именно армия стала одной из основ, на которых вырос советский проект, а затем и Советы как тип власти. В каком-то смысле армия *породила* советский строй. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, причем общения, не поддающегося политической цензуре. «Язык» этого форума был антибуржуазным и антифеодальным. В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн русских и 2,4 млн украинцев).

После Февральской революции именно солдаты стали главной силой, породившей и защитившей *Советы*. Делегаты I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.) представляли 20,3 млн человек, образовавших советы, — 5,1 млн рабочих, 4,2 млн крестьян и 8,2 млн солдат. Солдаты представляли собой и очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Российская армия еще до 1917 г. сдвигалась к тем ценностям, которые вскоре резко выделили Красную армию из ряда армий других стран, — к ценностям *общины*, отвергающей классовое и сословное разделение. Интернационализм официальной идеологии, принятой в Красной армии, сделал ее многонациональ-

ной, неклассовой и несословной армией — первой и единственной в своем роде.

С 1930-х гг. через Советскую армию проходила большая часть мужского населения (притом что в армии было принято направлять солдат на службу в отдаленные от их «малой родины» места). В армии служили юноши — представители всех народов СССР⁴⁵.

Нельзя не сказать и о собственно ментальных, «внутренних» факторах сборки народа. Советский народ был сплочен сильным *квазирелигиозным* чувством, как и русская революция, которая легитимировала выход советского народа на историческую арену. Чувством, близким к религиозному, были проникнуты и революционные рабочие, и крестьяне, и революционная интеллигенция.

Советский проект (представление о *благой жизни*) вырабатывался, а Советский Союз строился людьми, которые находились в состоянии, похожем на *религиозный подъем*. Главным был конфликт церкви не с советской властью, а с массами населения. Навязав духовенству православной церкви функции идеологического ведомства, царский режим, авторитет которого после 1905 г. стремительно падал, нанес церкви серьезный ущерб.

Для этого конфликта имелись явные и хорошо изученные *земные* причины — политические, социальные и психологические. Хаос революции и Гражданской войны — это всегда и бунт части общества против любых авторитетов и морали. Во всех революциях и подобных войнах церковь всегда подвергается агрессии со стороны радикализованной массы людей.

Что же касается духовной стороны дела, то коммунистическое учение того времени в России было в большой степени *верой*, материалистической квазирелигией.

Великим «еретиком» был М. Горький, которого считают одним из основателей советского общества. Религиозными мыс-

---

⁴⁵ Исключение составляли репрессированные корейцы: до смерти Сталина их не брали в армию, однако те, кто не жил на Дальнем Востоке, участвовали в Великой Отечественной войне — см. Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 43–44.

лителями были многие деятели, принявшие участие в создании культуры, собиравшей советский народ, — Брюсов и Есенин, Клюев и Андрей Платонов, Вернадский и Циолковский. В своей статье о религиозных исканиях Горького М. Агурский пишет, ссылаясь на исследования русского мессианизма, что «религиозные корни большевизма как народного движения уходят в полное отрицание значительной частью русского народа существующего мира как мира неправды и в мечту о создании нового «обожненного» мира. Горький в большей мере, чем кто-либо, выразил религиозные корни большевизма, его *прометеевское богоборчество*»⁴⁶.

Одной из скреп нации является язык. Согласно переписи 1970 г., 76%, а переписи 1979 г. — 81,9% всего населения СССР свободно говорили по-русски или считали русский родным языком (советский народ был связан языком сильнее, чем нация США, где 14% населения вообще не говорит по-английски). Впрочем, существовала градация по регионам: на 1989 г. русский язык знали 23,8% узбеков, 27,6% таджиков, 35,2% киргизов⁴⁷; татарская и башкирская молодежь знала русский язык на уровне 92,3% и 91,6% соответственно⁴⁸.

Широкое использование русского языка сочеталось с сохранением языка своей национальности: в 1926 г. свой родной язык сохраняли 94,2% населения, в 1970 г. — 93,9% и в 1979 г. — 93,1%. Это значит, что в СССР сложилась специфическая билингвистическая национально-русская культура.

Важную роль в создании и поддержании этого общего ядра сыграла *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности (синтезу Просвещения и космического чувства традиционного общества).

Выросшая из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР к *русской класси-*

---

⁴⁶ Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы философии. 1991. № 8.

⁴⁷ Мякишев А.П. Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 243.

⁴⁸ Галлямов Р.Р. Двуязычие в городах Башкортостана // СОЦИС. 1997. № 8. С. 52.

ческой литературе. А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где “дети из народа” с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлектирующих “лишних людей”. Если сравнить это с типичным чтивом американского массового “потребителя культуры”, контраст будет потрясающим... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность — советский народ: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика»⁴⁹.

На русском языке писали писатели многих народов СССР: чукча Ю. Рытхей, буряты А. Бальбуров и В. Митыпов, узбек Т. Пулатов, казах О. Сулейманов, а также не имеющие своей письменности юкагиры Т. Одулок и С. Курило.

Многое делалось для интеграции нерусских народов в образовательное пространство. В советских вузах существовал льготный прием для представителей национальных меньшинств⁵⁰. Для коренных народов Севера в 1925 г. был открыт Институт народов Севера, а позже — многочисленные техникумы⁵¹. После революции был учрежден институт для корейцев — единственный на тот момент корейский вуз в мире⁵².

В результате политики советской власти в 1959 г. буряты по уровню образования обошли русское население Восточной Си-

⁴⁹ Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм–ЭКМО, 2006. С. 142–143.

⁵⁰ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 87.

⁵¹ Асеев А.А. Изменение социального облика коренных малочисленных народов Дальнего Востока СССР: 1922–1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2008. С. 22.

⁵² Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 42.

бири, а в 1989 г. доля корейцев, поступивших в вузы, была в два раза больше, чем у всех народов в целом по СССР⁵³.

Важность школы не только в том, что она служит инструментом передачи культурных ценностей, которые с детства связывают людей в народ. Она и воспитывает детей в системе норм человеческих отношений, которые служат важным механизмом *созидания народа*. В этом отношении советская школа резко отличалась от школ западного типа. Это показали большие сравнительные исследования 1970-х годов. Руководитель этого проекта, американский психолог У. Бронфенбреннер, подчеркивает, что уклад советской школы был ориентирован на развитие способности к *сотрудничеству*, а не конкуренции.

Государство стремилось также поддерживать национальную культуру: проводило и поддерживало фольклорные фестивали и т. д. Народные праздники (например, татарский Сабантуй) и общинные традиции самоуправления (как, например, у мордвы) были «советизированы»⁵⁴.

Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую идеологию и тип дискурса (языка, логики, художественных средств и ценностей).

Отметим, что в целом советское общество выработало свою специфическую *центральную мировоззренческую матрицу*. Она видоизменялась со временем, в ней обновлялся ряд символов, переделывались некоторые блоки исторической памяти, но существовало общее мировоззренческое ядро, через которое все народы СССР собирались в надэтническую общность. Целый исторический период этому обществу было присуще сочетание здравого смысла с *антропологическим оптимизмом* — уверенностью, что жизнь человечества может быть устроена лучше и что добро победит зло.

При всех издержках и даже при латентных конфликтах (например, между русскими и казахами, узбеками, армянами в ме-

---

⁵³ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 46, 179.

⁵⁴ Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа: XIX — начало XXI вв.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Казань, 2004. С. 51; Сушкова Ю.Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX — начале XXI вв.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Саранск, 2009. С. 37.

стах проживания национальных меньшинств⁵⁵) в советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии, — формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Это и предопределяло прочность системы межнационального общежития. На начало 1989 г., по данным соцопросов, 77% относились одинаково к людям всех национальностей, 84% были удовлетворены национальными отношениями по месту работы, 44% положительно относились к межнациональным бракам, у 55% были родственники другой национальности, 88% имели друзей — представителей другой национальности⁵⁶. Довольно много было межэтнических браков. Согласно переписи 1959 г., смешанными являлись 10,3% советских семей. К 1970 г. их число возросло до 13,5%, к 1979 г. — до 14,9%, а в 1989 г. — до 17,5%⁵⁷.

2.2. Противоречия и трудности процесса сборки советского народа

Как известно, несмотря на наличие мощных объективных факторов, способствующих сплочению жителей СССР в один народ (нацию), наличие эффективных политических, экономических и культурных механизмов, которые выполняли эту работу, а также наличие политической воли государства, процесс этот не был завершен, а начиная с 1960-х гг. стали ослабевать связи, соединяющие людей в народ. «Антисоветская революция» демонтировала уже, казалось бы, надежно собранный и воспроизводящийся советский народ. Теперь само выживание России в любой мыслимой конфигурации зависит от того, смогут ли общество и государство создать механизмы, способные воссоздать народ — в новых формах, отвечающих новым условиям.

Советский проект был большим *цивилизационным* проектом мирового масштаба. В философской базе подобных проектов

⁵⁵ Мякишев А.П. Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 230–232.

⁵⁶ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 177.

⁵⁷ Население мира: демографический справочник. М., 1989.

соединяются и постоянно взаимодействуют массовое *обыденное сознание* («здравый смысл» народов), *теория* (в понятиях которой мыслит правящая элита) и *утопия* (идеальный образ будущего — «стремление вдаль, братающее нас»). Резкое несоответствие какого-то компонента двум другим может быть временно компенсировано суррогатами («шунтирующими» вставками), но в длительной перспективе приводит к кризису всю философскую базу.

В советском обществоведении, как и в дореволюционном марксистском, этническим общностям как субъектам и объектам политики и экономики придавалось гораздо меньшее значение, нежели классам. В программной книге 1983 г. Ю.В. Бромлей пишет, ссылаясь на общие замечания Ленина: «С момента возникновения классов они выдвигаются в жизни общества на передний план. Поэтому деление на классы приобретает в ней гораздо большее значение, чем принадлежность людей к иным социальным общностям»⁵⁸.

Этот сдвиг к господству в общественной мысли формационного подхода, приглушающего значение этнических и национальных факторов, в дальнейшем имел тяжелые последствия для советского обществоведения, сильно ограничил его познавательные возможности. И в то же время мы не можем не видеть, что этот идеологический и даже философский выбор руководства большевиков (и вообще русских социал-демократов) в тот момент сыграл исключительно важную роль в том, что после Октября 1917 г. русский народ был принят Западом как легитимный субъект истории. Более того, он приобрел мощного союзника в лице западного рабочего класса и левой интеллигенции. Такое изменение статуса во взаимоотношениях со *значимыми иными* сыграло исключительно важную роль и в укреплении этнических связей в самом русском народе, так что недооценивать этот фактор никак нельзя.

А.С. Панарин настойчиво подчеркивает роль, которую сыграла в тот критический период (и вплоть до конца 1950-х гг.) «марксистская оболочка» русской революции. Он пишет о том, как большевикам удалось на время нейтрализовать русофобию Запада: «Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира

---

⁵⁸ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 30.

антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде “a la cozak”, вызывающего у западного обывателя впечатление “дурной азиатской экзотики”, он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: “передового пролетария”. Этот передовой пролетарий получил платформу для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке “передового учения”. Превратившись из экзотического национального типа в “общечеловечески приятного” пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом “переговорном процессе”, касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив.

С другой стороны, марксизм выражал достаточно глубокую, рефлексивную самокритику Запада: от нее Запад не мог отмахнуться как от чего-то внешнего, олицетворяющего пресловутый “конфликт цивилизаций”...»⁵⁹.

Совершенно по-иному, не в конфронтации со «значимыми иными», а в духе оптимистической *всечеловечности* происходила и этнизация советского народа *иными*, что спасало советский народ от соблазнов этнонационализма и скрепляло как гражданскую нацию.

В дальнейшем негативное воздействие «оболочки» марксизма стало нарастать, особенно по мере того, как с политической и общественной сцены уходило поколение, обладавшее запасом «неявного знания» о национальной проблематике, унаследованного от старой российской государственности. Это неявное знание не нашло отражения в текстах и в малой степени оказалось переданным поколениям послевоенным. Оно стало иссякать, и «оболочка» истмата превратилась в действующие структуры сознания образованного слоя.

В идеологизированных книгах, на которых училась советская интеллигенция 1960–1980-х гг., всякая попытка отойти от классового подхода вызывала ругань. Но главное даже не в статусе проблемы, а в том, что принятая в марксизме и унаследованная советским обществоведением теория этничности и нации была ошибочной в принципе и негодной для проектирования и строительства народа именно в Советском Союзе.

⁵⁹ Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм–ЭКМО, 2006. С. 139.

Как было показано выше, представления о народах Маркса и Энгельса были унаследованы от романтической немецкой философии и лежали в русле примордиализма. В целостном виде теорию нации основоположники марксизма не изложили. Это сделал австрийский марксист О. Бауэр — его книга «Национальный вопрос и социал-демократия» была издана в 1909 г. на русском языке в Петербурге. Из ее положений и исходили российские марксисты. Бауэр продолжает традицию немецкого романтизма и представляет нацию как общность, связанную кровным родством — «общей кровью»⁶⁰. Формулу Бауэра принял Сталин, хотя и выбросив из нее «кровь».

Но суть теории не меняется от того, что из нее выбрасываются кое-какие одиозные термины. Главное, что в СССР была принята и утверждена официально *парадигма* примордиализма. В итоговом издании, отмеченном авторитетом АН СССР, было сказано (1983): «Среди всего многообразия человеческих общностей этносы, несомненно, должны быть отнесены к тем, что возникают не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса»⁶¹. Таким образом, сознательное «конструирование» советского народа, его создание *по воле людей* официально отвергалось. Оно должно было идти только *естественным* путем (на деле это означало, что созидаящая народ деятельность должна была проводиться вопреки официальной теории, в интеллектуальном смысле *подпольно*). Это — кардинальное отличие от сознательного целенаправленного *нациестроительства*, которое осуществляли западные страны (прежде всего Франция и США).

Сам факт принятия вполне определенной теоретической концепции был, видимо, даже не замечен российской интеллигенцией всех направлений. Прежде всего потому, что, как было сказано выше, примордиализм присущ обыденному сознанию. Значит проблема выбора теории могла бы встать лишь в том случае, если бы возникла открытая дискуссия по этому поводу в образованной среде. Но домарксистская русская интеллигенция тоже находилась под влиянием немецкой философии. Так, представления о народах Н.Я. Данилевского вполне созвучны

⁶⁰ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 209.

⁶¹ Там же. С. 49.

Гегелю и Энгельсу. Народы, создающие культурно-исторический тип, являются у Данилевского *прогрессивными*, а разрушающие его (монголы, турки) — реакционными. Остальные народы он считал *неисторическими*.

Теоретические рассуждения советских идеологов сочетают примордиализм с формационным подходом — были нации буржуазные и феодальные, стали социалистические. В установочной книге 1967 г. говорится, что при социализме происходят два процесса развития народов — превращение старых наций в социалистические нации и «развитие народностей (киргизы, таджики, туркмены и др.) до уровня наций»⁶².

Предполагалось, что советский народ по своей природе не является нацией и не станет ею, а все отдельные народы СССР дорастут до статуса социалистических наций, а затем, в далеком будущем, *сольются*. Во что сольются — не говорилось. В той же книге дана серия таких формул: «Советский народ отнюдь не является нацией», хотя реакционные западные идеологи утверждают, что цель КПСС «в слиянии всех наций и народов в единой нации советско-русского типа». И далее: «Укрепление советской общности, вопреки измышлениям антикоммунистов, отнюдь не означало растворения наций в этой общности... Сущность интернациональной общности как раз состоит в том, что она как продукт сближения наций выполняет роль переходной от нации к будущему безнациональному существованию... “Единый многонациональный народ” — здесь как нельзя лучше выражено существо советской общности людей, невиданной в истории»⁶³.

Из такого упорного отказа признать советский народ нацией следовало множество практических установок. Чем же был вызван этот отказ?

О различиях в понятийно-терминологическом аппарате советской и западной (преимущественно англоязычной) науки — в том, что связано с «нацией» — написано уже вполне достаточно, чтобы больше не возвращаться к этой теме. Но проблема заключается не только в терминологии, хотя и сам факт, что од-

⁶² Рогачев П.М., Свердлин М.А. Нации — народ — человечество. М.: Политиздат, 1967. С. 86.

⁶³ Там же. С. 86, 89–90.

ним и тем же термином обозначают весьма разные явления, выглядит абсурдом. Благодаря своему упорному стремлению сохранить «самобытность», уберечь свои теории и профессиональный язык от внешних влияний, отечественное обществоведение попало в концептуальный тупик. Наши ученые не отваживались отрицать существование американской, бразильской или индийской наций, признавали принадлежность СССР к Организации Объединенных Наций, но даже не допускали мысли о возможности понятия «советская нация». А в период развала СССР эта несуразица активно использовалась теми, кто пытался доказать, что СССР — это «не страна и не государство», без своей нации, без народа и поэтому — без права на существование⁶⁴.

Одна из причин, по которым советские этнологи своими схоластическими дебатами о нациях и народах загнали себя в тупик, заключается в давлении формационного подхода. Маркс и Энгельс различали нации феодальные, крестьянские и буржуазные — значит в СССР должны быть нации социалистические. Но они уже есть: в 1936 г. Сталин сказал, что в СССР проживают «около 60 наций, национальных групп и народностей». Что же, эти нации растворяются в *советской* нации? Эта мысль неприемлема, т. к. антисоветские идеологи в качестве одного из главных обвинений в адрес СССР утверждали, что советская национальная политика направлена на ассимиляцию народов и наций (знали, чем напугать...).

Л.И. Брежнев в докладе о проекте Конституции СССР в 1977 г. отвергал это обвинение: «Мы встали бы на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций». Даже признать этот процесс целенаправленным считалось невозможным, *объективное* было в советском обществоведении равноценным *разрешенному* свыше. В том же духе выступал и Ю.В. Андропов, обещая что национальные различия в СССР «будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые».

Ю.В. Бромлей, как глава советской этнологии, так и объясняет отказ считать советский народ нацией: «Для возражений есть тем большие основания, что подобная характеристика

⁶⁴ Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. С. 141–142.

советского народа означала бы косвенное отрицание реального факта существования наций в составе советского государства»⁶⁵.

Указывают и еще на одну причину, хотя она кажется совсем неправдоподобной: без наций в составе советского народа никак нельзя, потому что советская идеология исходит из *интернационализма*; а как же он без наций?!

Подытожим этот пункт. Очень трудно строить — тем более такой сложный объект, как полиэтническую нацию (советский народ), — если официальная теория и идеология утверждают, что *строить нельзя*, что «изделие» должно возникнуть само собой, *естественным* путем. Многим читателям, думаем, будет трудно в это поверить, поскольку нас очень долго учили, что *бытие определяет сознание*, и теории особой роли не играют — бытие себе дорогу пробьет. На деле человек тем и отличается от пчелы или бобра тем, что он строит, *всегда* исходя из теории, пусть и упрощенной. А в XX в. теория как способ организации мышления вообще заняла слишком важное место в мышлении образованного человека — оно «заиклилось» на теориях.

И если французы или отцы-основатели США рассуждали о собирании, сохранении и ремонте своих наций спокойно и деловито, как инженеры на технических совещаниях, то проектировщики советского народа в СССР окутывали свои изобретения и разумные идеи массой туманных оговорок, ссылок и недомолвок. Но пока практическая политика не была экранирована от реальности огромным сословием ученых-обществоведов, многое удавалось сделать. Применялся весь набор «сил созидания» советского народа из собравшихся в страну народов, народностей и этнических общностей. Насколько эффективным было это строительство, показал опыт Великой Отечественной войны. Западные специалисты считали, что сплотить за такой короткий срок полторы сотни народов в крепкую самоотверженную нацию невозможно.

Следующая болевая точка — федеративное устройство СССР. Большинство ученых и политиков, говорящих о советской национальной политике, одной из главных причин кризиса совет-

⁶⁵ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 373. При этом сам Ю.В. Бромлей признает «наличие у советского народа не только общих черт, но и специфических особенностей», т. е. появление новых качеств, что и служит признаком возникновения нации.

ской государственности в 1980-е гг. считают ошибочное, по их мнению, решение партии большевиков и лично Ленина создавать СССР как федерацию — с *огосударствлением* народов и народностей бывшей Российской империи. Дескать, если бы поделили страну на губернии, без всякой национальной окраски, без каких-то «титульных наций» с их правом на самоопределение вплоть до отделения, то и не было бы никаких национальных проблем и никакого сепаратизма.

Вот первое условие, которое предопределило принятие советской властью доктрины федерализма, — *укорененность* этой идеи в общественном сознании. Федералистские идеи развивались в России уже в первой трети XIX века. Декабристы разрабатывали две программы государственного устройства: Пестель — унитарного и Никита Муравьев — федерального. В федерализме стала вызревать идея России как федерации *народов*. В начале XX в. возникают национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками (например, армянская партия Дашнакцутюн). Важнейший для нашей темы исторический факт состоит в том, что эти настроения господствовали во всем революционном движении России. Это значит, что реальной возможности учредить в ходе Гражданской войны унитарное государство, разделенное на безнациональные административные единицы, не существовало.

Это и заставило большевиков изменить их первоначальные намерения. Ведь накануне Февральской революции Ленин был *противником* федерализации. Ленину больше импонировала французская модель, и он выступал за трансформацию Российской империи в русскую демократическую республику — *унитарную и централистскую*. Это видно и из его опубликованных тогда трудов, и из его конспектов, в которых он делал выписки при изучении федерализма⁶⁶. Ленин еще в революцию 1917 г. оценил важность федерализма, а обстановка Гражданской войны его еще более в этом убедила; другие члены руководства (например, Дзержинский и Сталин) продолжали придерживаться идеи унитарного государства, и их поддерживало руководство большинства советских республик. Потому Сталин и выдвинул

⁶⁶ Ленин В.И. ПСС: В 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 33. С. 72, 147.

план *автономизации*, предлагавший объединение всех республик в составе РСФСР на правах автономий. Однако в ходе обсуждения они согласились с доводами Ленина.

Таким образом, для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи или преобразовать ее в федерацию республик. Задача состояла в том, чтобы *собрать* разделившиеся куски бывшей империи. Собираение могло быть проведено или в войне с национальными элитами «кусков», или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения; и со стороны Советского государства Гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что предотвратило еще большее кровопролитие в России. Работа по «собираению» страны велась уже во время войны (историки называют это военно-политическим союзом советских республик). Скорее всего иного пути собрать Россию и закончить Гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно⁶⁷.

Факт заключается в том, что большевики в октябре 1917 г. *унаследовали* национальные движения, которые вызревали уже в царской России и активизировались после Февраля. Можно с уверенностью сказать, что если бы Российская империя сумела преодолеть системный кризис 1905–1917 гг. и продолжить свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии и национальной интеллигенции неминуемо привело бы к мощным политическим движениям, требующим отделения от России и создания национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах Центра самой России. Монархическая государственность

⁶⁷ С.В. Чешко, автор одной из самых взвешенных книг на эту тему, считал, что «образование СССР явилось наиболее вероятным в тех условиях решением проблемы обустройства постреволюционной России» — см. *Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ.* М., 1996. С. 93.

с этим справиться не смогла бы, и Российская империя была бы демонтирована. Большевики в 1920-е гг. нашли способ обуздать эти движения (а в конце XX в. просоветская часть КПСС такого способа не нашла).

В 1934 г. из 2443 районов, имевшихся в СССР, только 240 считались *национальными*. В сельсоветах только один из 12 мог считаться *национальным*. Критерию мононациональной общности на низовом уровне удовлетворяла лишь небольшая часть административных единиц. Поэтому в конце 1930-х гг. национальные районы и сельсоветы были ликвидированы⁶⁸. Этнизировать государственность оказалось возможным лишь на уровне более крупных единиц — автономных и союзных республик, которые все были многонациональными. Но национальные границы в СССР, особенно в Центральной Азии, не совпадали с границами расселения этнически перемешанного населения региона. Много узбеков живет в Киргизии, таджиков — в Узбекистане, особенно в городах, и т. д. Кроме того, в политических целях был создан светский анклав еврейства в СССР — Еврейская автономная область⁶⁹.

Можно ли было в какой-то момент отойти от принципов федерализма, которые в массовом сознании уже были чистой формальностью (как, например, «граница» между РСФСР и УССР)? Сегодня этот вопрос представляет чисто академический интерес. Его никто и не обсуждает. Исторический факт заключается в том, что сознательные меры по контролю за этническими процессами были прекращены с демонтажем тоталитаризма во второй половине 1950-х годов. Было официально объявлено, что национального вопроса в СССР «не существует».

Между тем существенная часть населения тех территорий, которые были включены в состав СССР только в 1939–1940 гг. (Западная Украина, Прибалтика) занимала антисоветские позиции. Например, во время Великой Отечественной войны в Советской армии воевали 35 тыс. эстонцев, а на стороне

---

⁶⁸ Вдовин А.И. Этнополитика и формирование новой государственности в России // Кентавр. 1994. № 1.

⁶⁹ Бренер И.С. Еврейская автономная область: между мифом и реальностью: культурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2010. С. 19, 21.

вермахта — более 45 тыс. Публикации изданий украинских националистов-эмигрантов, которые распространялись на Западной Украине, были наполнены крайней, из ряда вон выходящей русофобией.

Еще один важный момент — соотнесенность веса этнических элит с Центром. Предельно много представителей национальных меньшинств (в частности, латышей и евреев) было в советской элите в первые послереволюционные годы (рис. 2.2–2.4)⁷⁰.

В сталинский период представительство национальных меньшинств в государственной политической элите СССР заметно снижается. К концу правления И.В. Сталина оно в 2,3 раза было меньше, чем в начальной революционной точке советского элитообразования.

Применительно к периоду властвования И.В. Сталина заслуживают особого внимания показатели динамики долевого представительства в ЦК еврейских политических кадров. Резкое снижение их удельного веса фиксируется на начальном периоде сталинского правления. Эти изменения хронологически соотносятся с разгромом троцкистской оппозиции. В дальнейшем, в 1930-е гг. представительство еврейского клана не только не уменьшилось, но даже несколько возросло. Полученные данные вступают, таким образом, в противоречие с распространенным в последние годы историографическим представлением о пре-

⁷⁰ Данные рис. 1–3 по материалам: Центральный Комитет КПСС. Историко-биографический справочник / Сост. Ю.В. Горячев. М.: Издательский дом «Парад», 2005; *Абрамов А.* У Кремлевской стены. М.: Политиздат, 1987; Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Справочник: В 2 т. Л.: Лениздат, 1967; Герои Октября. Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. Справочник. М.: Московский рабочий, 1967; Депутаты Верховного Совета СССР. Справочник. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1958, 1962, 1966, 1970, 1974, 1979, 1984; *Ивкин В.И.* Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991. Историко-биографический справочник. М.: РОССПЭН, 1999; *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел: Орелиздат, 2000; Народные депутаты СССР. Справочник. М.: Известия, 1990; *Чернев А.Д.* 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. Компартии в лицах и цифрах. Справочник. М.: Редакция журнала «Родина», Центр «Руссика», 1996.

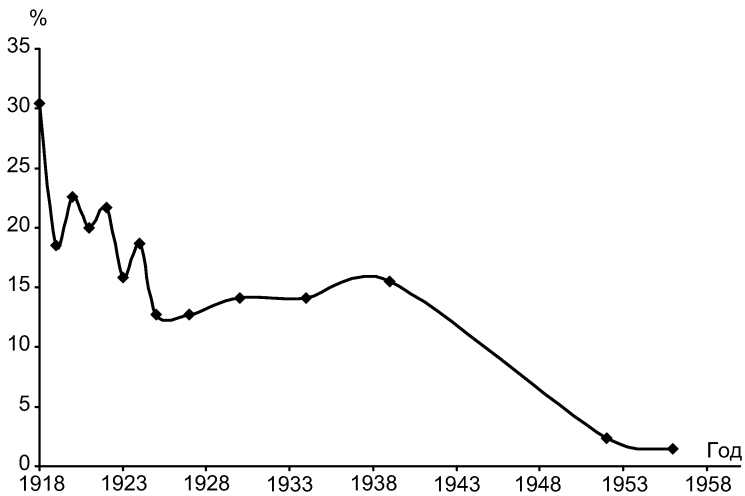

Рис. 2.2. Представительство евреев в составе ЦК

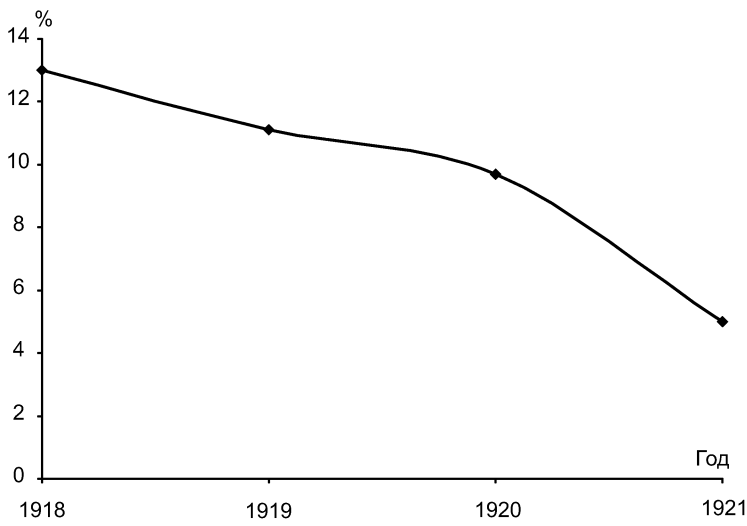

Рис. 2.3. Представительство латышей в составе ЦК
в первые послереволюционные годы

имущественно антисемитской направленности сталинской партийной чистки. Еще в 1939 г. евреи занимали второе после русских место в ЦК по абсолютному численному представительству. Ситуация принципиально изменилась только в послевоенный период, на волне кампании борьбы с «безродным космополитизмом». После XIX съезда (1952 г.) долевое представительство евреев в советской политической элите сократилось в сравнении с предшествующим составом в 6,5 раза едино- временно.

При Н.С. Хрущеве доля национальных меньшинств в советской политике вновь возрастает. На первые позиции этнического кланообразования выходят украинцы. Именно в хрущевский период был достигнут исторический максимум украинского представительства в ЦК. Исследование траектории количественной представленности украинцев на высшем уровне советской государственной власти четко фиксирует наличие резкого подъема в период правления Н.С. Хрущева, что позволяет констатировать фактор клановой ангажированности политических инкорпораций (рис. 2.4).

На время руководства партией Л.И. Брежневым приходится очередной спад представительства национальных меньшинств в высшей политической элите. Состоявшийся в 1976 г. XXV съезд зафиксировал исторический минимум их удельного веса в составе избранного Центрального Комитета. Однако это понижение сменяется скачкообразным подъемом инкорпорации во власть национальных кадров в период перестройки. К моменту краха советской системы их представительство приближалось к половине численного состава партийной элиты. По отношению к 1986 г. их удельный вес возрос почти в два раза. Это была самая существенная перекройка этнической структуры политической элиты за весь советский период.

Бомбой замедленного действия оказались депортации отдельных этносов, которые осуществлялись в 1920–1940-е гг. В 1937 г. 170 тыс. корейцев были сосланы в Среднюю Азию из-за опасения, что они поддержат Японию — частью которой на тот момент была Корея — в военном конфликте с СССР⁷¹. Во время войны

⁷¹ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 43.

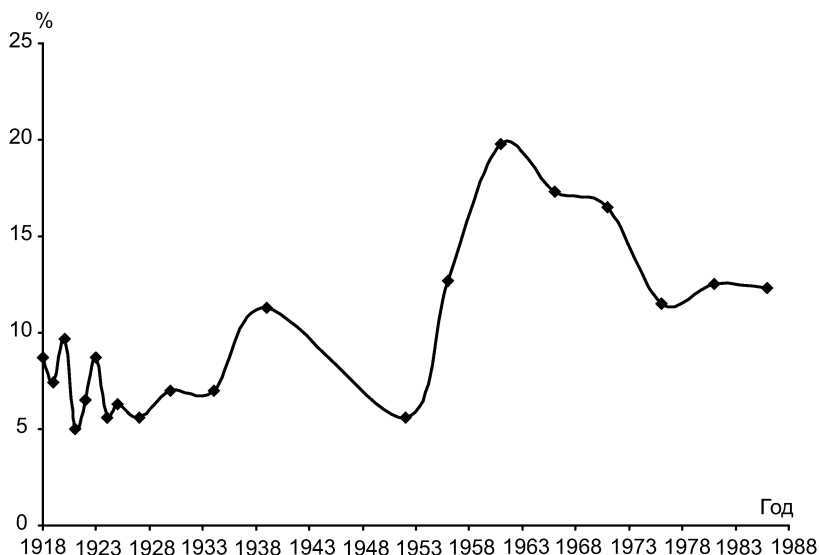

Рис. 2.4. Представительство украинцев в составе ЦК

были проведены массовые депортации немцев, калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, ногайцев, турок-месхетинцев, понтийских греков, болгар, крымских цыган, курдов — в основном по обвинению в коллаборационизме, распространенному на весь народ. Особенно обвиняли в этом народы Северного Кавказа, представители которых часто оказывали поддержку родственникам, воевавшим на стороне вермахта⁷². Были ликвидированы (если они существовали) автономии этих народов. Всего в годы Великой Отечественной войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности⁷³. Из них семь — немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары — лишились при этом и своих национальных автономий.

⁷² Скворцова И.В. Народы Северо-Кавказского региона в Великой Отечественной войне: анализ социально-экономических проблем и межнациональных отношений: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2004. С. 18.

⁷³ Бугай Н. Депортация народов. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1237.html.

Но при этом представители депортированных народов не исключались из ВКП(б) и ВЛКСМ, не лишались избирательных прав.

В 1954–1956 гг. стали снимать ограничения со спецпоселенцев и началась реабилитация депортированных народов⁷⁴. В 1957–1958 гг. были восстановлены национальные автономии калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев; этим народам было разрешено вернуться на свои исторические территории. Возвращение репрессированных народов осуществлялось не без сложностей, которые и тогда, и впоследствии привели к национальным конфликтам (так, начались столкновения между возвращавшимися чеченцами и заселенными за время их изгнания в Грозненскую область русскими; а также ингушами, которые вернулись в Пригородный район, уже заселенный осетинами и переданный Северо-Осетинской АССР⁷⁵).

Однако значительной части репрессированных народов (поволжским немцам, крымским татарам, туркам-месхетинцам, грекам, корейцам и др.) и в это время не были возвращены ни национальные автономии (если такие были), ни право вернуться на историческую родину.

Некоторые народы испытывали до 1970-х гг. некоторые ограничения: так, корейцам даже после реабилитации было проблематично продвигаться по государственной службе⁷⁶. Только в 1989 г. Декларацией Верховного Совета СССР были реабилитированы все репрессированные народы и признаны незаконными и преступными репрессивные акты против них на государственном уровне. В 1991 г. был принят Закон о репрессированных народах, возложивший ответственность за депортацию целиком на государство.

Депортация оказала пагубное влияние на традиционный образ жизни народов: так, у чеченцев было фактически уничтоже-

⁷⁴ Депортация народов в СССР. URL: <http://www.ria.ru/society/20091114/193419498.html>.

⁷⁵ Кыдыралина Ж.У. Этничность и власть (социально-этнические конфликты в Казахстане в советский период) // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 122.

⁷⁶ Цай В.И. Межнациональные отношения в СССР и Российской Федерации. М.: Экон-Информ, 2004. С. 45.

но террасное земледелие⁷⁷. Сказалась депортация и на семейных устоях: среди калмыков, например, существенно вырос процент разводов⁷⁸. Сам факт «коллективного горя», культивация национальной обиды оказались серьезной миной в национальных отношениях.

Таким образом, советской властью был «посеян» потенциал политизированной этничности, который со временем и *при определенных условиях* мог вырасти до непредсказуемых размеров. Так оно и вышло: никто не мог даже в середине 1980-х гг. предсказать, что через три года начнется война между Советской Арменией и Советским Азербайджаном. Это был провал обществоведения, но теперь-то надо учесть результаты последующего анализа. Вот что пишут американские специалисты по национальным отношениям в СССР: «Парадоксально и вопреки ожиданиям коммунистов и большинства западных наблюдателей, но в Советском Союзе образовались новые нации, более сильные и более сплоченные, чем исторические этнические сообщества, на основе которых они возникли»⁷⁹. (Выделено авт.). Итак, процесс этот происходил «вопреки ожиданиям» большинства специалистов, т. е. не был тривиальным и предсказуемым. Более того, ход его был *парадоксальным*, т. е. перед нами — необычная система с мощными и скрытыми синергическими эффектами. Дальнейшее ее описание показывает, что движущие силы этого процесса были неустранимы, поскольку главной из них было «создание национального рабочего класса, новоурбанизированного населения, национальной интеллигенции и этнической политической элиты». Все это — необходимые условия развития страны.

Были сложности также в ментальной и культурной жизни. Прежде всего это касается исторической памяти. В течение 1920-х гг. в СССР велась интенсивная кампания по вытеснению из исторической памяти всех символов прежней России. Тогдашний глава официальной исторической науки М.Н. Покров-

---

⁷⁷ Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. С. 12.

⁷⁸ Бадмаева Ц.А. Этнокультурные ценности калмыков: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007. С. 18.

⁷⁹ Манугян А., Суни Р. Советский Союз: национализм и внешний мир // Общественные науки и современность. 1991. № 3.

ский прямо определил, что древняя и средневековая история «не нужны». Глубина упоминания исторических событий и лиц для СМИ была ограничена XVIII веком. До 1934 г. история была исключена как предмет из учебных планов школы. В 1931 г. была прекращена подготовка историков в Московском и Ленинградском университетах. Только в середине 1930-х гг. был осуществлен поворот к российскому прошлому и культу национальных (а не только советских) героев.

И все же разрушительная программа революционных и либеральных демократов царской России воспроизвелась еще в начале 1920-х гг. далеко не полностью. Уже с Октября 1917 г. в советской идеологии был силен державный национальный дух. Иван Солоневич отметил важную вещь: «Советская историография всех “эпох” советской политики внесла в русскую историографию очень много нового: она, во-первых, раскрыла все тайны и все архивы и вывернула наизнанку все грехи русского прошлого, а такие грехи, конечно, были. И, во-вторых, в последний период, в период “национализации”, именно советская историография сделала очень много для того, чтобы отмыть русское прошлое от того презрения, которым его обливали почти все русские историки. Как ни парадоксально это звучит, именно советская историография — отчасти и литература — проделали ту работу, которую нам, монархистам, нужно было проделать давно: борьбу против преклонения перед Западной Европой, борьбу за самостояние русской государственности и русской культуры... Во всяком случае, привычного русского самоослепления в советской историографии нет. А наша старая историография, собственно, почти только этим и занималась»⁸⁰.

Свернуть всю эту кампанию удалось только после того, как была разгромлена — причем самыми жестокими методами — «оппозиция» в ВКП(б). Резкий поворот был совершен после XVII съезда ВКП(б), в мае 1934 г., с выходом постановления правительства и ЦК ВКП(б), которым вводилось преподавание истории в средней школе; затем последовало постановление о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР. Было предписано «преодо-

⁸⁰ Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: ЭКСМО–Алгоритм, 2003. С. 248.

леть левацкие ошибки М.Н. Покровского»; тогда же был образован исторический факультет МГУ.

Советская политика имела и свои культурные издержки. На культуре народов СССР пагубно сказались, во-первых, *массовые гонения на религию*, которые в том или ином виде сохранялись на всем периоде существования Советского Союза. Гонения на православных, породившие множество новомучеников, послужили серьезной причиной для отторжения советской власти большинством верующих, воспринимающих СССР как безбожное государство. Помимо всего прочего, это серьезно подрывало одну из национальных скреп, а в среде нерусских народов — особенно этносов мусульманской культуры — вызывало обвинения в адрес федеральной власти в грубом пренебрежении национальными традициями. Серьезное и обоснованное обвинение в разрушении традиционной русской культуры, в насаждении квазирелигии предъявляли и предъявляют советской власти православные христиане, а также светская интеллигенция.

Во-вторых, политика коллективизации и индустриализации ударила по *традиционному образу жизни*: в Казахстане коллективизация сельского хозяйства привела к потере 40% населения. Кочевое население было насильственно прикреплено к земле, что коренным образом изменило его национальный образ жизни⁸¹. С 1950-х гг. среди коренных народов Севера начинается кризис оленеводства, связанный с постепенной ликвидацией кочевого образа жизни⁸². Пагубно отразились изменения в образе жизни, например, народов Севера и на традиционном хозяйстве: так, за три года коллективизации (1932–1934 гг.) поголовье домашних северных оленей в СССР сократилось почти на треть⁸³; к 1989 г. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах было погублено 11 млрд га оленеводческих пастбищ,

---

⁸¹ Манугян А., Суни Р. Советский Союз: национализм и внешний мир // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 108.

⁸² Колтакова Т.А. Политика Советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: 1945–1960 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. С. 13, 18.

⁸³ Рывкина Р.В., Косалс Л.Я., Ковалкина К.А. Малочисленные народы Севера СССР: итоги жизни в империи и перспективы // СОЦИС. 1992. № 4. С. 38.

28 промысловых рек, 17,7 тыс. га нерестилищ и нагульных участков⁸⁴.

Разрушение привычного образа жизни отразилось и на самосознании этноса. Кризис традиционного уклада был отражен и в национальной литературе — например, в творчестве ненки А. Неркаги и ханты Р. Ругина⁸⁵.

Приобщение к русскому образованию не происходило без трудностей: так, чеченцы с 1959 по 1990 гг. стабильно показывали самый низкий образовательный уровень по СССР⁸⁶, с трудом поддаваясь малейшей ассимиляции. Интернаты на Севере, в которые забирали представителей коренных народов, способствовали отрыву детей от традиционного образа жизни предков⁸⁷.

Одной из важнейших сил, скрепляющих людей в народ, является *язык* — как устный, так и письменность. Основа письменности — алфавит, в котором важно и соответствие звукам родного языка, и графика, и написание букв и их расположение, а также история создания. В отношении русского языка в 1920–1930-е гг. в советском обществе велась глухая, но непримиримая борьба. Были силы, которые укрепляли связь советского русского языка с его традиционной основой (из поэтов можно назвать Хлебникова, Маяковского, Есенина и Клюева); были и авангардисты, которые стремились разрушить «архаические» структуры языка.

Эта борьба в официальной советской истории была отражена в сглаженном виде — действовала установка на объединение общества. Но сейчас надо вспомнить и извлечь уроки. Ведь вплоть до начала 1930-х гг. велась кампания за перевод русского языка на латинский алфавит, что нанесло бы тяжелый удар по

⁸⁴ Аверин А.Н. Проблемы малочисленных народов Севера // СОЦИС. 1990. № 5. С. 104.

⁸⁵ Цымбалистенко Н.В. Литературно-художественное осмысление исторических судеб коренных народов северо-запада Сибири: на материале ненецкой и хантыйской литератур: Автореф. дис. ... докт. фил. наук. СПб., 2005. С. 21, 23.

⁸⁶ Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2005. С. 20.

⁸⁷ Колпакова Т.А. Политика Советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: 1945–1960 гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. С. 20.

национальному сознанию русского народа. И эту кампанию поддерживал нарком просвещения А. Луначарский.

Он опирался на доводы, почерпнутые из марксизма, прежде всего исходя из примата «производительных сил». В своей статье 1930 г. А. Луначарский писал: «Графические формы современного русского алфавита отвечают более низкому уровню развития производительных сил, а следовательно, и техники чтения и письма дореволюционной царской России»⁸⁸.

В языковой сфере существовали не только эти проблемы: так, билингвизм не всегда сохранял равновесие между родным языком и государственным: поколение народов Севера (родившиеся в 1950–1960-х гг.) фактически утратили родной язык⁸⁹.

Все описанные выше в этой главе проблемы и трудности обострились в 1980-е гг.: как только идеи прогресса и единое социалистическое содержание национальных культур в СССР в конце перестройки лишились своих идеологических, политических и экономических оснований, на первый план вышла агрессивная политизированная этничность, и «архитекторы» взорвали ее мину под государственностью. Уничтожение социальной основы, на которой собиралась «семья народов» («приватизация» в широком смысле слова), разрушило все здание межнационального общежития.

---

⁸⁸ Цит. по: Иголкин А. Историческая память как объект манипулирования. Статья // Россия–XXI. 1996. № 3–6. С. 37.

⁸⁹ Ахметова А.В. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: 1960-е – начало 1980-х гг.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. С. 24.

Глава 3. Нация в современной России

В РФ параллельно со стимулированием разделяющего этно-национализма ведется интенсивная кампания по дискредитации и подавлению национализма гражданского (условно говоря, российского «евронационализма»). В этой кампании антисоветские идеологи работают на два фронта.

Прежде всего они эксплуатируют сохранившиеся в массовом сознании стереотипы советского интернационализма, в котором ради упрощения само понятие национализма было выхолощено и приравнено к *национальному эгоизму*. Это было одной из самых тяжелых деформаций советского обществоведения. Она не только лишила общество развитых интеллектуальных инструментов для понимания этнических процессов, но и отгородила советскую интеллигенцию от важного для России опыта нациестроительства других стран (в советском идеологическом пространстве не было, например, места для рассуждений Сунь Ятсена о «сокровище национализма»).

Второй фронт нынешней кампании против национализма в РФ — противопоставление национализма демократии и идее прав человека. Здесь эксплуатируются стереотипы, присущие сознанию большинства русских — притом что некоторые вынуждены ради сохранения «сокровища национализма», заявлять о своем неприятии принципов демократии. Представление национализма как антипода демократии и прав человека есть злонамеренная идеологическая диверсия. Национализм объявляется врагом демократии и прав человека именно тогда, когда он действует ради сплочения народа в борьбе за свои интересы против поползновений «золотого миллиарда». Имперский национализм США «демократические» СМИ никогда не назовут антиподом демократии — даже если они посылают авиацию бомбить города, села и мосты Сербии или Ирака. Проблема в том, что этим СМИ верит слишком большая часть интеллигенции. Это ее ошибка, которая именно нам в России может дорого обойтись. Дело в том, что противопоставление демократии и национализма загоняет общество в порочный круг, из которого бывает очень

трудно вырваться. Это известно и из истории, и из современной этнологии.

Итак, первый тезис заключается в том, что атака на национализм «от демократии» *бесполезна*. Эмпирический опыт показывает, что «укрощению национализма» это несколько не помогает, а по большей части наоборот — укрепляет его, но зато ослабляет позиции демократических сил. Говоря о политике конфронтации с национализмом, Э. Кисс делает такой вывод: «Это нецелесообразно по двум причинам. Первая из них состоит в том, что при этом укрепляется точка зрения, предполагающая поляризацию между демократами и националистами... При малейшей возможности такой поляризации следует избегать, поскольку она способствует нарастанию националистического экстремизма. Гораздо предпочтительнее политика, поддерживающая умеренных националистов, которые, с одной стороны, защищают свои национальные интересы, но которые при этом готовы и к компромиссам для создания устойчивых демократических институтов.

Вторая причина, по которой нецелесообразно противопоставление демократии и национализма в обществах, разделенных изнутри по национальному признаку, состоит в том, что при этом затемняется тот факт, что чисто гражданские демократические институты, не уделяющие внимания согласованию интересов этнических групп, сами могут оказываться дестабилизирующими и даже небеспристрастными»¹.

Вместо попыток подавления национализма демократическим силам следует вырабатывать политику *согласования*. Вот смысл разумной и эффективной демократии — «уважение к законным устремлениям националистов при одновременном соблюдении прав человека». На практике чаще встречается полное неуважение к законным устремлениям националистов, лишение их доступа к СМИ, провокации и попытки подавления. А на деле тупое применение перенесенных из другой социокультурной реальности демократических норм означает дискриминацию на-

---

¹ Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 165.

родов — причем не только меньшинств, но иногда и этнического большинства населения.

Очевидно, что этноцентризм нерусских народов, а тем более этнократические установки в национальных республиках и округах, опираются на примордиалистские представления об этничности и становятся важнейшим препятствием в формировании российской гражданской нации.

Этноцентризм частей России оказывается направлен против ее ядра. И теперь братские в прошлом народы *этнизуют* русских тоже в направлении этноцентризма. Большая программа столкновения русских в коридор этнонационализма понемногу наращивает обороты.

Таким образом, нациестроительство в постсоветской России будет происходить в принципиально иных условиях, чем в Западной Европе, Российской империи и СССР — во всех этих случаях предварительно сложился сильный народ, переживавший культурный подъем и сыгравший роль национального ядра, вокруг которого сплачивались остальные народы и этносы. Сейчас и объективные процессы глобализации, и собственная власть России уже два десятилетия работают на ослабление русского ядра. Значит будет сильно ослаблено и давление «снизу», необходимое для сборки полиэтнической гражданской нации.

Рассмотрим теперь три важнейшие сферы нациестроительства: социально-экономическое состояние населения, социокультурные процессы и состояние межэтнического общежития.

3.1. Социально-экономическое состояние

Преобразование системы потребностей

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть — мир *вещей*. Он неразрывно связан с миром идей и чувств, человек осознает себя, свое положение в мире и в обществе по тому, какими вещами владеет и пользуется. Вещи — символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам — один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние 20 лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы *потребностей*. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала вождеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением «прав человека». «*Так жить нельзя!*» — вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие устои российской цивилизации, отбросить многие заданные ею нравственные ограничения.

Человек создан культурой, и его потребности — также продукт культуры. Биологические потребности человека как живого существа очень невелики. Они даже «подавляются» культурой — большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет лудоедами.

В любом обществе круг потребностей меняется, происходит обмен вещами и идеями с другими народами. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп *иным*.

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось — с сильного наркотика; потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Как известно, «животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет».

Буржуазное общество создало целую индустрию *производства потребностей на экспорт*. Доктрина этого экспорта была отработана в «опиумных войнах». Потребности стали интенсивно экспортироваться Западом через разные механизмы — грубо говоря, и с помощью кино, и с помощью канонерок (теперь авианосцев). Разные народы по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности — западные.

Сейчас в России продолжается большая программа по превращению наших граждан в чахнувших аборигенов, начатая в период перестройки. В прошлом сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную») систему потребностей, служили сословные и кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Так же в середине века было защищено население Индии и в большой степени — Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты — у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности «окопного быта».

В годы перестройки они были обвальным образом обрушены под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это привело к быстрому регрессу хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей.

В результате множество людей не могут удовлетворить даже самые обычные, традиционные жизненные потребности. Но при этом и несбыточные остались! И оттого, что несбыточность их очевидна, но в то же время отвергается сердцем, люди испытывают сильный стресс, который и разрушает структуры созна-

ния. «Хочу “форд” любой ценой!» — это коверкает душу, толкает к разрыву со здравым смыслом и совестью. Многие не выдерживают и скатываются к принятию принципа «человек человеку волк». Рушатся солидарные связи, соединявшие население в народ.

Переход к импортированным из иного общества «несбыточным» потребностям — это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя — ни потакая больному, частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, ни улучшая понемногу «все стороны жизни». Противоречие объективно чревато катастрофой — раскол общества и расщепление каждой личности создают напряжение, которое может разрядиться и ползучей («молекулярной») гражданской войной, и войнами нового, незнакомого нам типа.

Перевод народного хозяйства на рыночную основу

Главная программа реформ, связанная с указанной выше трансформацией потребностей, — превращение российской экономики в *рыночную*. «Рынок» — большая институциональная матрица, которая в той или иной форме существует в любом обществе с самых ранних стадий развития человечества и в каждом обществе окрашена его культурными особенностями. Механизмы рыночной экономики западного типа успешно переносились в разные культуры в ходе их модернизации, приспособлялись к культуре и традициям Японии, Китая, Индии и т. д.

И в России увеличение веса рыночных отношений в нашем жизнеустройстве могло быть успешно осуществлено не в конфронтации, а в согласии с культурой и исторической траекторией России. Однако реформа с самого начала декларировала принцип насильственного переноса в Россию «чистой» англосаксонской модели, уничтожая именно «основу явлений» отечественного хозяйства.

Экономист В.А. Найшуль писал в 1989 г.: «Рыночный механизм управления экономикой — достояние общемировой цивилизации — возник на иной, нежели в нашей стране, культурной почве... Чтобы не потерять важных для нас деталей рыночного

механизма, рынку следует учиться у США, точно так же, как классическому пению — в Италии, а праву — в Англии»². Вот выбор реформаторов: найти «чистый образец» и перенять его.

Эту ложную установку, противоречащую знанию о межнациональном взаимодействии культур, надо было бы считать элементом мракобесия, если бы за этой ширмой не виднелся замысел разрушительной экономической войны.

При освоении достижений иных культур необходим *синтез*, создание новой структуры, выращенной на собственной культурной почве. Утверждение, что «рынку следует учиться у США, а праву — в Англии», — глупость. И рынок, и право — большие подсистемы культуры, в огромной степени сотканые *особенностями* конкретного народа или нации. Они настолько переплетены со всеми человеческими связями, что идея «научиться» им у какого-то одного народа находится на грани абсурда. Почему, например, праву надо учиться у англичан? Разве у французов не было права? А разве рынок в США лучше или «умнее» рынка в Японии?

Что касается рынка, надо послушать самих либералов. Видный современный философ либерализма Джон Грей пишет: «В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией. Такие культурные традиции исторически чрезвычайно разнообразны: в англосаксонских культурах они преимущественно индивидуалистические, в Восточной Азии — коллективистские или ориентированные на нормы большой семьи и т. д. Идея какой-то особой или универсальной связи между успешно функционирующими рыночными институтами и индивидуалистической культурной традицией является историческим мифом, элементом фольклора, созданного неоконсерваторами, прежде всего американскими, а не результатом сколько-нибудь тщательного исторического или социологического исследования»³.

² Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм: Сб. статей. М.: Прогресс, 1989.

³ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003. С. 113–114.

Катастрофическую роль сыграла так называемая приватизация. Социологи так квалифицируют эту операцию (2007 г.): «Самым существенным моментом в экономических, а стало быть, и в социальных, преобразованиях в России в последние пятнадцать лет явилось кардинальное изменение роли частной собственности в жизнедеятельности российского социума. Именно ее утверждение в качестве базовой формы собственности означало переход от одной общественно-экономической формации (так называемый “развитый социализм”) к другой (олигархический капитализм)... Очевидно, что главным инструментом [реформаторов] и в 1990-е гг., и в настоящее время является приватизация. Именно на ее основе была осуществлена небольшой группой номенклатурных чиновников экспроприация собственности государства и денежных средств населения»⁴.

Приватизация 1990-х гг. стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России. Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она опраится после этого удара.

Приватизация вызвала мощный всплеск экономической преступности (часто с насилием и убийствами). Вот заключение криминалистов по состоянию на начало первого десятилетия XXI в.: «В криминальные отношения в настоящее время вовлечены 40% предпринимателей и 66% всех коммерческих структур. Организованной преступностью установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора. Поборами мафии обложено 70–80% приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10–20% от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятий... По некоторым данным, примерно 30% состава высшей элиты в России составляют представители легализованного теневого капитала, организованной преступности»⁵.

---

⁴ Иванов В.Н. Приватизация: итоги и перспективы // СОЦИС. 2007. № 6.

⁵ Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность — планетарная проблема. СПб.: Юридический центр, 2006.

Тогда и прошла по России трещина раскола, которая быстро превратилась в пропасть. Эта приватизация, сопряженная с обманом населения, *оскорбила* людей. В.П. Горяинов заметил: «Сказанное как нельзя точно подходит к большинству населения России. Например, нами по состоянию на 1994 год было показано, что по структуре ценностных ориентаций население России наиболее точно соответствовало социальной группе рабочих, униженных и оскорбленных проведенной в стране грабительской приватизацией»⁶.

Уже в 1994 г., еще в ходе приватизации, социологи наблюдали важное явление — неприятие приватизации сочеталось с *молчанием* населения. Многие тогда замечали, что это молчание — признак гораздо более глубокого отрицания, чем явные протесты, митинги и демонстрации. Это был признак *социальной ненависти*, разрыв коммуникаций. Произошло осознание приватизации как *зла*, и было произнесено символическое определение: *грабительская приватизация* (так при опросах обозначили ее 75% граждан).

Приватизация не только привела к глубокому экономическому кризису, безработице и деклассированию рабочих. Она деформировала общественную систему «сверху». Принять господство олигархических структур (плутократии) — это немислимый регресс, с которым общество с современной культурой не может примириться. Обретение собственности через грабительскую приватизацию стало родовой травмой всего сообщества российских предпринимателей в промышленности, лишило их собственность легитимности.

В новых рыночных отношениях особенно пострадали коренные малочисленные народы. Так, на 1991 г. в Корякском автономном округе насчитывалось 140 тыс. оленей, а к 1997 г. их осталось 90,7 тыс. Эксперты связывают это прежде всего с крахом быта оленеводов⁷. Численность представителей народов Севера, занятых в сельском и промысловом хозяйстве, по срав-

⁶ Горяинов В.П. Социальное молчание как концепция особого вида поведения (о книге Н.Ф. Наумовой «Философия и социология личности») // СОЦИС. 2007. № 10.

⁷ Лебедев С.В. Занятость коренных малочисленных народов Севера: проблемы и регулирование на примере Корякского автономного округа: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Хабаровск, 1998. С. 13–14.

нению с 1990 г. сократилась в два раза и более. Северные села превратились в очаги хронической безработицы (так, например, чукчи в середине 2000-х гг. были практически на 90% безработными в зимнее время⁸). В бизнесе (обычно семейном, связанном с традиционными ремеслами) было занято всего 2%⁹.

Серьезное препятствие для развития хозяйственной и предпринимательской деятельности народов Севера — деятельность на их территории нефтяных компаний. Они платят народам Севера приличную компенсацию, и те привыкают жить на эти деньги, отказываясь от своих традиционных промыслов¹⁰.

Во время переустройства народного хозяйства в ходе реформ были моментально уничтожены механизмы *планирования* хозяйства. Развитие этих механизмов — длительный процесс, предопределенный природными и культурными условиями России, это «национальная особенность» отечественного хозяйства, влияющая в свою очередь на все стороны нашего жизнеустройства.

На внутреннем рынке России торговля всегда была торговлей на «*дальние расстояния*», что резко повышало транспортные издержки. В 1896 г. средние пробеги важнейших массовых грузов по внутренним водным путям превышали 1000 км. Средний пробег по железной дороге в тот год составил: по зерну — 638 км, по углю — 360 км и по керосину — 945 км¹¹. Понятно, что уже один этот фактор требовал иной организации национального хозяйства России по сравнению с Западной Европой (условия пространства, расстояния, транспортные сети и плотность населения на Западе, подробно описанные Ф. Броделем¹², отличаются от условий России просто разительно).

---

⁸ Фролова А.Н. Развитие этнокультурных традиций воспитания детей коренных малочисленных народов Крайнего Северо-Востока России: социально-педагогический аспект: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Тамбов, 2004. С. 31.

⁹ Богданова Т.И. Организационно-экономический механизм поддержки предпринимательской деятельности коренных малочисленных народов Севера: на примере Камчатской области: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2006. С. 13–14.

¹⁰ Белов В.В. Земельные отношения в районах проживания коренных малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 2006. С. 25.

¹¹ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. С. 317.

¹² См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Соч.: В 2 ч. М.: Языки славянской культуры, 2003. Ч. 2.

Устранение планового начала оказало мощное воздействие, ослабляющее связность народа России, в том числе и русского народа. Например, в любой стране государство должно следить за таким критическим плановым показателем, как региональное расслоение по «образу жизни», выражающееся прежде всего в уровне душевого дохода. Есть пороговые уровни, которые это расслоение не должно превышать, ибо нация распадается на общности, живущие в разных цивилизационных нишах. В советской системе через экономические механизмы поддерживалось достаточное сходство регионов по главным показателям благосостояния. Связность страны и народа по образу жизни была высокой.

Трудовые отношения

Важной частью всех институциональных матриц хозяйства являются отношения в процессе труда. Они формируют один из важнейших пучков связей, соединяющих людей в народ. Труд был одним из важнейших символов, скреплявших советское общество. Для нашего народа он представлял деятельность, исполненную высокого духовно-нравственного (литургического) смысла, воплощением идеи *Общего дела*. Латинское выражение *Laborare est orare* («трудиться значит молиться») в течение длительного времени имело для советских людей глубокий смысл.

Такое представление о труде стало в годы перестройки объектом очень интенсивной атаки. Множество экономистов, публицистов и поэтов требовали устранить из категории труда его духовную компоненту, представить его чисто экономическим процессом купли-продажи рабочей силы. На какое-то время эта кампания достигла определенного успеха. В 1993 г. 63,6% несовершеннолетних, которые увольнялись с предприятий, объясняли это тем, что «любой труд в тягость, можно прожить и не работая»¹³.

Разрушение символа укреплялось практикой производственных отношений. В организации труда реформа привела к господству *неправовых методов*. В «рыночном» хозяйстве РФ практически не действует Трудовой кодекс. Так, согласно его нормам,

¹³ Двойменный И.А. Социально-психологические особенности несовершеннолетних преступников // СОЦИС. 1994. № 8–9.

«продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю». На деле за первые 8 лет реформ фактическая месячная трудовая нагрузка в РФ выросла на 18 часов. На 2004 г. у 46% работников трудовая нагрузка превышала разрешенную Кодексом, а 18% трудящихся работали более 11 часов в день или без выходных. При этом переработки вовсе не вызваны интересом к творческой работе, как это бывало раньше, они были *вынужденными*. Для большинства работников дополнительная работа — *жизненная необходимость*¹⁴.

Новые рыночные отношения ударили прежде всего по объектам особой государственной заботы: *деревне, системе здравоохранения и пенсионному обеспечению*.

Состояние деревни

В 1992 г. сельское население, культура и жизнеустройство которого за длительное время были приспособлены друг к другу и находились в системном взаимодействии, вдруг, без подготовки, оказалось брошенным в реальность «дикого» рынка, будучи при этом лишено всех ресурсов и организации, которые необходимы для адаптации к рыночным механизмам. Способом выживания в таких условиях стал откат к натуральному хозяйству.

Реформа превратила село в огромную депрессивную зону с глубокой архаизацией хозяйства и быта — оно «отступило на подворья». Усиление подворья с его низкой технической оснащенностью — социальное бедствие и признак *разрухи*. Необходимость в XXI в. зарабатывать на жизнь тяжелым трудом на клочке земли с архаическими средствами производства и колоссальным перерасходом времени — означает не только растратывать свою жизнь, но и лишать ее общественного смысла.

За период 1989–2005 гг. с карты страны ежемесячно исчезали в среднем четыре поселка городского типа. За период 1989–2002 гг. ежемесячно без населения оставались в среднем 22 сельских населенных пункта¹⁵.

---

¹⁴ Денисова Ю.С. Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе // СОЦИС. 2004. № 5.

¹⁵ 7.1. Внутренняя миграция и обезлюживание территории // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 1981.

Село глубоко и застойно обеднело. Средняя зарплата работников противоречит разуму и целиком определяется безвыходностью положения трудящихся. Росстат «усредняет» бедность. По данным Института аграрной социологии, в 2007 г. у 75–80% сельского населения среднедушевой доход был меньше прожиточного минимума, в том числе у 16–20% населения доход составлял менее 27% прожиточного минимума, а у 10–15% доход находился в диапазоне 16–19% этого минимума. В одной из работ социологов (2007 г.) о 1990-х гг. сказано так: «Почти у половины аграрного населения доход был в пределах 5–27% от величины прожиточного минимума. В 2001–2007 годах он несколько вырос, но у 4/5 все еще ниже уровня прожиточного минимума»¹⁶.

Катастрофа крестьянства усугубляется той социал-дарвинистской трактовкой, которую ей дают идеологи реформы. Соответственно, в среде новых земельных собственников также произошли радикальные мировоззренческие сдвиги, вплоть до отхода от традиционных представлений о человеке. Фермерство, которое поначалу представлялось как система современных трудовых малых предприятий, быстро породило слой новых латифундистов, владеющих тысячами гектаров земли, включая черноземы. В своих отношениях с бывшими колхозниками и рабочими они нередко проявляют неожиданные наглость и хамство. Совершенно неожиданно крестьянство оказалось зависимо от небольшой прослойки людей нового (или забытого) разрушительного типа.

Вот как, например, видят переформатирование России проектировщики Центра стратегических инициатив ПФО: «Есть основания прогнозировать следующие изменения. Окончательное исчезновение останцев¹⁷ традиционной русской деревни в ее искаженном советской эпохой формате — повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев, где можно ожидать формирования агроиндустриальной схемы,

¹⁶ Проблемы возрождения современного российского села // Россия: процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 году / Под ред. Г.В. Осипова и В.В. Локосова. М.: ИСПИРАН, 2008.

¹⁷ Авторское употребление геологического термина — Ред.

управляемой крупными холдингами, базирующимися на сращении банков и региональной власти... В русских областях, в отсутствие (маловероятного) притока иммигрантов из дальнего зарубежья, необходимо предвидеть исчезновение одного малого города из трех, так как на них всех не хватит населения... Исчезновение русского сельского населения должно способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре за счет дальнейшей этнизации региональных элит»¹⁸.

В этнической плоскости главное утверждение касается русского населения: «Окончательное исчезновение останцев традиционной русской деревни... — повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев... Исчезновение русского сельского населения ... за счет дальнейшей этнизации региональных элит».

Это — беспрецедентная в истории идея радикальной переделки межнационального общежития путем своеобразной «этнической чистки» всей сельской местности страны. Предлагаемый принцип межэтнического общежития называется *апартеид*. Мы не имеем в виду его одиозные формы, как в ЮАР. В данном случае речь идет о сельских поселениях. Русские оттуда перемещаются в города, а в сельской местности остаются нерусские народы. Как в Латинской Америке — в городах европейский модерн, а в сельской местности — традиционалистские индейские общины.

Надо подчеркнуть, что авторы процитированного доклада видят стратегическое развитие России не как соединение всего населения в полиэтническую гражданскую нацию, а именно как цивилизационное разделение русского и нерусских народов. В их представлении ликвидация «останцев» русской деревни «должна способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре». Иными словами, модернизации подлежат крупные города, куда будет стянуто русское население из деревень и малых городов, а в «региональной культуре» произойдет отступление к традиционному обществу (точнее, архаизация)¹⁹.

---

¹⁸ Россия: принципы пространственного развития. ЦСИ ПФО. URL: http://www.glazyshev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm/.

¹⁹ Эвфемизм «усиление традиционалистских рисунков» означает именно архаизацию, поскольку утрата структур современного индустриального обще-

Авторы доклада ЦСИ ПФО предлагают *срочный и чрезвычайный* проект перестройки всей страны по схеме «метрополия–колония». Для обеспечения устойчивости России они считают необходимым выделить в ней анклавов («зоны развития») с плотностью населения не менее 50 человек на 1 кв. км. Временной горизонт решения этой задачи — десятилетие, средства — радикальные, хотя авторы допускают, что они *могут быть и ненасильственными*.

Следует отметить и то, что резкое ослабление или ликвидация сельскохозяйственных предприятий с их общинным и патерналистским укладом, и одновременный «уход» государства из деревни с превращением власти в местное самоуправление привели к разрушению прежнего сельского общества и каналов его коммуникации с внешней средой — страной и миром. Сворачивается сеть школ и приближенных к селу медицинских учреждений, сокращается число и протяженность автобусных маршрутов, резко сократилось строительство объектов инфраструктуры в сельской местности. Происходит деградация сельских поселений России, в которых проживает 38 млн человек, в недалеком прошлом объединенных в сложную социокультурную систему. Как замечают социологи, обеднели «социокультурные связи почти 10 млн чел., проживающих в сельской глубинке: количество контактов сократилось в целом более чем в 2,6 раза, в том числе внутридеревенских — в 2,3 и с внешним по отношению к внутридеревенскому социокультурному пространству — почти в 4,2 раза. Распадаются даже родственные связи (за счет более чем трехкратного снижения контактов с проживающими в иных поселениях, районах и регионах — преимущественно родителей с детьми) и ослабевают досуговые связи с «миром за околицей». Существенно, в 8 раз, уменьшилось количество контактов с органами и работниками местного управления (в том числе внутри деревни по общественным делам — в 34 раза и за ее пределами — в 48 раз). Еще в большей степени, почти в 9 раз, сократились производственные контакты, при этом со вещательные связи уменьшились в 21,6 раза²⁰.

ства не ведет к восстановлению традиционной культуры.

²⁰ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // СОЦИС. 2004. № 12.

Состояние системы здравоохранения

Депопуляция с 1992 г. идет фактически по всей территории России. И несмотря на частичную компенсацию за счет иммиграции, численность народонаселения России снизилось с 148,3 млн в 1992 г. до 141,9 млн человек в 2008 году.

Общий коэффициент смертности (ОКС)²¹ в 1,3 раза выше, чем в «новых» странах ЕС, и в 1,5 раза выше, чем в «старых» странах ЕС. Основными причинами смертности населения России в являются болезни системы кровообращения, от которых в 2007 г. умерли около 1,2 млн человек (56,6% всех умерших). От новообразований умерли 13,8%, от болезней пищеварения — 4,2%, от болезней органов дыхания — 3,7%, от инфекционных заболеваний умерли 33,6 тыс. человек (1,6% умерших)²².

С 1990 г. по 2006 г. существенно возросло число случаев заболеваний, приводящих к смертельному исходу. Например, число случаев заболеваний системы кровообращения возросло в два раза, онкологических — на 60%. Число болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани, приводящих к инвалидности, а также осложнений в ходе беременности, родов и послеродового периода возросло в два раза. В структуре заболеваемости преобладают болезни органов дыхания (23,6%) и болезни системы кровообращения (13,8%), пищеварения (7,7%), костно-мышечной системы (7,5%), глаз (7,1%), мочеполовой системы (6,8%), травмы и отравления (6,3%), болезни кожи и подкожной клетчатки (4,3%), инфекционные и паразитарные болезни (3,7%)²³.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в здравоохранении на Крайнем Севере. Уровень заболеваемости среди северян превышает средний по стране в 3–5 раз, а уровень заболеваемости туберкулезом в ряде регионов — в 6–17 раз. Более чем в два раза у северян выше онкопатология, заболеваемость органов дыхания и кровообращения. У народов Крайнего Севера «лидируют» болезни органов дыхания (39,8%); далее — болезни нервной

---

²¹ ОКС — число умерших от всех причин на 1000 жителей.

²² 6.1.2. Здоровье населения и здравоохранение в России // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 1696.

²³ Там же. С. 1698.

системы (16,9%); травмы, отравления и некоторые последствия воздействия внешних причин (9,5%); болезни органов пищеварения (6,4%); болезни кожи и подкожной клетчатки (6,1%); болезни мочеполовой системы (5,6%); инфекционные и паразитарные болезни (5,1%). Увеличилась численность больных активным туберкулезом, в том числе в Республике Хакасия — в 3,6 раза; Алтайском крае — 2,5 раза; в Республике Тыва, Эвенкийском АО, Хабаровском крае, Иркутской, Камчатской, Магаданской, Мурманской, Сахалинской, Томской, Читинской областях этот рост составил от 30,7 до 88,7%²⁴.

Среди народов Севера очень высока смертность среди взрослых и среди детей. На 2006 г. средняя продолжительность жизни аборигена в Камчатской области — 33,2 года²⁵; на 2004 г. смертность детей до одного года составляла: у коряков — 52,6%, эскимосов — 47,6%²⁶.

Еще одна очень уязвимая группа в сфере здравоохранения — дети-сироты. По данным на 2010 г., в домах ребенка к здоровым можно было отнести всего 15,2% детей, в детдомах — 22,5%, в детских домах-интернатах — 13,8%. В 30 субъектах Федерации смертность детей в домах ребенка превышает среднероссийский показатель²⁷.

Несмотря на столь критическое состояние, государство мало тратит средств на обеспечение здоровья своих граждан: хотя по утверждениям Минздравсоцразвития России расходы федерального бюджета на медицинскую помощь увеличились с 2,6% ВВП в 2005 г. до 2,9% ВВП в 2007 г., а расходы на здравоохранение в целом — с 3,2% ВВП в 2005 г. до 3,5% ВВП в 2007 г., реально по затратам (не только бюджетных, но и всех других) на здравоохранение

²⁴ Донской Ф.С. Интеграционные процессы в жизни северян: проблемы и перспективы // СОЦИС. 2005. № 5.

²⁵ Богданова Т.И. Организационно-экономический механизм поддержки предпринимательской деятельности коренных малочисленных народов Севера: на примере Камчатской области: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2006. С. 12.

²⁶ Фролова А.Н. Развитие этнокультурных традиций воспитания детей коренных малочисленных народов Крайнего Северо-Востока России: социально-педагогический аспект: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Тамбов, 2004. С. 31.

²⁷ Желиголова Р.М. Феномен социального сиротства в системе общественного бытия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2010. С. 18.

от ВВП Российская Федерация занимает одно из последних мест в Европе. Расходы на одного россиянина в сфере охраны здоровья в 20 раз меньше, чем на жителя США, и в 10 раз этот показатель меньше, чем в Западной Европе²⁸.

Пенсионная система

Важно отметить, что связи *этничности* и *социальные* связи переплетены. Разрыв социальных связей ведет к появлению расходящихся общностей, которые становятся взаимно чуждыми и в этническом плане. Вот один из механизмов, связывающих народ «во времени», т. е. поколение с поколением, — *пенсионная система*. В конце 1990-х гг. правительство даже посчитало реорганизацию пенсионного обеспечения «важнейшей национальной задачей» в России.

Народ вечен, пока в нем сохраняются взаимные обязательства поколений. Одно из них состоит в том, что трудоспособное поколение в целом *кредитует* потомков — оно трудится, не получая полностью всю плату за свой труд. Иногда эта его лепта в благополучие потомков очень велика. Так это было, например, у поколений, которые создавали советское хозяйство в период индустриализации и защищали страну в Отечественной войне. Обязательство потомков — обеспечить достойный кусок хлеба тем людям из предыдущего поколения, кто дожил до старости.

В СССР это воплощалось в государственной пенсионной системе, которая была одной из важных институциональных матриц страны. В этой системе часть данного предыдущим трудоспособным поколением кредита возвращалась ему в виде пенсий. Эта часть распределялась, в общем, на *уравнительной* основе. Доля тех граждан, кто до пенсии не дожил, оставалась в общем котле.

В тех культурах, где человек считает себя обособленным индивидом, в этой сфере сложилась другая институциональная матрица — *накопительные* пенсионные фонды. Она рациональна в рамках культуры и экономической реальности Запада, но перенесение ее в иную экономическую и культурную среду

---

²⁸ 6.1.2. Здоровье населения и здравоохранение в России // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 1710.

практически наверняка лишает ее рациональности. Это — очевидное и элементарное правило. Необходимые критерии подобия между Западом и Россией в этой сфере не выполняются.

При советском строе пенсии были *государственными*, и выплачивались они из *госбюджета*. Выплата пенсий представляла собой отдельный раздел бюджета, ничем в принципе не отличающийся от любого другого раздела. На обеспечение пенсий шли все доходы и все достояние государства. Верховный Совет СССР горбачевского созыва в 1990 г. внес в пенсионную систему фундаментальное изменение — учредил Пенсионный фонд — что-то среднее между налоговым ведомством и банком.

Таким образом, обязанность формировать денежный фонд для выплаты пенсий возложили только на малую часть народа — лишь работающих *ныне* граждан. Когда эту обязанность несло государство, деньги на пенсию собирали *все поколения* народа, включая предков и потомков. Это было «общим делом», соединяющим нас в *народ*. Формирование пенсий пожилым — это тип бытия народа и отношений между поколениями, адекватный индустриальному этапу нашего общества.

Следующим шагом реформы становится отстранение от этого дела уже и нынешнего поколения как части народа — теперь *каждый индивид* копит себе на часть пенсии сам. Он не должен надеяться на помощь своих ровесников. В этом плане народ полностью расчленяется на «атомы», в чем и заключается доктрина реформы²⁹.

Реформы нанесли ущерб и большим государственным скрепам — транспорту, жилищно-коммунальному хозяйству и военно-промышленному комплексу.

Транспорт

Наблюдается значительный контраст между развитой европейской частью страны и ее северной и азиатской частями. При этом вследствие ухудшения инженерного обеспечения густота железнодорожных путей в ряде ее приграничных субъектов имеет тенденцию к снижению. Происходит это в Северной Осетии,

²⁹ Копить деньги на старость люди умели и могли без всякого государства испокон веку. Пенсионная система СССР нисколько не мешала откладывать на старость в сберкассе — советская власть вкладов не воровала.

Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Краснодарском, Хабаровском и Приморском краях, Брянской, Воронежской, Курской, Псковской, Мурманской, Калининградской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Новосибирской, Омской, Амурской и Сахалинской областях. Правда, в случае Ингушетии, Краснодарского и Хабаровского краев, а также Брянской, Воронежской, Курской, Самарской, Новосибирской, Омской и Амурской областей заметна тенденция к увеличению густоты автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, равно как и в большинстве регионов России³⁰.

Наблюдается также разъединенность линий транспортного каркаса пространства России, поскольку ее опорный каркас складывался и развивался в СССР без учета границ его республик, не оказывавших никакого влияния на трассировку железных дорог. С приобретением этими границами статуса государственных оказалось, что транспортные линии, подходя к государственной границе России, не имеют завершений в виде значительных центров, способных служить контактными узлами (за исключением Мурманска, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Новороссийска и Владивостока). При этом такие важнейшие магистрали, как Транссиб и дорога от Москвы на Ростов-на-Дону через Тулу — Курск — Белгород проходят по территории других государств: Казахстана — на участке Транссибирской магистрали между Челябинском и Омском — и Украины³¹.

В России формирование опорной сети дорог в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока так и остается незавершенным. Тем более не завершено и формирование опорной сети федеральных автомобильных дорог, связывающих все регионы России. В США, в ЕС и особенно в Китае темпы дорожного строительства выше российских (в результате чего атласы автомобильных дорог КНР устаревают практически каждый квартал). Как можно видеть, в России даже планируемая средняя стоимость дорожного строительства выше по сравнению с ЕС — в 2,6 раза, по сравнению с США — в 3 раза, по сравнению

---

³⁰ 11.3. Территориальная целостность: транспортная скрепа // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 5. С. 2877.

³¹ Там же. С. 2878–2879.

с Китаем — в 7,3 раза (годом ранее журнал «Эксперт» не без основания утверждал, что строительство одного километра участка разгонного тоннеля Большого адронного коллайдера на границе Швейцарии и Франции обходится в полтора раза дешевле строительства километра четвертого транспортного кольца в Москве³²).

Технологическое отставание, коррупция и малая эффективность государственного управления делают дорожное строительство в России более затратным и по сравнению с соседним Казахстаном. По данным правительственного сайта Казахстана, стоимость одного километра автомобильной дороги в Казахстане — в среднем для 2-й и 3-й технических категорий с двухполосным движением — составляет 150–200 млн тенге (1–1,5 млн долл.), а для дорог 1-й категории (четыре и более полос) — 450–550 млн тенге (3–3,6 млн долл.) в зависимости от технико-экономических показателей. В среднем стоимость одного километра автомобильной дороги с четырехполосным движением в Венгрии составляет 10,25 млн долл., в Хорватии (с двухполосным движением) — 7,9 млн долл., в Германии (с двухполосным движением) — 1 млн долл., а стоимость «автобана» — 5–14 млн евро. В Китае один километр дороги с двухполосным движением стоит 1,2 млн, с четырехполосным движением — 4,4 млн долл. По данным Росавтодора, в России средняя стоимость дорог 1-й категории находится в пределах 4,5–13 млн долл. Например, если стоимость проекта четырехполосной скоростной автомагистрали «Дон» между Москвой и Краснодаром по маршруту М–4 составляет 4,4 млн долл. за один километр, то в отдельных случаях, таких как проект строительства платной высокоскоростной автомагистрали Москва — Санкт-Петербург с десяти — (выезд из г. Москвы), восьми — (Московская и Ленинградская области) и шестиполосным движением (Тверская и Новгородская области), стоимость одного километра доходит до 65 млн долл.»³³.

Что касается морского транспорта, то рассмотрим пример Северного морского пути (СМП). Для России СМП является

³² Тюменев В. Плата за дурь. URL: http://www.expert.ru/expert/2008/48/plata_za_dur/.

³³ Блог Э.К. Кусайынова. URL: http://www.blogs.e.gov.kz/blogs/kusainov_a/questions/21394?lang=kk-KZ.

важнейшей морской транспортной артерией независимо от перспективы превращения ее в звено «северного транспортного моста», поскольку именно за счет него обеспечивается северный завоз и обслуживаются нужды ТЭК. Однако по сравнению с восьмидесятыми годами, когда по СМП перевозилось 6–8 млн тонн грузов в год, объем перевозок снизился в 5–6 раз³⁴, что явилось результатом резкого сокращения масштабов хозяйственной деятельности на Крайнем Севере в процессе рыночных преобразований, а также из-за непомерных фрахтовых и потонных ставок.

Государственные бассейновые управления водных путей и судоходства из-за отсутствия должного финансирования прекратили работы по поддержанию судоходных условий на внутренних водных путях. Не проводятся путевые работы по их улучшению, на ряде участков снята освещаемая судоходная обстановка (флот работает только в светлое время суток), реки приходят в естественное состояние. Рабочее ядро транспортного флота Сибири морально и физически устарело. Свыше 70% транспортных судов имеют срок службы более 20 лет, их технический и эксплуатационный уровень остается низким³⁵.

В итоге, по российским рекам, которые соединяли десятки тысяч деревень и городков и проживающие в них народы, поток пассажиров сократился в 5 раз. На Крайний Север морским транспортом теперь завозят в 7–8 раз меньше грузов, чем до реформы, что явно отрывает коренные малочисленные народы от «тела нации».

Тяжелое положение сложилось и с воздушным транспортом — важнейшим в последние полвека средством интеграции народов Сибири и Дальнего Востока в российскую цивилизацию. В России целый ряд районов — прежде всего на Севере и за Уралом — доступны только благодаря воздушному транспорту; причем для данных регионов страны аэропорт в большинстве случаев является градообразующим предприятием, с исчезновением которого исчезает и социальная инфраструктура. Между

---

³⁴ Евланов А. Севморпуть станет платным // Российская Бизнес-газета. 2009. № 692.

³⁵ 15.6. Инфраструктуры России // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 6. С. 3612.

тем общесистемный кризис гражданской авиации России привел к сокращению объемов авиатранспортной работы авиакомпаний с 1990 г. по 2006 г. в 2,6 раза, количества отправок пассажиров из аэропортов страны — в 3 раза. Объем авиаперевозок за 1995–2000 гг. сократился в 4–10 раз. Из-за отсутствия средств на реконструкцию и переоснащение, а также из-за не востребова- ности количество действующих аэродромов на территории Рос- сии с 1992 г. по настоящее время сократилось с 1302 до 351, из которых активно используются 260 (что количественно соответ- ствует Франции и Германии — и это при несравнимых с этими странами расстояниями и дорожной инфраструктурой)³⁶. 87% сокращения аэродромной сети страны за последние полтора де- сятилетия произошло за счет грунтовых аэродромов. В резуль- тате многие субъекты Российской Федерации практически пол- ностью лишились сети местных авиалиний³⁷.

По данным на 2007 г., около 12 млн россиян не имеют воз- можности пользоваться воздушным транспортом, теряя связь с «большой землей»³⁸, что наряду с непрекращающимся ростом цен на авиационные горюче-смазочные материалы и ростом та- рифов на авиабилеты фактически ведет к утрате российским обществом своего пространственного единства на всех уров- нях — общегосударственном, межрегиональном и региональ- ном³⁹.

Таким образом, возможность граждан Российской Федера- ции свободно передвигаться оценивается экспертами в 2,5 раза ниже, чем в развитых странах⁴⁰.

К сфере, наиболее сильно зависимой от развития транспорт- ной системы, относится здравоохранение. В условиях бездорожья

³⁶ 15.6. Инфраструктуры России // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 6. С. 3586.

³⁷ Бугроменко В.Н. Стратегическое пространственное планирование // Известия Русского географического общества. 1995. № 2.

³⁸ Ячменникова Н. Аэропорт до востребования. Около 12 миллионов россиян не имеют возможности летать самолетами // Российская газета. 2007. 1 авгу- ста.

³⁹ 15.6. Инфраструктуры России // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 6. С. 3587.

⁴⁰ Пехтерев Ф.С. Перспективы развития отрасли // Железнодорожный транс- порт. 2004. № 4.

на расстоянии свыше 4 км от медицинского учреждения люди в 2–2,5 раза реже обращаются за медицинской помощью, что способствует росту числа хронических заболеваний и смертности в сельской местности⁴¹.

Реформа жилищно-коммунального хозяйства

Разрыв важных человеческих связей произошел при перестройке институциональных матриц в сфере недвижимости. Когда говорят об обеднении, обычно внимание концентрируется на расслоении народа по доходам и уровню потребления. Однако на деле *социальный апартеид* создается множеством разных способов. Вот, например, в самом начале реформ в РФ были учреждены частная собственность и рынок недвижимости. Соответствующей правовой защиты имущественных прав создано не было, и возник хаос, от которого понесла ущерб значительная часть населения. Затем были созданы ведомства государственной регистрации недвижимости (строений и земельных участков) и введены новые, очень сложные правила регистрации. Возможность понять эти правила и действовать в соответствии с ними сразу стала фильтром, разделяющим население примерно на две равные части — тех, кто получал доступ к легальной недвижимости, и тех, кто этого доступа лишился.

С самого начала реформ была поставлена задача перестроить одну из крупнейших по масштабу институциональных матриц — *жилищно-коммунальное хозяйство* страны (ЖКХ). Это — ключевая система жизнеобеспечения, и ее влияние на все жизнеустройство народа очевидно. О размерах ЖКХ можно судить по тому, что его основные фонды составляют треть всех основных фондов страны. Крупные изменения в этой матрице прямо касаются и быта, и даже бытия подавляющего большинства граждан и их семей.

В СССР право на жилье было введено в Конституцию, стало одним из главных конституционных прав. И это было величайшим социальным завоеванием, которое являлось одной из спланированных народ сил. Между гражданским правом на жилье и правом покупателя на рынке — разница фундаментальная.

---

⁴¹ Бугроменко В.Н. Стратегическое пространственное планирование // Известия Русского географического общества. 1995. № 2.

Пока человек имеет жилье — он личность. Бездомность — совершенно иное качество, это аномальное состояние выброшенного из общества изгоя. Потеря жилья сразу приводит, по выражению социологов, к «вызывающей отчаяние проблематизации абсолютно всех сторон жизни». Бездомные очень быстро умирают. Ликвидация права на жилье — сильнейший удар по связности народа.

В 1989 г. в РСФСР 63,7% семей проживали в отдельных квартирах и 24% — в отдельных домах. То есть 87,7% населения РСФСР проживало в отдельных квартирах или отдельных домах, а вовсе не в «коммуналках»! В коммунальных квартирах проживали 6,1% семей, а 2,7% занимали часть отдельного дома. 3,6% жили в общежитиях, причем 97,1% семей, проживавших в общежитиях, занимали одну и более комнат⁴².

В России жильем является только *отопливаемое* помещение. Кратко опишем эту подсистему ЖКХ. В настоящее время состояние теплоснабжения, как и всего ЖКХ, подошло к критическому, пороговому моменту. Сегодня это один из главных, хотя и не афишируемых, политических вопросов. В нем высветились кардинальные принципы рыночной реформы.

Теплоснабжение, как и любая другая «институциональная матрица», зависит не только от состояния экономики и программных установок власти. На его сохранность или деградацию влияет и общий социально-психологический климат в обществе. Связи солидарности и сотрудничества укрепляют коммунальный характер систем жизнеобеспечения, а поворот к индивидуализму и конкуренции — ослабляет. Нынешнее ослабление этнических связей — одно из важных условий кризиса теплоснабжения. Очень многие питают ложную иллюзию, что можно пережить этот кризис в одиночку (например, потратившись на устройство автономного теплоснабжения).

О предприятии какого масштаба идет речь? Потребление тепловой энергии в ЖКХ составляет половину суммарного потребления в стране. Для обогрева жилищ и их горячее водо-

⁴² Заметим, что во время войны 1941–1945 гг. немцы на территории СССР разрушили до основания 1710 городов и поселков и 70 тыс. сел и деревень. Потери жилищного фонда были колоссальны, и о них нельзя забывать, оценивая деятельность советского ЖКХ за 40 лет от Победы до перестройки.

снабжение используется более 25% топлива, расходуемого в хозяйстве страны (что эквивалентно 300 млн тонн нефти в год). Здесь заняты два миллиона работников, они производят продукции (тепла) в количестве 2520 млрд кВт-ч, что по западноевропейским ценам (8 центов за 1 кВт-ч тепловой энергии в 2005 г.) стоит 200 млрд долл. в год.

Эта система предприятий — производителей и поставщиков тепла — была спроектирована и построена в советское время применительно к природным условиям России и сложившимся в ней за тысячелетие культурным нормам как система *общего* (даже *общинного*) пользования. Современное теплоснабжение России — порождение и в то же время элемент «генотипа» нашего народа и нашей цивилизации, отопление РФ спроектировано и построено для *уравнительного* распределения тепла. В СССР содержание ЖКХ было делом государства — таким же, как содержание армии, милиции и т. п. Государство финансировало ЖКХ как целое, как большую техническую систему, определяющую жизнеспособность страны.

Исторически, начиная с 1920 г., теплоснабжение в городах России сложилось как *централизованное*, с выработкой большей части тепла на теплоэлектроцентралях (ТЭЦ) как побочного продукта при производстве электроэнергии. Этот принципиальный технологический выбор позволил надежно снабжать жилища теплом, получить большую экономическую выгоду, резко сократить число работников и оздоровить экологическую обстановку в городах. Технология теплофикации позволяет даже сегодня отпускать населению тепло по цене в 5 раз более низкой, чем на Западе.

При централизованном теплоснабжении большинство жителей России оказались буквально *скованы одной цепью*. Общие, не поддающиеся расчленению и приватизации теплосети стали наглядным проявлением связности народа. Сегодня какую-то часть населения тяготит эта вынужденная национальная солидарность, но и они начинают понимать ее неизбежность. На Западе потребление тепла в большой степени автономно, сосед от соседа не зависят. В России же разорвать инфраструктуру отопления путем расслоения по доходам не удастся. Даже те богатые, что купили квартиры в новых домах, постепенно осознают,

что все эти дома присоединены к старым, проложенным в 1970–1980-е гг. теплосетям.

Реформа, которая ставила целью демонтаж народа, сразу же нанесла тяжелые удары по теплоснабжению. Отрасль была расчленена на множество независимых организаций (акционерных обществ, муниципальных предприятий и т. д.), было ликвидировано Министерство коммунального хозяйства, ранее представлявшее собой единый орган управления и технической политики. Созданные фирмы были пущены в «свободное плавание» почти в буквальном смысле голыми — они получили основные фонды по балансовой стоимости, без амортизационных отчислений, по своим размерам сравнимых со стоимостью основных фондов.

«Жесткая» часть системы теплоснабжения, ее материально-техническая база, рыночным изменениям поддавалась с трудом. Для ее переделки по западным образцам требовалось *строить* новые технические системы, а для этого у реформаторов не было и не будет средств. Главным изменением в техническом плане стало прекращение работ по содержанию и плановому ремонту теплоснабжения — ТЭЦ, котельных и теплосетей. Плановая замена изношенных труб с 1991 г. почти не проводилась, прокладка новых теплосетей практически прекратилась. Назвав себя правопреемником СССР и приняв в наследство от него теплосети протяженностью 183,3 тыс. км, государство РФ негласно прекратило выделение средств для содержания этой системы.

За 15 лет износ теплосетей достиг критического уровня, число отказов и аварий стало нарастать в геометрической прогрессии. В 1990 г. в среднем приходилось три аварии на 100 км теплосетей, в 1995 г. — 15 аварий, а в 2000 г. — 200 аварий. Деградация системы приобрела характер цепного процесса, затраты стали огромными — так, аварийный ремонт обходится примерно в 10 раз дороже, чем плановая замена той же трубы. К настоящему моменту, как сказано в официальном документе, речь идет о техносферной катастрофе, приобретающей характер *национального бедствия*.

Военно-промышленный комплекс

Рассмотрим кратко еще одну производственную систему, которая служила важной институциональной матрицей совет-

ского народа, а сейчас продолжает выполнять эту роль в РФ — *военно-промышленный комплекс* (ВПК). Роль его как матрицы определяется тем, что ВПК особым образом соединяет промышленность, науку и армию, которые в свою очередь сами являются большими институциональными матрицами. Более того, историческая память народов России, и особенно русского народа, превратила *оружие* в один из важных символов национального сознания. Танк Т-34, ИЛ-2 и «Катюша», ядерная ракета и автомат Калашникова — все это наши национальные символы, по отношению к которым мы проводим различие «свой-чужой».

Демонтаж советского ВПК, который был начат с первого дня реформы (а до этого готовился в сознании общества), вел именно к такому потрясению, не говоря уже о подрыве «жестких» механизмов соединения народа. История ВПК важна как учебный материал — это та большая система, которая не просто несет черты нашей национальной культуры, но обладает уникальными, неповторимыми этническими особенностями. Советский народ на пике своего национального самосознания создал систему, которая затем долгое время «воссоздавала» сам народ. И сегодня борьба вокруг российского ВПК есть борьба между силами, которые продолжают демонтаж нашего народа, и теми, которые этому противодействуют.

В качестве иллюстрации приведем выдержки из статьи авторитетного эксперта, бывшего зампреда Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыкова⁴³. Его первый важный тезис показывает, что вся советская экономика имела уникальную, присущую только нашему национальному хозяйству структуру. Она была просто непонятна для лучших экономистов и разведчиков США (впрочем, как и для нашей интеллигенции).

Шлыков пишет, на основании заявлений руководства ЦРУ США: «Только на решение сравнительно узкой задачи — определения реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн долларов в год». Один видный деятель США

---

⁴³ Шлыков В.В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах // Военный вестник МФИТ. 2001. № 8.

заявил недавно, что «попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области». Из одного этого видно, что речь идет о необычной, своеобразной системе.

В 1976 г. военно-промышленное лобби США добилось пересмотра оценок военных расходов СССР в сторону увеличения — до 12–13% ВВП. Это было прежде всего следствием коррупции в США. Сенатор Д. Мойнихен даже требовал роспуска ЦРУ за завышение советских военных расходов, в результате чего США выбросили на ветер через гонку вооружений триллионы долларов.

ЦРУ при этом ссылалось на данные некоего перебежчика из СССР, «научного сотрудника». Однако Шлыков пишет: «Никаких достоверных данных о советских военных расходах эмигрировавший научный сотрудник не мог предоставить по той простой причине, что ими не располагало даже само высшее руководство СССР. Ибо их не существовало в природе. Подавляющая часть советских военных затрат растворялась в статьях расходов на народнохозяйственные нужды. Со своей стороны, все оборонные предприятия списывали свои социальные и другие расходы (жилищное строительство, содержание детских садов, пансионатов, охотничьих домиков для начальства и т. п.) по статьям затрат на военную продукцию, к тому же “продававшуюся” государству по смехотворно низким искусственным ценам. Именно поэтому никакая иностранная разведка не могла вскрыть “тайну” советского военного бюджета, так же как сейчас было бы бесполезно пытаться установить истинные советские военные расходы через изучение сверхсекретных архивов и документов»⁴⁴.

Еще один важный тезис: производство оружия в СССР было неразрывно связано с остальной частью народного хозяйства и даже с *бытом*. Это — тип хозяйства и жизнеустройства, который был выработан в русской крестьянской общине, и он таит в себе огромный потенциал эффективности. Это — великое экономическое открытие русского народа, которое могло быть

⁴⁴ Шлыков В.В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах // Военный вестник МФИТ. 2001. № 8.

сделано только благодаря особенностям его центральной мировоззренческой матрицы.

Как только была изменена политическая система — и армия, и отечественный ВПК стали просто объектом *уничтожения*. В самой армии эти действия оценивались единодушно. Вот маленький штрих: «Летом 1994 г. был проведен массовый анонимный опрос офицеров главных и центральных управлений, академий и московских частей. Ни один из них не предложил кандидатуру Бориса Ельцина на пост президента на выборах 1996 года»⁴⁵. Главный удар был нанесен по производству наукоемких материалов и компонентов вооружения. Выпуск электронной техники военного назначения в 1992–1994 гг. сократился более чем в 10 раз. Был прекращен выпуск более 300 типов интегральных схем для новых ракетных комплексов наземного и морского базирования. В 1992 г. были прекращены закупки новых эффективных средств электронной защиты самолетов. Были прекращены важные исследования и разработки в области вооружений (высокоточного ракетного оружия, обнаружения малоразмерных целей. Список свернутых работ очень обширен⁴⁶.

Шлыков пишет: «В 1992 г. объем закупок вооружения и военной техники [был сокращен] сразу на 67%... И тем не менее, несмотря на столь, казалось бы, радикальное уменьшение, употребляя терминологию Е. Гайдара, “оборонной нагрузки на экономику”, никакого заметного улучшения жизненного уровня населения, как известно, не наступило. Наоборот, произошло его резкое падение по сравнению с советским периодом. Более того, в глубокую депрессию впал и так называемый гражданский сектор российской экономики, особенно промышленность и сельское хозяйство... Советский период по мере удаления от него все более начинает рассматриваться как время, когда страна имела и “пушки, и масло”, если понимать под “маслом” социальные гарантии. Уже не вызывают протеста в СМИ и среди экспертов и политиков утверждения представителей ВПК, что Советский

---

⁴⁵ *Серебрянников В.В.* Армия и политический режим // Армия России сегодня и завтра: Сб. статей. М.: Клуб «Реалисты», 1995.

⁴⁶ *Беляков А.А.* План ГОЭЛРО в технико-экономическом контексте эпохи // Альманах Центра общественных наук (МГУ). 1998. № 7.

Союз поддерживал военный паритет с США прежде всего за счет эффективности и экономичности своего ВПК».

Это — последний важный тезис. В народном хозяйстве СССР ВПК был не «нагрузкой», а необходимым элементом целостной экономической системы. При его подавлении вся система погрузилась в кризис. Отличие советского хозяйства от того, что мы видим сегодня, составляет как бы загадку, которую в интеллигентной среде избегают даже формулировать. Сейчас все, кроме денег, у нас оказалось «лишним» — рабочие руки и даже само население, пашня и удобрения, скот и электрическая энергия, металл и квартиры. Все это или простаивает, или продается по дешевке за рубеж, или уничтожается.

Все описанные разрушения привели к угрозе государственной целостности — *дезинтеграции регионов* и к общенациональному бедствию — *критическому расколу между богатыми и бедными*.

Дезинтеграция регионов

На пореформенный раскол накладывается сетка деления по региональным основаниям и по типам поселений: «Жители мегаполисов и российская провинция видели совершенно разные “России”. В мегаполисах со знаком плюс оценивают ситуацию в стране 69% респондентов, в российской провинции, районных центрах, поселках городского типа и на селе — от 34 до 38%. Ситуацию катастрофической или кризисной здесь считали свыше половины всех опрошенных, в то время как в мегаполисах — лишь более четверти. Уровень разброса оценок по отдельным городам впечатляет еще больше. Москвичей, довольных жизнью, было свыше 80%, тогда как в Пскове или Рязани — 22% и 26% соответственно»⁴⁷.

Рассмотрим демографические характеристики российских регионов. Наиболее высокий коэффициент прироста населения на I квартал 2013 г. на 1 тыс. жителей показал Северо-Кавказский федеральный округ (8,3). Абсолютным лидером прироста является Чеченская Республика (20,2). Абсолютный антирезультат — у Псковской области (–10,3). В расчете на 1 тыс.

⁴⁷ Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // СОЦИС. 2009. № 7.

жителей естественная убыль составила 1,2, увеличившись с прошлогоднего показателя за тот же отрезок времени на 0,2. При этом самым «убыльным» оказался Центральный федеральный округ (–3,7). Аутсайдерами в нем являются Тульская (–8,6), Тверская (–8,3) и Тамбовская (–8,1) области⁴⁸. Итак, по коэффициенту рождаемости Псковская и Тульская области — это современные европейские страны, завершившие «демографический переход». Дагестан и Ингушетия в этом плане аналогичны развивающимся странам, все еще ориентирующимся на многодетную семью.

Впрочем, анализ коэффициентов смертности не позволяет причислять упомянутые российские области к развитым странам по типу демографического поведения. У последних смертность намного ниже и продолжает сокращаться. Например, за 1990–2006 гг. коэффициенты смертности снизились: в Австрии — с 10,6 до 8,9; во Франции — с 9,3 до 8,5; в Германии — с 11,5 (Западная Германия) до 9,9. За тот же период соответствующие коэффициенты увеличились: в Псковской обл. — с 15,1 до 23,3, а в Тульской — с 14,5 до 20,9⁴⁹.

Различия в демографическом поведении свидетельствуют о том, что в рамках России соседствуют чрезвычайно разные «культурные миры», гармоничное сосуществование которых невозможно без специальных усилий посредством адекватной региональной демографической политики.

Следствие различий в воспроизводстве населения — различия в его возрастном составе (табл. 3.1⁵⁰). Все самые молодые российские регионы — это удаленные от центра национальные республики и округа. Старое население концентрируется в столицах и в русском историческом ядре — Тульская, Московская, Рязанская и другие области.

Межрегиональные различия по ожидаемой продолжительности предстоящей жизни составляют свыше 20 лет. Если Чукотский АО и Тыва (58–59 лет) находятся по этому показателю на

---

⁴⁸ Актуальные цифры. Демография. URL: http://www.rusrand.ru/ac/cifra_675.html/.

⁴⁹ 7.3. Региональная дезинтеграция // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 2031.

⁵⁰ Там же.

Таблица 3.1

Население моложе трудоспособного возраста в некоторых регионах России (в % от общей численности населения), 2007 г.

10 самых «молодых» регионов		10 самых «старых» регионов	
Чеченская Республика	32,9	г. Санкт-Петербург	12,3
Республика Ингушетия	29,9	г. Москва	12,4
Республика Тыва	28,7	Тульская область	13,1
Республика Дагестан	26,2	Ленинградская область	13,2
Агинский Бурятский АО	25,7	Московская область	13,6
Усть-Ордынский Бурятский АО	24,7	Рязанская область	13,6
Республика Алтай	23,6	Ивановская область	13,7
Республика Саха (Якутия)	23,3	Воронежская область	13,8
Ненецкий автономный округ	22,0	Смоленская область	13,8
Чукотский автономный округ	21,6	Ярославская область	13,9

уровне Гамбии и Ганы (табл. 3.2–3.3⁵¹), Еврейская АО и Ненецкий АО (62 года) — Йемена и Сенегала, Читинская область (63 года) — Бангладеш, то Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия (71 год) аналогичны Парагваю и Бразилии, Дагестан и Чечня — Словакии, а Ингушетия достигает даже уровня Великобритании (одного из мировых лидеров по долгожительству).

Ожидаемая продолжительность жизни в России в целом растет с северо-востока на юго-запад, т. е. в соответствии с улучшением климатических условий. Парадоксально лидерство республик Северного Кавказа, где низок уровень экономического благополучия (по соотношению доходов и прожиточного минимума, уровню безработицы) и высочайшая в России социально-политическая нестабильность (включая террористические акты, высокий уровень бандитизма и даже наличие элементов боевых операций). Этот феномен социологи объясняют отсутствием

⁵¹ Данные по странам мира при составлении таблиц 3.2 и 3.3 взяты из: Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделённом мире. М.: Весь мир, 2007.

Таблица 3.2

**20 российских регионов с наименьшей ожидаемой
продолжительностью жизни при рождении (лет), 2007 г.**

Регион	лет	Страна-аналог	лет
Чукотский автономный округ	58,7	Гамбия	58,8
Республика Тыва	59,2	Гана	59,1
Еврейская автономная область	61,9	Йемен	61,5
Ненецкий автономный	62,0	Сенегал	62,3
Читинская область	63,0	Бангладеш	63,1
Магаданская область	63,6	Индия	63,7
Амурская область	63,9		
Новгородская область	64,0		
Тверская область	64,0		
Кемеровская область	64,0		
Псковская область	64,1		
Республика Бурятия	64,2		
Республика Алтай	64,3		
Смоленская область	64,5		
Сахалинская область	64,5		
Ленинградская область	64,6	Пакистан	64,6
Хабаровский край	64,8		
Иркутская область	64,9	Боливия	64,7
Тульская область	65,0		
Приморский край	65,1		

алкоголизма, опорой на личные подсобные хозяйства, особым менталитетом, включающим уважение к старшим, тесные родственные связи⁵².

⁵² Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития. Новосибирск: СО РАН, 2008. С. 307.

Таблица 3.3

20 российских регионов с наибольшей ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (лет), 2007 г.

Регион	лет	Страна-аналог	лет
Республика Калмыкия	68,4	Молдавия	68,4
Ростовская область	68,4		
Республика Мордовия	68,4		
Тюменская область	68,6	Белоруссия	68,7
Республика Адыгея	68,8		
Волгоградская область	68,8		
Краснодарский край	69,3	Гондурас	69,4
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	69,4		
Республика Татарстан	69,4		
Ставропольский край	69,5	Таиланд	69,6
г. Санкт-Петербург	69,9	Гватемала	69,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	70,2	Иран	70,2
Белгородская область	70,3	Марокко	70,4
Кабардино-Балкарская Республика	71,2	Эстония	71,2
Карачаево-Черкесская Республика	71,3	Парагвай	71,3
Республика Северная Осетия — Алания	71,7	Бразилия	71,7
г. Москва	72,5	Китай	72,5
Республика Дагестан	74,2	Словакия	74,2
Чеченская Республика	74,3		
Республика Ингушетия	79,0	Великобритания	79

В ходе общего обеднения большинства населения России резко усилилось расслоение регионов по доходам населения. Одним из принципов советской социальной политики было

постепенное выравнивание регионов по главным показателям благосостояния. В ходе реформы региональная дифференциация резко усилилась. Нарушились устоявшиеся, стабильные соотношения в социальных индикаторах разных республик, краев и областей Федерации. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, а в 2006 г. составила 10,2 раза и сегодня колеблется на этом уровне. Если в 1990 г. средний доход жителей Горьковской области составлял 72,4% от среднего дохода жителей Москвы, то в 1999 г. средний доход жителей Нижегородской области составлял всего 16,9% от среднего дохода москвичей, а в 2004 г. — 22,9%.

На картосхемах (рис. 3.1–3.2⁵³) показано распределение регионов России по душевому ВРП, пересчитанному в долларах США (по паритету покупательной способности — ППС) в сопоставлении со странами мира. Такое сравнение, конечно, условно, поскольку в рамках страны материальные блага подлежат межрегиональному перераспределению. Эти картосхемы, однако, дают определенное представление, но не столько о доходах населения, определяющих его уровень жизни, сколько об экономическом результате деятельности населения регионов в сопоставлении с этими показателями в странах мира.

Республика Ингушетия соответствует таким бедным странам, как Сенегал, Кот-д-Ивуар, Кения. Даже Монголия и Филиппины вдвое превосходят эту республику по уровню создаваемого богатства на душу населения. Ненамного богаче и Чеченская Республика, аналогами которой могут служить такие страны, как Йемен и Пакистан. 37 субъектов РФ с душевым ВРП 5–10 тыс. долл. по уровню создаваемого богатства разместились между Намибией и ЮАР.

Однако вершина нашей региональной экономической пирамиды — Тюменская область с округами — вполне адекватна по вновь созданной стоимости вершине мировой иерархии. Тюмен-

---

⁵³ 7.3. Региональная дезинтеграция // Национальная идея России: В 6 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 2042. Данные по странам мира при составлении рис. 2 взяты из: Доклад о развитии человека — 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Весь мир, 2009.

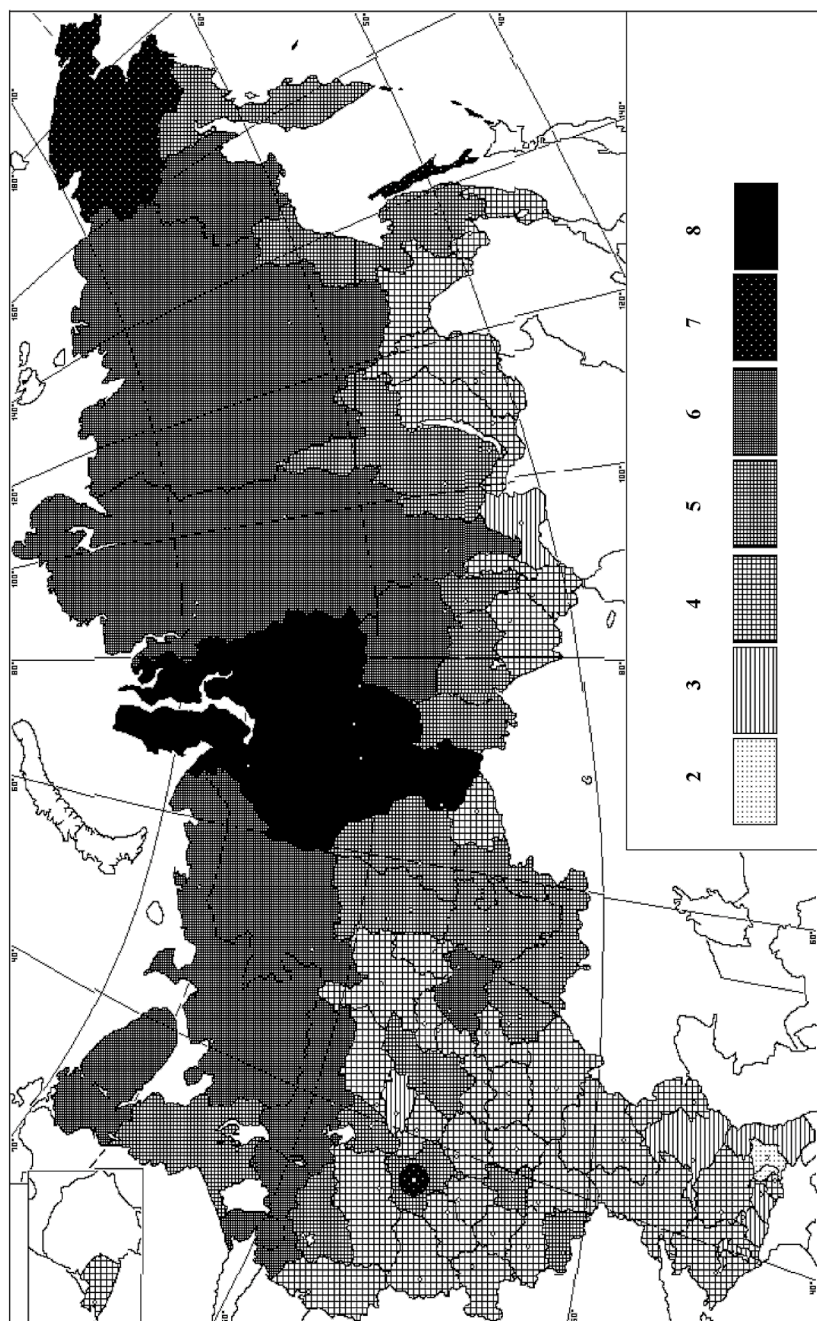

Рис. 3.1. Духовная валовой региональный продукт (по ППС) в регионах России, 2007 г., тыс. долл.
(Условные обозначения — см. рис. 3.2)